

Дарья Донцова

Шоколадное пугало

Детектив на диете Татьяна Сергеева

Annotation

Если вы заботитесь о своем здоровье, не читайте до обеда книг по оккультизму и магии! Эх, да только некому было дать такой совет Владимиру Сиракузову, когда он начал увлекаться эзотерической литературой. Вот и снесло преуспевающему бизнесмену крышу – сам дьявол собственной персоной начал к нему являться. Татьяна Сергеева, начальница особой бригады, к которой он обратился за помощью, так и решила – напрочь снесло.

Но что это достает Сиракузов из портфеля? Что это за лист пергамента с печатью и бурым пятном? Да, подтверждает Владимир, это договор с дьяволом о продаже души. Скрепленный кровью. Экспертиза показала – его, Сиракузова, кровью. Вот это поворот! Но Танюше по плечу и нечистую силу на чистую воду вывести!

- [Дарья Аркадьевна Донцова](#)

- - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
-

Дарья Аркадьевна Донцова

Шоколадное пугало

© Донцова Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Глава 1

«Если женщине стали малы брюки, она думает: «Ужас, опять я потолстела», если мужчина не влез в джинсы, он решит, что они сели после стирки».

Я усмехнулась. Замечание ехидное, но права радиоведущая программы «Болтовня без повода», которую я сейчас слушаю. Не далее как вчера Иван Никифорович появился в столовой и стал возмущаться:

– Надя опять постирала вещи неправильно, не на той программе, моя любимая рубашка уменьшилась аж на два размера!

Мне стало смешно. Сорочка села? Ну-ну! Я не могу назвать себя тростинкой. Я крупная, высокая, ширококостная и прекрасно понимаю: если буду безостановочно лопатить пироги, мороженое, макароны, быстро превращусь в помесь свиньи со слоном. Поэтому я старательно укрошаю свой аппетит. Справедливости ради замечу: иногда он меня побеждает. Но, уложив в себя пирог, который испекла моя свекровь Ирина Леонидовна, я испытываю муки совести и бегу на следующий день в фитнес. Кстати, служебная инструкция предписывает мне, начальнице особой бригады, регулярно заниматься спортом. Много усилий я трачу на то, чтобы стрелка весов по утрам не отклонялась вправо. И могу похвастаться: последние годы вес не растет. Туда-сюда бродят два кило, но это вода.

– Объясните Наде, что рубашки – это не простыни, – возмущался тем временем супруг, – их не кипятят!

– Не в этом дело, – возразила Рина, – Надя правильно стирает. Ни у меня, ни у Танюши проблем с одеждой нет.

– И почему моя любимая сорочка мне мала вдруг стала? – задал гениальный вопрос Иван.

– Потому что кто-то слишком много ест, – процитировала свекровь слова Кролика из мультфильма про Винни-Пуха.

Иван обиженно засопел и ушел, Рина вскочила.

– Надо непременно найти клинику, где носорога в кузнечика превращают.

– Ваня никогда туда не пойдет, – вздохнула я.

– Поживем – увидим! – воскликнула свекровь и унеслась, за ней помчались два французских бульдога, Мози и Роки.

Вопль телефона выдернул меня из воспоминаний о вчерашнем дне.

– Ты где? – спросил Димон.

Ну вот. Если звонит Коробков, стопроцентно придется в восемь вечера возвращаться в офис.

– Домой направляюсь.

– Разворачивайся. Человек на подъезде.

– Кто? – вздохнула я.

– Вольдемар фон Сиракузский, таец русского происхождения.

Я возмутилась.

– Ты выбрал неподходящее время для шуток. Я устала, как выночный верблюд. Домой хочу. В ванну с пеной. Рина испекла творожник. А еще чай нам подарили, из Франции привезли, аромат у него потрясающий. Мечтаю выпить чашечку, слопать кусочек запеканки. Неужели ты полагаешь, что я поверю про визит фон Сиракузского, тайца из России? Приятно знать, сколь высокого мнения Коробков об уме госпожи Сергеевой, но кое-какая соображалка у меня есть.

– И мне приятно узнать, что ты меня мелким пакостником считаешь, – с обидой в голосе сказал Димон. – Да, я люблю пошутить, но не так глупо, мои шутки интеллигентные, с тонким юмором.

– Кто Йосику, главбуху, интеллигентно, с тонким юмором на стол заводную жабу поставил, и она прыгнула, когда он папку взял? – спросила я. – Вообще-то так веселятся дети в третьем классе, а в четвертом перестают.

– Всем это понравилось! – начал оправдываться Димон. – Ржачка стояла на целое здание! Йоська в коридор вылетел, орал: «Помогите!»

– Да уж, – хмыкнула я, – охрана примчалась, всех на пол мордами уложила, решили, что кассу грабят. Хохма роскошная!

– А кто виноват, что Краснов безобидной механической игрушкой испугался? – пожал плечами Димон. – Придешь у него денег просить на расследования, смету покажешь, а Йося за голову картинно хватается: «Дима! Моя жаба от инфаркта уже умерла». Ну я и подарил ему лягушку, чтобы заняла вакантное место погибшей особы. Ты далеко?

Я не ответила, на второй линии была Рина, и я быстро переключилась.

– Когда домой приедешь? – почему-то шепотом спросила она.

Я зачем-то тоже понизила голос.

– А что?

– Не езжай домой.

Мне стало смешно. Рина в своем духе. «Когда домой приедешь? Не езжай домой».

– Я скинула тебе адрес, – продолжала свекровь, – Ване ни слова, это секрет. Жду.

– Прости, меня вызвали на работу, – вздохнула я.
– Ничего. Посижу, чаю попью.
– Ты в гостях?
– Нет. В одной фирме.
– Они, наверное, скоро закроются. Уже поздно.
– Сюда можно в любое время дня и ночи приехать, – заверила Рина. – Ване пока ничего знать не нужно.

Мечта понежиться в ванне с пеной разбилась как стакан, упавший с небоскреба.

– Как только освобожусь, так сразу, – пообещала я.
– Не волнуйся, не спеши, я лежу на диване, играю на айпаде в «птичек» и ем малиновое суфле, – прокрикала Рина и отсоединилась.

Я вернулась к прерванной беседе.

– Ты где? – повторил Димон.
– Вхожу в лифт, – ответила я и вошла в кабину.

Малиновое суфле, наверное, вкусное, сейчас бы я его съела. А вот в Angry birds мне играть не интересно. Я вышла из того возраста, когда нравятся компьютерные игры. Но Ирине Леонидовне по менталитету двенадцать лет. Сколько по паспорту, понятия не имею. Да и не имеет к свекрови отношение цифра, которая указана в основном документе россиянина. Рина обожает бродилки, квесты, Angry Birds, пазлы и все такое. Она член гейм-центра. Не спрашивайте, что это такое, я компьютерная балда, могу только почту прочесть. А мать Ивана прямо хакер. Зарегистрировалась она в центре под ником «Иришка-марышка», указала возраст: двенадцать лет.

– Я не принадлежу к молодящимся бабулькам с ярко-розовым румянцем, блондинистыми кудрями, глазками, которые ночью из-за многократной блефаропластики плохо закрываются, – тараторила она, показывая свой айпад, – но если честно укажу свой возраст, кто с мумией в птички на арене сражаться будет? Останусь одна. Смотри, какое письмо мне прилетело в день рождения: «Дорогой дружочек, Иришка-марышка, фирма «Компрыгигр» поздравляет тебя с тринадцатилетием. Мы рады сделать подарок игроку, который вошел в нашу десятку лучших. Отправляем тебе новую игру «Принцесса и стадо монстров» бесплатно. А еще ты получаешь сундук с монетами для покупок в этой игрушке. Учись хорошо, слушайся родителей, они плохого не посоветуют. С любовью к тебе, генеральный директор». Подпись неразборчива. Эх, зря я указала, что мне двенадцать.

– Почему? – не поняла я.

– Не подумала, что годы летят, – скисля Рина, – этак и двадцать натикает. Буду в центре старухой считаться.

– Не беда, зарегистрируетесь заново и опять станете девочкой, – улыбнулась я.

– А мой рейтинг, статус три золотые звезды, второе место в десятке лучших игроков? – чуть не зарыдала свекровь. – Прикажешь всего лишиться? Заново авторитет зарабатывать?

Я отвернулась к стене, чтобы Рина не увидела на моем лице улыбку, потому что вспомнила, как пару месяцев назад, вернувшись после празднования юбилея Ивана домой, его мать обнаружила, что потеряла бриллиантовое колье. Наверное, оно расстегнулось, упало, а свекровь, самозабвенно танцуя рок-н-ролл, и не заметила этого. Сколько стоит украшение, лучше не говорить. Узнав новость, я кинулась в аптечку за валерьянкой, но когда притащила в столовую рюмку с остро пахнущей настойкой, Ирина Леонидовна мирно пила чай.

– Вылей эту гадость, – велела она мне, – спасибо, Господи, что взял цацками, все живы-здоровы, остальное пустяки.

Исчезновение эксклюзивного колье никак не расстроило свекровь. А вот перспектива лишиться в гейм-центре статуса «три звезды» довела ее почти до рыданий. Нет, матери Ивана не двенадцать лет, максимум семь. Интересно, куда и зачем мне надо ехать? В голову Рины подчас приходят фантастические идеи. Что она на сей раз придумала?

Я вышла из лифта, пробежала по коридору и открыла дверь в переговорную.

Глава 2

– А вот и госпожа Сергеева, начальница особой бригады, – представил меня Димон.

Я села за стол.

– Добрый день. Извините за задержку, но...

– Я сам виноват, – резким тенором произнес мужчина, он держал в руке чашку с кофе, – наша встреча с вами заранее не планировалась. Разрешите представиться: Вольдемар фон Сиракузский.

– Очень приятно, – ответила я, – Татьяна.

– По паспорту я Владимир Петрович Сиракузов, – уточнил посетитель, – для вас просто Володя.

– Чем мы можем вам помочь? – осведомился Коробков.

Сиракузов вернул чашку на стол.

– В двух словах не объяснишь.

– Можете говорить сколько угодно, – сказала я, – чем больше мы узнаем, тем быстрее разберемся в ситуации.

Владимир склонил голову к плечу.

– Вы не будете возражать, если я встану? Сильно нервничаю, а ходьба успокаивает, поможет последовательно изложить проблему.

– Да хоть на шкаф залезайте, – махнул рукой Димон.

Я пнула его под столом.

– Шутка, – быстро пояснил компьютерщик.

– Понял, – усмехнулся Владимир, – на шкаф взбираться не намерен.

Я решила наконец начать деловую беседу.

– Почему вы нервничаете? Есть повод?

– За моей душой приходил дьявол, – пояснил Сиракузов.

– Дьявол? – повторила я, нажимая на тревожную кнопку под столом.

Сейчас охрана придет в состояние боевой готовности. Один звонок – это сигнал: «Возможно, понадобится помощь». Вот на два звонка надо лететь стрелой. И, как правило, получив сигнал о потенциальной опасности, сотрудники службы безопасности поднимаются на наш этаж и ждут у ресепшен продолжения банкета.

– В смысле, Люцифер? Типа хозяин ада? – уточнил Димон. – Или это кличка некоего человека, который против вас задумал зло?

– Это не уголовник, – вздохнул Владимир, – сатана.

– Живой? – задала я идиотский вопрос.

– Он бессмертен, – объяснил Владимир, – и может вечно творить зло.

– Ага, – кивнул Димон, – конечно. Хотя по поводу дьявола существуют разные мнения. Одни полагают, что он после Страшного суда окажется в аду, двери которого навсегда закроются. Грешники и князь тьмы никогда не смогут оттуда выйти. Другие возражают: мол, Христос простили тех, кто плевал в него, бил его по дороге на Голгофу, и даже тех, кто его распял. Он и дьяволу любовь явит, если тот покается, и тем, кто...

Я опять пнула ногой Димона. Вот незачем сейчас демонстрировать глубокие теософские знания! У нас в офисе сумасшедший.

Владимир словно прочел мои мысли и сказал:

– Не подумайте, что перед вами псих.

– Ну что вы, конечно, нет, – тут же соврала я.

– Я не причиню никому зла, – продолжал посетитель, – зря охрану вызвали. У вас определенно есть кнопка под столом. Естественно, вы на нее нажали. Секьюрити уже на стреме. У меня своя фирма, я работаю с клиентами. Подчас такие перчики жгучие попадаются! Без парней с пудовыми кулаками никак не обойтись. Понимаю вас, а вы попробуйте понять меня. Конечно, мое заявление про сатану звучит странно, но... Давайте изложу все по порядку.

– Хорошо, – кивнула я, – начинайте.

Владимир пошел к окну и повел рассказ.

Мать Володи Сиракузова зарабатывала гаданием. В советские времена Наталья Ивановна нелегально принимала клиентов. Умная женщина будущее никому не предсказывала, понимала, что может ошибиться. Посетитель разозлится, в лучшем случае потребует назад деньги, а в худшем настучит в милицию, Наталью тогда будут ждать большие неприятности. Сиракузова называла себя психологом-ведуньей, которая использует «метод естественных последствий». Что это такое? Например. В горящей печке лежит камень, вы его хотите взять. Очень. Как могут развиваться события дальше? Если вы хватаете булыжник, получаете тяжелый ожог. Если отказываетесь от своей идеи, остаетесь здоровым. Травма от огня – естественное последствие сунутой в пламя руки. Ничего нового, скажете вы. Да. Но большинство людей, которым втемяшилось в голову получить нечто или совершить некое действие, не задумывается обо всех последствиях своего желания. Женщина, которая тратит всю зарплату на туфли своей мечты, не думает в магазине, а на что жить-то ей потом? Она увидела вожделенные лодочки и, впав в сомнамбулическое состояние, прет танком к полке. Разума в сей момент красавица лишена начисто, не думает, с каким платьем носить сине-зелено-красные лодочки, не обращает

внимания на высокий каблук и очень узкий нос. Девица видит себя, волшебно-прекрасную, порхающей по служебным коридорам в модной лаковой обновке, слышит восхищенно-завистливые вздохи коллег и думает: «Ну, теперь Петя Иванов точно бросит Люську и обратит внимание на меня». День, когда она на самом деле притопает на работу, станет сплошным разочарованием. Через пятнадцать минут порхать по коридору станет невыносимо. Из-за узкого носика заломит пальцы, высоченный каблук вызовет боль в ступнях, голени, бедрах, лаковая кожа натрет мозоли. К по-цыгански ярким лодочкам будет сложно подобрать одежду, не говоря о сумочке. Коллеги будут пересмеиваться. Петя Иванов пройдет мимо, забыв поздороваться. А денег даже на батон хлеба не осталось! «Ну почему меня вечно преследуют неудачи», — глотая слезы, думает дурочка. А потому, что не учла естественных последствий, увидела только одну сторону медали, про вторую не подумала!

Как работала Наталья? Сиракузова расспрашивала клиентку о том, что ее волнует, потом брала колоду карт и заводила:

— Уйдет ли ваш любовник от жены? Есть два варианта ответа. Да и нет. Рассмотрим оба. Мужики с трудом семью рушат, они незаконных сожительниц «завтраками» кормят, вы потеряете время зря. И грех на душу возьмете. Закон бумеранга никто не отменял.

Ну и так далее. Наташа давала психологические консультации, которые многим помогали. Карты являлись эффектным аксессуаром. Многие люди путают психолога с психиатром и не идут к душеведам. А вот к гадалкам многие бегут охотно.

У Сиракузовых была огромная библиотека, она принадлежала отцу Володи, преподавателю истории. Петр Яковлевич увлекался астрологией, эзотерикой, занимался спиритизмом, вызывал духов умерших, составлял гороскопы. Окна дома были постоянно зашторены, стены квартиры отец покрасил в черный цвет, потолки — в темно-синий. Электричество Сиракузовы зажигали редко, Володя готовил уроки при свече. Телевизора в семье не было, радио тоже. Мать принимала клиентов на даче, отец преподавал в институте. Утром он надевал костюм и уезжал. Мальчик с малолетства чаще всего находился дома один. Он знал: родители не любят пустых разговоров. Поэтому, когда взрослые возвращались, сын уходил в свою комнату. Придя из школы, Володя обожал рыться в старых пыльных томах, которые собрал отец, глотал их без разбора. Годам к пятнадцати он начитался эзотерической литературы, работ по оккультизму и мечтал об общении с духами.

Петр Яковлевич умер, когда сын еще ходил в школу, но Володя не

горевал, отец не стал ему близким человеком. Хотя его книги сформировали личность парня. В восемнадцать лет он решил открыть салон магических услуг. Из-за отсутствия денег Володя поступил просто, опубликовал объявление: «Помогу во всех делах. Вызов покойных родственников». Вот только не надо считать Сиракузова мошенником. Он прочитал горы книг, знал массу заклинаний, подготовил все необходимое для обрядов, Володя твердо верил: духи могут исполнить любую человеческую прихоть. Тогда социализм в России уже рухнул, начался период дикого капитализма. По телевидению показывали колдунов, ведьм, люди бросались к ним за помощью. Парень решил, что быстро найдет тьму клиентов.

Но на объявление Володи никто не откликнулся. Он приуныл. Наталья Ивановна сказала расстроенному сыну:

– Ты вот-вот окончишь медучилище, получишь специальность массажиста. Может, немного поработаешь в какой-нибудь поликлинике, накопишь денег, а потом откроешь свой салон, вложишь средства в рекламу?

– Хватит меня воспитывать, – взбунтовался всегда послушный сын. – Теперь я буду жить своим умом. Люди не идут, потому что я не один живу в квартире! По вечерам здесь едой пахнет! А человеку хочется разговора с глазу на глаз.

Наталья Ивановна могла бы поинтересоваться у отпрыска: откуда же потенциальные посетители могут знать, сколько людей проживает в доме? В объявлениях этой информации нет. Но она тихо сказала:

– Конечно, сыночек, ты прав, – и окончательно переехала на дачу.

У Наташи-то отбоя от посетителей не было. Разновозрастные постоянные клиенты, которые привыкли по любому вопросу советоваться с гадалкой-психологом, были готовы за ней хоть на Марс лететь. Наталья всегда вела прием за городом, она ничего не потеряла, а вот сын не приобрел клиентов, желающих получить помощь от духов. К нему по-прежнему никто не спешил.

От тоски и скуки Володя, придя с занятий, продолжал читать книги покойного отца и в конце концов добрался до верхней полки, куда ранее не заглядывал, решил вытащить самый толстый том под названием «История ведьм», потянул его за корешок и чуть не рухнул со стремянки. Деревянная доска отъехала в сторону, за ней обнаружилась дверца с незапертым замком.

Владимир распахнул сейф, увидел книгу и конверт, а в нем письмо. Сиракузов сразу узнал почерк отца, который писал с затейливыми

завитушками. «Сын! Я отлично знаю, что ты изучаешь собранные мной уникумы. Это похвально. Но не все можно читать в школьном возрасте. Я сделал расчет твоей жизни и понял: до этого места ты доберешься после того, как спровоцируешь восемнадцатилетие. Поэтому самое важное издание находится тут. Много лет назад мне его подарил один человек за огромную услугу, которую я ему оказал: велел ему никогда не садиться в самолеты, вылетающие с девятнадцати до двадцати часов. Не все ко мне прислушивались. Но тот мужчина не усомнился в правильности моих предостережений, поэтому его не было в лайнере, когда тот упал в океан. Ты найдешь в этой книге самые действенные заклинания. Крепко подумай, прежде чем прибегнуть к помощи черной магии. Помни: из любопытства это делать категорически запрещено. Только в случае настоящей беды. Даже открывать книгу просто так, смотреть содержание не надо. Начнешь читать, и твои мысли услышат в преисподней. Мысли, сын мой, громче слов. Маме том не показывай, она его хотела сжечь, да я спрятал».

Думаете, Володя испугался, захлопнул сейф и постарался забыть о книге? Как бы не так! Парень стал изучать ее вопреки предостережениям отца. Информации было море. «Как вызвать духа богатства», «Как поговорить с демоном зла», «Как велеть черному ангелу убить обидчика»... В конце обнаружился лист, на котором крупным шрифтом красного цвета было написано: «Не читать, если не собираетесь продать душу дьяволу за исполнение всех своих желаний».

Лично я бы поостереглась даже знать о существовании такого заклинания. Я не верю в чертей и все такое прочее, но... А вдруг? Володя же внимательно изучил текст заклинания, несколько раз прочитал его и лег спать.

Глава 3

Через некоторое время после того, как он достал книгу из темницы, соседи сверху капитально затопили квартиру. Заставить их оплатить ремонт было невозможно, семья алкоголиков не имела ни копейки. Володя решил сам побелить потолок, поехал на стройрынок, и там у него украли кошелек. Хорошо, что у него была мать, которая содержала его, покупала ему продукты, оплачивала коммунальные расходы. А неприятности продолжали сыпаться на Сиракузова дождем. Парню было стыдно жить за счет родительницы. Володя решил наняться на любую службу, ему удалось найти место медбрата в доме престарелых, пригодился наконец-то полученный диплом медучилища. Зарплата вызывала нервный смех, ее едва хватало на оплату счетов, зато обещали бесплатное питание в местной столовой.

В понедельник Володя должен был выйти на работу, в воскресенье утром он свалился с высокой температурой, вечером пришли кашель, насморк, ломота во всем теле. Ночью парню стало так плохо, что он решил, будто умирает. Володя оказался в ситуации «некому стакан воды подать». И как назло, ему захотелось пить. Он попытался встать, не смог, заплакал и сказал:

– Помогите кто-нибудь! Пусть хоть дьявол придет, я и ему обрадуюсь!

Удивительно, но после этого возгласа отчаяния откуда ни возьмись у него появились силы, Сиракузов смог дойти до кухни, выхлебал, как ему показалось, весь водопровод и провалился в сон. Очнулся он от тихого покашливания, открыл глаза и увидел в кресле мужчину лет пятидесяти, с бородкой, в очках, дорогом костюме и рубашке с галстуком.

– Вы кто? – обомлел парень. – Как вошли в квартиру?

– О! Это очень просто, – улыбнулся незнакомец, – ты не запер дверь, заболел, совсем голову потерял. Но сейчас тебе уже легче? Ведь так?

Володя вдруг сообразил, что у него ничего не болит, и температура упала, и кашель не мучает, и насморк прошел.

– Да, – изумился он.

– Отлично, – обрадовался гость, – ты подцепил грипп. Вирус – коварная штука. Советую перед каждым выходом из дома использовать оксолиновую мазь. Простое, но очень надежное средство. Сам ею пользуюсь.

– Вы кто? – снова спросил Сиракузов.

– У меня много имен, – улыбнулся незнакомец, – Баальберит, Чемош, Демогоргон, Локки, Мелек Таус, Мефистофель, Миктиан, Нихаз, Плутон, Риммон, Сет, Шайтан, Сатана, Таниз, Дьявол… Лучше на этом остановиться. Каждый народ, а исчезло их с лица Земли множество, называл меня по-своему. Один святой^[1] говорил, что я тангалашка.

– Дьявол? – похолодел Володя. – Вы существуете?

Гость усмехнулся:

– Обращение «дьявол» мне не очень нравится. Если мы намерены стать друзьями, зови меня просто Ваней. Хорошее русское имя. Ты прочитал заклинание в книге, которую спрятал отец. Но произнес его неправильно, не соблюл весь ритуал. Поэтому вместо меня, твоего друга, появился мелкий бес, который стал строить козни: затопил квартиру, спер кошелек, послал тебе болезнь. Но ты в беде с такой страстью воззвал ко мне, что я услышал твою мольбу о помощи. Я здесь. Проси что хочешь.

– Абсолютно все? – ошеломлено уточнил Сиракузов.

– Да.

– Деньги можно?

– Да.

– Бизнес?

– Да.

– Дом? Машину? Счет в банке?

– Да. Начинай.

– А вы после смерти заберете мою душу?

– Приятно иметь дело с образованным человеком. Да. Оформим договор на тридцать лет. Тебя это устраивает?

Владимиру в тот момент едва исполнилось девятнадцать, цифра показалась ему огромной. Три десятка лет. Ему тогда исполнится сорок девять! Глубокий старик! И Сиракузов ответил:

– Да.

– Тогда подпишем, – предложил дьявол, и в его руке сам собой возник лист бумаги. – Держи иголку, капни вот сюда немного своей крови.

Володя сделал все, что велел сатана, и крепко заснул. Утром он проснулся здоровым и поспешил на первую смену в дом престарелых.

Сиракузов познакомился с постояльцами и от всей души пожалел одинокого Никиту Сергеевича Карпова, стариичка, о котором никто особо не заботился. Медбрать понять не мог, почему он так проникся к чужому, не очень приветливому деду. Володя делал ему массаж, читал газеты, приносил из столовой что повкуснее, задерживался по вечерам и сидел у его кровати. Когда Карпов умер, выяснилось, что он владел большим

количеством квартир в Москве, имел огромный счет в банке, где копил арендную плату за сдачу жилья. Никита Сергеевич был патологическим скрягой, рядом с ним герой мультика Скрудж Мак Дак просто транжира. За много лет Никита Сергеевич не снял ни копейки. Рубли он превращал в валюту, ее складывал в банковские ячейки, коих у него оказалось почти двадцать. Почему, обладая многомиллионным состоянием, недвижимостью, Карпов жил в бедном муниципальном приюте с не очень заботливым персоналом? Он же мог поселиться в самом комфортабельном месте, в окружении опытных врачей. Верно! Только комфорт и внимание стоят денег. А патологическая скаредность – не просто слова, а психиатрический диагноз. Никита Сергеевич не желал и копейки потратить, но он знал, что у гроба багажника нет, и завещал все, что имел, единственному человеку, который проявил к нему сострадание, – Владимиру. Медбрат в одночасье стал богатым.

Следующие годы жизни Сиракузова – восхождение на вершину успеха. Он создал сеть медицинских центров, где делали разного вида массажи, удачно женился. Супруга Лариса обожала мужа. Она выросла в семье олигарха Горелова, ее никак нельзя было упрекнуть, что вышла замуж из корыстных побуждений. Николай Сергеевич любил зятя, как сына. После смерти отца Лара стала очень богатой женщиной. Ее и Володю связывала нежная любовь, которая не погасла за годы брака. А еще Сиракузову досталась лучшая на свете теща. Аглая Борисовна обожает зятя, всегда блудет его интересы, печет для него шоколадные торты, готовит его любимые котлетки.

И в придачу все члены семьи, включая тещу, были здоровы. Да они даже к стоматологу не ходили! Кариес не приближался к счастливчикам на километр.

Владимир прервал рассказ.

– Понятно?

Я осторожно нашупала в одном из зубов дырку и молча кивнула. Вот тебе, Танюша, точно пора к дантисту.

– Позавчера ночью, – продолжал Владимир, – меня разбудил странный звук, похожий на звонок будильника. Противный, въедливый. Я сел на кровати и увидел в комнате полного мужчину с бородой, в очках, в костюме, в рубашке с галстуком. Он сказал: «Владимир, не волнуйся, это я, Ваня, твой лучший друг. Помнишь меня? Надеюсь, я не очень изменился, разве что раздобрел чуток. Мы подписали с тобой один документ».

Сиракузов на секунду перестал мерить шагами комнату, потом снова продолжил ходить.

– Ну, я просто онемел. Решил, что вижу дурной сон. А он заявил: «Владимир! Пришел час расплаты. Тридцать лет протикало. Вот договор, его надо исполнить!» И бросил на стол бумагу. Она была пыльной, у меня в глаза словно песок попал, я начал тереть лицо, а когда перестал, Ваня уже исчез! Это все. Теперь только рожа в красных пятнах осталась.

– Интересная история, – заметил Коробков, – естественно, документ нечистый с собой унес.

– Нет, – возразил гость, взял свой портфель, открыл и вытащил лист пергамента, – вот он.

Мы с Димоном одновременно уставились на лист.

– Договор, – прочитала я, – составлен Вельзевулом и Владимиром Сиракузовым, душа которого отойдет в ад через тридцать лет после подписания сего документа. Продавец души получит богатство, счастье и исполнение всех своих желаний. Дата, печать круглая черная, с черепами, костями, какими-то чудовищами и пятно крови. Дурацкая шутка! Надо найти того, кто решил вас напугать!

– Поэтому я и приехал, – сказал Владимир. – В детстве и юности я начитался всяких оккультных книг, в голове полный компот получился. Потом повзрослел и понял: чертей не существует. Это сказки для дураков. Кстати! Я не пью! Совсем! Не употребляю алкоголь вообще. И сейчас понимаю: никто ко мне в юности не являлся, от температуры бред начался. Только и всего. А этот договор чья-то идиотская шутка! Хотя подпись очень на мою похожа. Но вы же понимаете, что есть умельцы, которые вам подпись Тутанхамона скопируют. Не знаю, правда, как он свои указы скреплял и умел ли писать.

– Здесь есть кровь, – сказал Димон, – если дадите нам образец своей, мы выясним, чей биоматериал на пергаменте.

Владимир мигом закатал рукав.

– Да, пожалуйста. Качайте сколько хотите.

– У вас есть враги? – спросила я, пока Димон звонил в лабораторию.

– Конечно, – усмехнулся Сиракузов, – каждый, кто поднял даже маленький бизнес, может похвастаться армией здоровенных, розовощеких недругов, которые хотят с чавканьем сожрать того, кто вылез из деръма и сидит на скале, глядя, как «доброжелатели» в сточной канаве барахтаются.

Глава 4

На следующий день утром я помчалась в столовую и услышала, как Иван, подходя к столу, просит Рину:

– Мама, положи мне омлет!

– Понравился? – крикнула из зоны кухни свекровь. – Извини, дорогой, но больше нет. Съешь творог.

– Терпеть не могу молочное на завтрак! В особенности творог и сметану! Хочу омлета, – закапризничал Иван. – Ты его только для Тани пожарила?

Ирина Леонидовна побежала к столу.

– Конечно, нет, всем дала по большому куску. Танюша, садись.

– У меня на тарелке ничего нет, – протянул муж.

– Возьми мою порцию, – предложила я, – с удовольствием съем творог.

– Вот уж не предполагала, что ты попросишь добавки, – расстроилась Рина, – всегда говоришь: мне много яиц не надо, потом желудок ноет, не больше двух, пожалуйста. Мне-то не жалко и десяток на сковородку разбить.

Иван сел.

– Мама, передо мной стоит пустая тарелка.

– Вот-вот, – кивнула Рина, – поэтому я и изумляюсь. Не успела положить омлетик, отошла на секунду, а ты… ам! И нету!

Иван Никифорович вздохнул:

– Я только сейчас сел за стол.

– Да, – подтвердила я, – Иван опередил меня на несколько секунд.

Рина заморгала. Мой муж засмеялся:

– Начинаем оперативно-следственные мероприятия. Осматриваю место преступления. На тарелке ничего нет, зато остался масляный след. И о чем он свидетельствует?

– Омлет на ней был, – подсказала я.

– Вилка и нож идеально чистые, – продолжил супруг.

– Значит, ими не пользовались, – сделала я вывод. – Милый, ты, конечно, мог слопать омлет прямо с тарелки без помощи столовых приборов, но внутренний голос мне подсказывает: навряд ли ты так поступил. Задаем вопрос: кто обожает яйца, молоко? Кому врач запретил их есть? Кто не берет в лапы ложку, вилку, нож?

– Кот! – подпрыгнула Рина.

Иван поднял скатерть.

– Альберт Кузьмич! Вы где?

– Мальчик пошел отдохать в люльку, – возвестила Надежда, – не надо поклеп на него возводить! В семье еще живут братья-разбойники – Мози и Роки.

Французские бульдоги, услышав свои имена, немедленно подошли к столу. В их глазах застыл вопрос: «Нам дадут вкуснятину?»

– Нет, – отрезала Бровкина, – тем, кто украл из кладовки килограмм сыра, ничего не положено. Да еще омлет в придачу схавали! Безобразники!

Я встала, подошла к лежаку, где дремал Альберт Кузьмич, села на корточки и через секунду объявила:

– У него передние лапы масляные! Неопровергимая улика.

– У мальчика прекрасная родословная, он не мог совершить хулиганство, – отрезала домработница.

– При виде омлета можно забыть, что ты благородных кровей, – засмеялся Иван.

Надежда взяла кота на руки. Обычно Альберт Кузьмич терпеть не может, когда его ласкают, целуют. Но сейчас он только издал короткое недовольное:

– Мяу!

– Насчет неопровергимости улик можно спорить, – к большому моему удивлению, вдруг заявила Бровкина, – экспертизу вы не проводили. И то, что лапы в жире от омлета, не доказали. Возможно, Альберт Кузьмич запачкал их, когда полез в хрустальную «лодочку» за вологодским маслицем. И ранее подозреваемый не был замечен в совершении противозаконных действий. Пошли, котик, а то на тебя сейчас чужое преступление повесят.

– Откуда Надя знает про экспертизу? – удивилась Рина, провожая помощницу по хозяйству взглядом. – Где она вообще этих аргументов понабралась?

Мне стало смешно.

– Так от нас!

– Эдак она скоро адвокатом работать сможет, – восхитилась свекровь.

– Маловероятно, – усмехнулся Иван, – Бровкина зародила у нас сомнение в отношении поедания котом омлета, но сдала клиента, рассказав о другом его правонарушении, сообщила, что он в масленку лапу засовывал.

– Кстати, о масле! – обрадовалась Рина. – Ваня, у меня серьезный разговор к тебе! У Тани проблема!

– Что такое? – спросил муж.

Я постаралась сделать самое несчастное лицо.

– Врач велел мне похудеть на десять кило.

– Если Танюша наплюет на совет доктора, – перебила меня свекровь, – то у нее в ближайшем будущем появятся диабет, артрит, остеохондроз, подагра, колит, ринит, воспаление легких, энцефалит.

Я кашлянула. Вчера вечером мы с Ириной Леонидовной тайком посетили клинику и разработали хитрый план, как заставить Ивана пойти в центр, где люди теряют вес.

– Ради себя он палец о палец не ударит, – сказала Рина, – а вот если услышит, что тебе грозят нешуточные проблемы со здоровьем...

Теперь понимаете, почему Ирина Леонидовна стала с пулеметной скоростью перечислять разные недуги. Вот только ринит (в переводе на простой язык, насморк) и энцефалит от ожирения не получишь.

– А еще у нее, – самозабвенно продолжала Ирина, – еще...

– Милый, – перебила я свекровь, – суть проблемы такова. В Москве полно клиник, которые работают с тучными людьми. Берут огромные деньги, проводят простые анализы и советуют: меньше ешьте, больше двигайтесь.

– Новая полезная информация, – заметил Иван, – никогда об этом не слышал! Впервые узнал, что нельзя гору продуктов истреблять.

– Вот-вот, – подхватила я, – и в этих клиниках делают только диагностику. Потом надо искать спортзал, бассейн и все такое. А в центре «Вес минус» есть и фитнес-зал, и врачи, и разные аппараты для обретения стройности. Но!

– Но! – подхватила Рина. – Засада! Они берут только пару. Муж-жена!

– Почему? – спросил Иван.

– Потому что на диете должна сидеть вся семья, – растолковала его мать. – Представь, Танюшка жует отварную траву, а ты лопаешь сочную котлету да еще с жареной картошкой! И каково ей? А?

– Да, – протянул Иван, – это не очень хорошо.

Я обрадовалась. Ура, наш хитрый план работает!

Рина тоже приободрилась.

– В связи с вышеизложенным у меня вопрос. На что ты готов ради здоровья Танюши?

– Ну... – протянул муж, – ну...

– Отлично, – зааплодировала Ирина Леонидовна, – сегодня в восемь вечера вас ждут по адресу, который есть у Тани! Я горжусь тобой! Ты настоящий мужчина! Решил поддержать ожиревшую супругу, протянул ей

рукой помощи.

— Скорей уж свой желудок, — пробормотал Иван, — подставил под голодание! Тань, ты когда в офис?

— Оденусь и помчусь, — пообещала я.

Иван допил кофе, съел творог и ушел.

Свекровь показала на пустую тарелку.

— Обрати внимание! Он говорил: «Терпеть не могу творог. И сметану».

В результате слопал полкило творожка, залив его деревенской жирной сметанкой, сверху заполировал клубничным вареньем. Тьма калорий! Бездна жира! Плюс углеводов нехилое количество. Да мальчику после такого перекуса надо своими ногами бежать на работу и тащить джип за собой на веревочке. А он за руль плюхнется. Потом в кабинете засядет. Не забудь! Вечером вы должны быть в центре, я там со всеми договорилась.

И тут только до меня дошло.

— Мне тоже придется сесть на диету?!

— Конечно, — не замедлила подтвердить Рина. — А как иначе? Ты же любишь мужа? Готова на подвиг ради его здоровья?

Я молча побежала в гардеробную, привела себя в порядок, села в машину, и тут затрезвонил телефон.

— Тань, — зазвучал из трубки голос Алексея, секретаря Ивана, — спаси!

— Ты опять вылил кофе на нашего главбуха? — захихикала я.

— Вот народ, — возмутился Леша, — один раз чашка по блюдцу поехала, а до сих пор вспоминают и ржут.

— А вот и не один, — возразила я. — Кто мармелад просыпал, когда к Ивану Никифоровичу генерал Головин пришел? И кто вместо масла принес ему же на тарелке кусок мыла и настойчиво предлагал сделать гостю бутерброд?

— А кто эту фигню в служебный холодильник сунул? Без обертки! — взвыл Алексей. — Все! Не звони мне больше. Никогда!

Из трубки полетели гудки, но я не стала засовывать ее в держатель, прекрасно знала, что произойдет через секунду.

Глава 5

Телефон опять затрезвонил.

– Привет, это я, – как ни в чем не бывало сказал Леша, – спаси! В шесть утра меня разбудила звонком Ирина Леонидовна, конкретно так заявила: «Алексей! Слушай сюда! Если принесешь начальнику любую еду, кроме свежих огурцов и петрушек, я тебе враг до могилы! Твоей! Без базара говорю! Чисто конкретно! Велю своим людям твой труп в лесу закопать».

– Во как! – восхитилась я. – Сурово. Надо послушаться. Ирина Леонидовна такая, как скажет, так и сделает.

– А сейчас Иван Никифорович отправил меня в кафе «Бабуля-котлетка», – простонал Епифанов, – велел принести бургер!

– О!

– Двойной!

– О-о!

– С особым наполнителем!

– Каким?

– Тройной бекон!

– Ого!

– С майонезом!

Я икнула.

– С чем?

– Майонезика велел побольше налить на мяско, – уточнил Алексей, – плюс три порции картофеля фри. Еще молочно-шоколадный коктейль, пирожки с малиной.

– Пирожки, не пирожок? – уточнила я.

– Ага! Три штуки, – наябедничал секретарь.

– Мда!

– Хлеб!

Я подпрыгнула.

– Так в бургере хлеб есть! Зачем ему еще?

– Иван Никифорович очень любит шоколадное масло, которое в «Бабуле-котлетке» дают.

У меня пропал дар речи.

– Таня, – позвал Алексей, – Тань! Ты тут?

– М-м-м, – промычала я, – значит, шоколадное маслище?

– Да, а как его без хлеба съешь?

– Никак, – согласилась я, – разве что на язык намазать.

– Ой, ну ты и сказала, – засмеялся Леша, – Иван Никифорович его с нарезным любит. Всегда так ест.

Меня охватило негодование.

– Всегда?!

– Иногда босс просит вместо обычного белого хлеба сдобную булочку принести, – с готовностью уточнил порученец.

– Вкусно, наверное, – пробормотала я.

– И вот проблема, – вновь пригорюнился парень, – если я принесу ему, как обычно, обед...

– Как обычно, – эхом повторила я.

– ...а Ирина Леонидовна об этом узнает, – продолжал Алексей, которого совершенно не смутил мой тон, – то она меня уроет. А если я не притащу жрачку, получу люлей от босса. Куда ни глянь, повсюду тридцать восемь. Что делать, Тань?

Я молчала. Алексей рассуждал дальше:

– С другой стороны, если активировать логику... Ну откуда мать шефа узнает, что он лопал? Иван Никифорович хитрый! Перед тем как обедать, он пиджак, рубашку снимает и халат надевает.

Ко мне вернулся дар речи.

– Зачем ему халат?

– Босс мегапрофессионал в сыскном и разведывательном искусстве, – с восхищением сказал Леша, – я учусь у него каждый день. Задал шефу тот же вопрос, когда он мне велел халат купить и в шкаф в кабинете затырить. Иван Никифорович ответил: «Леша, агенты проваливаются на мелких деталях. И многие забывают про запах. У большинства женщин не носы, а анализаторы воздуха. Вот поем бургеров, вернусь домой, мать меня обнимет и скривится: «Сын! Ты лопал булку с котлетой!» Мама фастфуд считает кошмаром, по ее мнению, съесть бургер – это хуже, чем родину продать! И нюх у нее, как у собаки на таможне. Еще она на рубашке пятнышко от майонеза-кетчупа заметить может. Поэтому я снимаю верхнюю одежду, халат мне в помощь. Домой вернусь в чистой сорочке, без запаха котлет. Выкинь из шкафа старый, он весь грязный, в потеках от соусов, купи новый». Понимаете, какой могучий ум у босса?

– Угу, – протянула я, – могучий, как дуб!

– Никак Ирина Леонидовна не узнает, – повеселел Алексей, – хорошо, Таня, что я тебе позвонил. Хоть ты и ничего путного не сказала, да в голове у меня просветлело. Пошел за жратвой.

– Иди, иди, – пропела я, – только завещание сначала составь.

– Зачем? – поразился секретарь. – Я умирать не собираюсь.

– А придется, – прошипела я, – потому что тебя Рина убьет, и права будет! Травишь Ивана Никифоровича! Таскаешь ему вредную жрачку!

– Да как она узнает!

– Ей я прямо сейчас позовоню, про халат доложу, – мстительно сказала я.

Алексей ойкнул и отсоединился, а я, красная от негодования, въехала в подземную служебную парковку. Бургер с тройным беконом и майонезом? Хлебушек с шоколадным маслом? Коктейль и пирожки?! Вот так диета! А несчастная жена боится даже посмотреть на одну крохотную конфетку?!

Вне себя от злости я поднялась в офис, вошла в переговорную, увидела членов бригады за круглым столом и мрачно сказала:

– Итак! Что мы знаем?

– К Сиракузову пришел дьявол, – отрапортовал Федя Миркин, – сделал ему шикарное предложение.

Наш психолог Михаил Юрьевич Ершов постучал карандашом по столу.

– В прежние времена большинство населения России исправно посещало храмы, и тогда явление сатаны кому-либо не казалось чем-то исключительным. Если веришь в Бога, то признаешь и существование нечистого. Люди читали на ночь молитвы при свече, в духоте, многим из-за отсутствия кислорода всякая ерунда мерещилась. Кстати, в девятнадцатом веке в дурдома помещали людей, которые представлялись убиенным царевичем Дмитрием, Наполеоном, Петром Первым. Сейчас сии персонажи из бреда практически исключены, ныне в психушках актеры Голливуда, человек-паук, агент ноль-ноль семья. Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними. Думаю, первая встреча с сатаной у Владимира произошла на фоне гриппа или какой-то другой инфекции. При высокой температуре больной может бредить. Или ему снятся сны, которые он, проснувшись, считает реальностью. Не забудьте, в какой семьерос Сиракузов: мать – гадалка и доморощеный психолог, отец увлекался оккультными науками. Ясно, почему парню сатана явился. Вот ко мне в бреду мог Зигмунд Фрейд прийти.

– Но договор-то есть, – возразила я.

Илья Григорьевич Аверьянов поднял руку.

– По поводу пергамента. Он старый. Такой не выпускали более ста лет.

– И где сейчас его можно найти? – поинтересовалась Вера Трофимова, которую я совсем недавно взяла на работу.

– Обычно для подделки документов используют древние книги, – пояснил Илья. – Ранее, когда человек открывал томик, он всегда видел пустую страницу, ее называли шрифтблattt. Простите мой немецкий. В переводе – это лист для письма. Там автору полагалось ставить автограф или на нем шлепали свою печать собиратели библиотеки, или кто-то вам дарил книгу и писал поздравление с днем рождения, именами, Рождеством. Потом листочек из экономии упразднили, сейчас он есть только в очень дорогих изданиях. Еще в старину перед иллюстрацией вставляли папиросную бумагу или вшивали кусок тонкого пергамента, чтобы сберечь картинку. Поэтому самый простой путь направиться в букинистический магазин, порыться на полках, найти томик со шрифтблattтом или вклейкой перед картинкой и совершить акт вандализма: выдрать лист. А вот с чернилами сложнее. Вернемся к нашему договору. Пергамент девятнадцатого века. Красящее вещество – современное, немецкого производства для ручек «Гораман».

– Чернила разные? – изумилась Вера.

– Почти все дорогие фирмы, выпускающие авторучки, делают свои, – снисходительно объяснил Аверьянов, – хотя если заправить «Гораман» продукцией «Стило», ничего не произойдет.

– Кто сейчас пользуется таким анахронизмом, как самописка? – удивился Федор.

Михаил Юрьевич вынул из портфеля замшевый мешочек.

– Я. И у каждого крупного руководителя перо есть, с его помощью подписывают договоры. Это традиция. Но ты прав. Массовый пользователь давно перешел на «шарик», а теперь он печатает на компьютере.

– Договор писал человек, который не учился каллиграфии, – продолжал Илья, – он просто постарался выписать «красивые» буквы с завитушками. Печать можно сделать на заказ. За короткое время тебе любую наваяют. Кровь! Вот это интересно!

– Собачья? Кошачья? – предположила я.

– Человеческая. Взята у Сиракузова.

– Правда? – удивился Димон.

– Именно так, – кивнул Аверьянов, – если хотите знать мое мнение: никакого дьявола, конечно, нет. Есть некий человек. Он знает о том, что Владимир в юности продал душу нечистому. И сейчас пугает Сиракузова.

– Он клялся, что никому не рассказывал о сделке, – возразила я.

– Он мог забыть, – пожал плечами Федя. – Разболтал спящую, утром и не вспомнил.

– Владимир сказал, что не употребляет горячительного, – напомнил

Коробков.

– Он старовер? – прищурился Миркин. – Или член общества воинствующих трезвенников? Мормон?

– На тему его религиозных взглядов мы не беседовали, – вместо Димона ответила я.

– Назюзюкался разок и все растрепал, – предположил Федя.

– В чем смысл сей акции? – осведомился Ершов. – Какова цель спектакля? Пришел сатана, напугал мужика. Дальше что?

У меня зазвонил телефон, я ответила:

– Да. Кто? Так. Ясно. Хорошо. То есть плохо.

– Что случилось? – не сдержал любопытства Димон, когда я положила трубку на стол.

– Есть ответ о цели спектакля, – пояснила я.

Глава 6

- Говори, не тяни, – потребовал Коробков.
- Звонила личный секретарь Сиракузова, – сообщила я, – Владимира сегодня утром госпитализировали в тяжелом состоянии. Инсульт. Ему стало плохо на работе, но он успел попросить помощницу сообщить нам о том, что его увозят в больницу.
- Опа-на! – щелкнул языком Миркин. – Довели мужика до реанимации. Жена? Дети? Теща?
- С последней, по словам клиента, у него самые прекрасные отношения, – уточнила я. – С супругой тоже все хорошо. Детей нет.
- Наверное, жена сейчас рыдает, – вздохнула Вера.
- Говорят, крокодил перед тем, как с аппетитом сожрать добычу, всегда над ней плачет, – промолвил Коробков. – Деньги! Вот главный мотив почти всех преступлений. Уж сколько раз я огород копал! Чего только не отрывал: месть, зависть, прелюбодеяние, ненависть... Да только потом лопата натыкалась на последний плодородный слой, и... там было бабло. Вульгарные ассигнации. Казначейские билеты сильнее всего другого оказываются.
- Надо поговорить с членами семьи, – решила я. – Дима, ты о них что-нибудь узнал?
- Поверхностно, – ответил Коробков, – супруга Лариса Николаевна Горелова, дочь крупного бизнесмена. Она младше мужа.
- Бедненькая, – снова с сочувствием произнесла Вера.
- Навряд ли так можно назвать девушку, чей папаша устал считать свои миллиарды, – ухмыльнулся Федор.
- Она утром проводила любимого на работу, ждала его вечером, а тут такое, – вздохнула Трофимова.
- Небось мужик по расчету женился, – не утихал Миркин.
- Ну, зачем о человеке сразу плохо думать, – возмутилась Вера, – может, он искренне полюбил Ларису.
- Димон оторвался от экрана компьютера.
- Веруня, мне тоже не очень нравится, когда на кого-то мусор метут. Владимир говорил, что на момент бракосочетания у него уже был бизнес. И есть факты. Пока я глубоко не копал, но могу сказать: господин Сиракузов на день женитьбы был совсем не бедным мальчиком. Он владеет в Москве несколькими салонами массажа. На сайте его фирмы есть замечательный

рассказ. Полагаю, его в порыве вдохновения наваял нанятый владельцем пиарщик. Слушайте. Прапрапрадед Владимира служил у Петра Первого летчиком и выиграл сражение.

– Что? – засмеялся Ершов. – У царя-реформатора не было самолетов.

– Читаю, – повысил голос Коробков. – «Победив в битве японцев, барон фон Сиракузов улетел на своем истребителе...»

– Петр не воевал со Страной восходящего солнца, – снова сделал замечание наш психолог.

– Дмитрий просто цитирует чужой текст, – остановила я Михаила Юрьевича.

– Короче, прапра и так далее дедуля приземлился в Токио, оттуда сбежал в Таиланд, – доложил Коробков.

– Эта страна до тысяча девятьсот тридцать девятого года называлась Сиамом, – пробурчал Ершов.

– И там он основал местную школу массажа, – повысил голос Димон, – после распада СССР его потомок Вольдемар фон Сиракузский вернулся в Москву и открыл здесь свои салоны. В них делают массаж в лучших тайских традициях.

– Гениальный бред, – рассмеялся психолог.

– Основная задача пиара – чтобы тебя народ из общей массы выделил и запомнил, – сказала Вера, – и не важно, как вы этого добились, из-за дурацкой истории с самолетом Петра Первого вы сейчас обсуждаете Сиракузова. Цель достигнута.

– Несколько десятилетий назад, благодаря дьяволу, дела у Сиракузова пошли в гору, – заметил Аверьянов. – На фоне большинства граждан России Сиракузов богач каких мало. Но на фоне тестя, олигарха Горелова, он нищий. Почему папуля разрешил дочке выйти за неровню замуж?

Вера закатила глаза.

– Любовь!

– Лариса при походе в загс была уже не юной девушкой, – заговорил Димон, – она жила в поселке «Якорь-мечта» вместе с родителями. Отдельных апартаментов не имела. Я нашел фото с празднования ее двадцатипятилетия. На снимке гости. Посторонних на вечеринку, думаю, не пустили. Полагаю, что там были исключительно близкие друзья. Михаил Воробьев, двадцати восьми лет, сын бизнесмена, владелец конфетной фабрики. Олег Ваканов, на год старше Ларисы, сын звезды шоу-бизнеса, певицы, он открыл салон продажи иномарок. Еще пять парней. Все из весьма обеспеченных семей, все со своим бизнесом. Успешны. Богаты. И все с девушками. Так прямо и написано: «Константин Перов, сын Игоря

Перова, с его невесткой Катей». Одиноких женщин было две. Одна Лариса, вторая неизвестная. Снимок опубликован в журнале «Хит недели» в разделе светской хроники. Репортеры знали всех тусовщиков. Но под неизвестной симпатяжкой указано: «И гостья вечера».

– Она впервые оказалась в этой компании, – сделал вывод Миркин.

– Она вообще посторонняя, – отрезала Трофимова. – У Ларисы платье от Диор, она сверкает бриллиантами. Парни в очень дорогих костюмах, с эксклюзивными часами. Волосы у всех пострижены, уложены в недешевых салонах. Ботинки из питона, крокодила, замши, туфли от Шанель. Теперь изучим незнакомку. Платье тоже недешевое, Гуччи, но оно взято напрокат.

– Почему ты так решила? – спросил Илья.

– Сидит плохо, линия плеча уехала, талия не на месте, – перечислила Вера, – рукав длинноват. Или она взяла его на один вечер для выхода, или у кого-то одолжила. Туфли той же фирмы, но они ей велики. Прическа, макияж не экстракласса. Девица небогата, но отчаянно пытается казаться таковой.

– Вы не о том думаете, – перебил ее Коробков, – не важно, откуда незнакомка взялась. Другое имеет значение: Ларисе двадцать пять, а она одна! Скоро станет старой девой. Отец это понимал, поэтому любому жениху рад был. Даже Сираузову, хотя тот намного старше его дочери.

Я повернулась к Коробкову:

– Договорись с Ларисой. Попроси ее о встрече со мной.

– Когда? – деловито уточнил Димон.

– Да хоть сейчас! – воскликнула я. – Где они живут?

– А все в том же «Якоре-мечте», – пропел Коробков, тыча пальцем в трубку. – Алло! Добрый день! Можно поговорить с Ларисой Николаевной? Да, конечно.

Димон положил сотовый на стол.

– Очень строгая дама подошла, спросила: «У меня определился номер. Можно я перезвоню через минуту?»

– Хочет выяснить, кто ты, – хмыкнул Миркин, – бери мобильник, мигает.

Димон послушался.

– Добрый день еще раз. Верно. Как состояние Владимира? Да, он посетил нас. Меня зовут...

Все молча слушали, как Коробков представился по полной форме, а потом завел беседу с женой Сираузова.

– Не откажите во встрече нашей начальнице, Татьяне Сергеевой, – говорил Димон. – Хорошо. Секундочку!

Коробков взглянул на экран ноутбука.

– С учетом пробок ей час пятнадцать добираться.

Я взяла сумку, через минут десять села в машину и в то же мгновение услышала звонок сотового, на экране высветилось: «дом».

– Что случилось? – спросила я.

– Зачем сразу о плохом думать? – зачастила Рина. – Помнишь про сегодняшний поход в клинику?

– Конечно, – заверила я.

– Вам проведут тестирование. И могут направить вас на занятия Би-ко-го!

– Что за зверь такой? – напряглась я.

– Особая методика, цель которой максимально сжечь жировой слой, – объяснила Ирина Леонидовна, – авторская разработка. Нужно иметь при себе спортивную форму. Вчера тебя там предупредили: возьмите все!

– Я совсем забыла! – воскликнула я.

– Так я и думала. В твоем распоряжении волшебная палочка, пользуясь сколько угодно, количество взмахов неограниченно! – объявила свекровь. – Я привезу две сумки, твою и Ванину, оставлю их на ресепшен в клинике.

– Ты гений! – восхитилась я.

– Хвалите меня, хвалите, – пропела Рина, – обожаю лавровые венки, фимиам, восторг и поклонение! Смотри, не опоздай! Кстати! Возможно, вы сегодня заниматься и не будете, это врач решит. Но надо быть готовой на всякий случай. Помни, худеешь ты, а Ваня – герой, который ради тебя совершает подвиг. Приготовлю-ка я на ужин кабачки, фаршированные курятиной. Ванечка их обожает, и блюдо диетическое!

– Лучше не надо, – вздохнула я, – Иван плотно побеждал бургерами с котлетами, беконом, запил их молочным коктейлем, заел пирожками и батоном с шоколадным маслом.

В трубке воцарилась тишина.

– Шутишь? – через некоторое время осведомилась свекровь.

– Серьезна, как адвокат, – вздохнула я и рассказала все, что узнала от Алексея.

– Ах поганец! – закричала Рина. – Я имею в виду секретаря. Он покойник. Слушай, это правда?

– Да, – подтвердила я.

– Странно, – задумчиво протянула Ирина Леонидовна, – когда мой Никифор Иванович возвращался домой, поев в столовой, что ему категорически запрещалось, я мигом понимала: он лопал жуткий харч. Во-

первых, он всегда капал соусом себе на немаленький живот. А во-вторых...

– Запах пищи, – подхватила я, – нос у вас чувствительнее, чем у собаки на таможне.

– Да-да, – затвердила Рина. – Погоди, откуда ты знаешь?

– Школьник Ваня небось не раз слышал, как вы мужу объясняли, что он не прав? – предположила я.

Свекровь чихнула.

– Я никогда не ругала супруга, это бесполезно. Просто говорила: «Ники! Ты жрал азу по-татарски с пюре и мерзейшей подливкой! Ночью желудок заболит!» Он всегда удивлялся: ну как я узнала? Один раз муж привел домой Колю Глебова, я им двоим их дневное меню из столовки огласила. Утром Алена, жена Николаши, позвонила, спросила: «Иришечка, поделись опытом, как ты выяснила, что мужики за хавчик сожрали? Мой тоже в рыгаловке налопается непотребства, потом у него изжога, гастрит, печень на барабане играет».

И я ей про пиджак с запахом сообщила.

– Сын ваши слова услышал, на ус намотал и, когда вырос, халат купил, – выпалила я.

– Ну да, – не удивилась свекровь, – есть он у Вани, только сын почти никогда им не пользуется, говорит...

– Не про домашнюю одежду говорю, – усмехнулась я, – про офисную.

– Халат на работе? – изумилась Рина. – Зачем он ему?

– Сейчас расскажу, – пообещала я.

Глава 7

После моего рассказа о дьяволе в гостиной дома Сиракузова стало тихо.

Чтобы нарушить тягостную тишину, я спросила:

– Как здоровье Владимира?

Лариса быстро ответила:

– Муж в тяжелом состоянии, – и улыбнулась.

Поверьте, это не было светской улыбкой. Нет, у жены Сиракузова блестели глаза, и в придачу из груди вырвался смешок.

– Ларочка, – низким голосом произнесла ее мать, Аглая Борисовна, – сделай одолжение, принеси мою шаль. Вроде она была в столовой, на кресле.

Лариса поспешила к двери.

– Вас смутило, что Лара улыбается? – прямо спросила теща Владимира, когда ее дочь покинула комнату.

– Немного удивило, – призналась я.

– Дочь так всегда на стресс реагирует, – сообщила Аглая Горелова и кашлянула, – в школе на нее постоянно педагоги жаловались: получит двойку – хохочет. Отругают за поведение – смехом заливается. Ее даже из одного учебного заведения выгнали, несмотря на то, что Николай за свой счет им здание отремонтировал и пообещал вдобавок новую мебель купить. Классная руководительница, когда я документы Лары забирала, посоветовала: «Покажите ребенка психиатру. С головой у вашей дочери беда!» И я с перепугу поволокла Ларочку к специалисту.

Аглая Борисовна сложила руки на груди.

– Наша семья далека от медицины. Мои родители очень простые люди: мать – бухгалтер на кондитерском предприятии, отец – мастер на ткацкой фабрике. Денег у нас никогда много не было. Зато конфет всегда полный буфет. Обычно дети сладости выпрашивают, а я их терпеть не могла. Мне в те годы хотелось съесть кусочек колбаски, но мама ее редко покупала, для нас полкило любительской было роскошью. И замуж я выходила за парня, у которого не было ни кола ни двора, за сироту без штанов лишних. Коля работал мастером на шоколадной фабрике, где моя мама в бухгалтерии служила. Я с ним познакомилась, когда к ней зашла, а Горелов в этот момент бюллетень принес. Родители мои погибли. Но я считалась богатой невестой, у меня после их кончины осталась

собственная двухкомнатная квартира. Это и сейчас неплохо, а в прошлом веке редкость. В то время или зять у тестя с тещей селился, или невестка к свекрови со свекром прописывалась. Скажи мне кто, что однажды мы с Колей будем отмечать годовщину нашего брака в Версальском дворце под Парижем, привезем туда почти тысячу гостей...

Аглай рассмеялась.

— ...послушала бы я красивую историю и... конечно, не поверила бы в нее. Когда прошел первый год нашей совместной жизни, у нас не было ни копейки. В прямом смысле этого слова. Коля тайком от меня вагоны разгружал, хотел мне устроить праздник. Утром восемнадцатого июля он мне подарил три гвоздики, а вечером повел в Парк Горького, мороженым угостил в кафе. Вот это был подарок!

Аглай Борисовна взяла чайник.

— Танечка, пейте, чай я из Парижа привожу. Зачем я в воспоминания ударились? Просто объясняю, что врачей знакомых тогда у нас не было. Я, наивная, с Ларой в районную поликлинику пошла, местный педиатр меня выслушала и диагноз мигом поставила: «Шизофрения у девочки. Точно».

Горелова смахнула со стола крошки.

— Направление в диспансер хотела выписать, да я догадалась его не взять. Долго все рассказывать. В конце концов нам повезло найти отличного доктора, он объяснил: девочка психически здоровее многих. Ее смех в момент горя, тревоги, усталости, страха — защитная реакция. Это не лечится. Можно ли изменить цвет глаз? Нет. Да и зачем? То же самое с психикой. Есть люди, которые от ужасной новости рыдают, а есть те, что смеются.

— Мамочка, шали в столовой нет, — сказала Лариса, входя в гостиную, — я все обыскала.

— Значит, я в другой комнате ее бросила, — спокойно отреагировала Горелова, — да я уже чаем согрелась.

— Владимир верующий человек? — спросила я.

Лариса села в кресло.

— Ну... как все мы. На Пасху яйца красим, куличи печем. В церковь не ходим, никогда. Но Бога уважаем. Если полагаете, что у супруга крыша от религиозности поехала, то навряд ли.

— У нас с Володечкой очень доверительные отношения... — начала Аглай.

— Это правда, — засмеялась Лариса, — вечно мама и муж шушукаются. Он ей о своих делах постоянно рассказывает.

— Вова мне как сын, — подтвердила Аглай, — он замечательный. Но про

историю с дьяволом я впервые сейчас услышала. А ты, Ларочка?

– Ничего он мне про Мефистофеля не рассказывал, – ответила дочь.

– Ваш муж пьет какие-нибудь лекарства? – обратилась я к Ларисе.

Та взглянула на мать.

– Аспирин, – начала перечислять Аглай, – кардиологи его всем прописывают, я сама его тоже по утрам глотаю. Омега-три еще. Володечка молодой, но он следит за собой. Не разжирается, как некоторые. Отвратительно, когда человек похож на бочку сала. В особенности бабы. Если народ послушать, ни у кого денег нет, все голодают. Гляньте на прохожих! По тротуарам семенят центнеры сала! А потом вопят – муж меня бросил!

Теща Сиракузова прищурилась:

– Хотя не в красоте дело. Посмотрите на меня! Я крупная, широкая, черты лица мужиковатые, от возраста поплыла немножко. Не от котлет, от лет развезло.

Я открыла рот, но Аглай не дала мне и слова произнести.

– Ой, не надо возражать! Я ношу сорок второй размер обуви. Не женская у меня фигура, скорее, как у парня. Плечи широкие, задницы нет. На конкурсе красоты мне не победить. Нос картошкой! Кисти – лопаты, пальцы короткие. Но Николай меня ни на одну мисс Мира не променял бы. Почему? Потому что я ему была верным другом, за мужа всех порвать могла! И...

Из коридора раздался крик.

– Ой, ой! Случайно получилось!

– Немедленно вон! – заорало визгливое сопрано, – сию секунду!

– А зарплата?

– ...тебе, а не деньги, – выматерились в ответ.

– Нет, нет! Мне очень деньги нужны!

– Что там случилось? – возмутилась Горелова и взяла телефон. – Кристина, немедленно выясни, что за галдеж и лай, когда... Что? О! Боже!

Аглай схватилась за сердце.

– Мамочка! – испугалось дочь.

– Розанна, – прошептала дама, – ее убила новая горничная. Шею ей свернула!

У меня по спине пробежали мурашки, Лариса прижала ладони к щекам.

– Ужас! Боже! Что теперь делать?

– Не знаю, – пробормотала мать, – она мертва. Моя Розанна! Столько надежд с ней было связано. Девочка, любимая!

– Похороним ее по высшему разряду, – залепетала Лара, – с оркестром, военным салютом, гроб из красного дерева, поминки в Большом зале.

Аглай встала.

– Ты считаешь, что меня это утешит? Розанна умерла! Какую домовину ей ни закажи, она не оживет.

Хозяйка ушла, мы с Ларисой остались вдвоем, обе молчали. Когда тишина стала тягостной, я решила ее нарушить.

– Могу вам чем-то помочь?

– Увы, нет, – вздохнула Лара, – Розанчик такая хрупкая, нежная, я боялась ее даже по голове погладить. Пока мамы нет, узнаю подробности у управляющей.

Жена Владимира взяла трубку, и тут в комнату вошла худенькая женщина в сером платье.

– Лариса Николаевна, Аглай Борисовна просто убита гибелью Розанны, рыдает. Я подумала, может, вы в ее отсутствие разберетесь в том, что случилось.

– Да, Кристина, спасибо, – кивнула дочь олигарха, – я как раз хотела вам звонить.

– Сегодня утром после обучения к работе приступила новая горничная Варвара, – монотонно завела рассказ управляющая, – рекомендации у нее идеальные. Федор ее по всем базам проверил, не нашел ничего настораживающего. Я бабе все объяснила, решила сначала поручить простую работу: чистить дверные ручки. Понаблюдала, как она справляется, осталась довольна. Старательная, аккуратная, понятливая. И оставила ее одну. Подумать не могла, что эта, слова не подберу подходящего, фря, отполировав наружную ручку двери мастерской и начав обрабатывать внутреннюю, увидит Розанну! Та сидела на диване. Девка решила ее приласкать, взяла в руки... и уронила.

– Что? – ахнула Лариса. – Да как она посмела! Ты ее предупредила, что ничего в комнатах трогать нельзя?

– Каждый день двадцать раз повторяла, дятлом в макушку стучала, – заверила Кристина, – она же не сразу получила право на самостоятельную работу. Месяц стажировалась, мыла-драила помещения в паре с Люсей. Та ее хвалила.

– Вот вам и отличные рекомендации, – расстроилась супруга Сиракузова. – Что теперь делать? Может, Розанну есть шанс реанимировать?

– Там головы совсем нет, – прошептала Кристина, – череп в ошметки!

– А маме по телефону сказали, что шея сломана, – удивилась Лариса.

– И это тоже, – всхлипнула Кристина. – Господи, как жалко Рози! Такая красивая! Прелестная. За хозяйку страшно! Вдруг ей плохо станет? Простите, Лариса Николаевна, может, заранее Глеба Харитоновича позвать? Пробки на шоссе. Вдруг врач понадобится, вызовем его, а он застрянет, не дай бог! Лучше подстраховаться!

– Хорошая идея, – одобрила Лариса, – ступай, дорогая. К тебе нет никаких претензий. Горничную вон гони, прямо сейчас.

– Я уже предупредила ее об увольнении, так нахалка потребовала деньги за месяц стажировки! – наябедничала управляющая. – Да по-хорошему это она нам должна заплатить за обучение. Уж извините, я от гнева орать в коридоре начала, но...

– Кристина, – остановила поток негодования Лариса, – выдайте девице оговоренную сумму, и пусть немедленно проваливает.

– Вы слишком добры! – воскликнула Кристина.

– Человек работал, значит, его надо рассчитать, – менторским тоном сказала дочь Аглай. – Где Марк?

– В мастерской, – вздохнула прислуha.

– Пусть сделает гроб. Объясни, для кого. Бархат. Парча, золотая вышивка. Высший разряд! – распорядилась Лариса. – Вот только не знаю... Людей на третий день закапывают. А как быть с Рози?

– Ее все обожали, – всхлипнула Кристина, – для нас Розанна была как человек.

– Согласна, – кивнула Лариса, – значит, так! Сейчас обсуджу кое-какие проблемы с Татьяной. А ты подготовь список гостей, тех, кто посетил мамин день рождения в этом году.

– Праздновали скромно, – напомнила управляющая, – сто человек всего было.

– Приглашения им на похороны и поминки отправь, – протянула Лариса. – Ты поняла, да?

– А где ее упокоят? – шепотом спросила Кристина.

– Думаю, в розарии, там, где могила Поля.

– Он от старости умер, – заплакала Кристина, – а Рози! Она только родилась! И вы еще деньги швали, которая ее убила...

– Кристина, нам всем тяжело, – остановила рыдания управляющей Лариса, – держи себя в руках. Слово «шваль» цензурное, но употреблять его не стоит. Получается, что ты приняла на службу недостойного человека. Выпей кофе! И... Так! Ступай, угостишь конфетами, которые мне из-за границы взял, я их никому пробовать до сих пор не разрешала. Коробка в спальне, в шкафу. Пусть тебя шоколадка утешит. И помни: я никого не

угощаю своим любимым лакомством. Только тебя сегодня за твое отличное поведение. Умойся, успокойся и приступай к исполнению своих обязанностей. Иногда случается нечто такое, что невозможно исправить. Смерть – это навсегда. Лучше это принять и жить дальше. Мы не забудем Рози.

Кристина убежала. Лариса издала протяжный стон.

– Как трудно с людьми! Иногда я так устаю от необходимости кого-то поучать, что мигрень начинается. Вы, как начальница, меня поймете!

Глава 8

– Рози – собачка? – проявила я любопытство. – Или кошка?

– У нас нет животных, – ответила Лариса, – папу в далеком детстве овчарка за ногу цапнула. Остался шрам на голени на всю жизнь. Не хочу сказать, что отец боялся псов, просто ему не хотелось общаться с ними. После его кончины мама все равно не стала никого заводить. Розанна – кукла.

– Кукла? – в полном изумлении повторила я. – Просто игрушка? Но...

Я успела вовремя прикусить язык и проглотить слова: «Зачем собирать на ее похороны сотню человек и устраивать пышные поминки?»

Лариса встала.

– Пойдемте, покажу вам Королевство Шоколадного Пугала.

В полном недоумении я поспешила за дочкой Аглай, и та, уверенно ориентируясь в хитросплетении коридоров, привела меня к двери. Все створки, мимо которых мы шли, были сделаны из цельного массива темного дерева. А та, перед которой мы сейчас стояли, неожиданно оказалась белой с золотыми вензелями. Посреди нее шла надпись: «Королевство Шоколадного Пугала». Рядом на стене желтела табличка: «Вход исключительно по приглашению».

Лариса нажала на блестящую ручку, я вошла внутрь и обомлела.

– Поразительное зрелище? – улыбнулась Сиракузова. – Да уж. Царство кукол. Зал разделен тематически. Дворец. Ферма. Мастерские. Больница, и так далее. В каждой части свои жители. Король, королева, принцы, принцессы, крестьяне, рабочие, врачи, больные...

– Везде мебель, инструменты, посуда, – восхитилась я.

– Обратите внимание, например, на ферму, – продолжала Лариса. – В ней несколько помещений. Спальня хозяев, на кровати муж. Кухня. Там мать семейства готовит. В детской сын и дочь. В сарае коровы, работники.

– Ничего подобного я никогда не видела, – призналась я.

– И не увидите, – улыбнулась Лариса, – Королевство живое, им занимается мама. Она кукол каждый день перемещает, спать укладывает по вечерам. Это ее дети. Интересный штрих, здесь на полу лежат ковры. Нигде в доме напольных покрытий более нет. У мамы аллергия на пыль. Но она боится, что какая-нибудь обитательница Королевства случайно упадет, разобьется. Мамочка член общества «Золотые дети», там собираются коллекционеры кукол. Они устраивают всякие праздники, например

свадьбы. Недавно наша принцесса Лаура сочеталась браком с королевичем Владом. Мы устроили настоящий пир, созвали гостей. Мама несла к алтарю Лауру, а Неля, его владелица, Влада. Не считите нас сумасшедшими. Это просто игра, повод повеселиться. В Королевстве Шоколадного Пугала случаются только радостные события. Дни рождения, бракосочетания, помолвки, праздник основания государства. Ни войны, ни агрессии, ни нищеты, ни старости нет. Вот дети рождаются.

– Страна Эльдорадо, – вздохнула я.

– Да, – согласилась Лариса. – Смерть была всего один раз. Недавно от старости рассыпался глиняный Поль. Мама его много лет назад сделала. И вот сегодня Розанна. Но с ней трагическая ситуация. Почему название такое: Королевство Шоколадного Пугала? Мама уже упоминала, что мой отец, Николай Горелов, в юности работал мастером на кондитерской фабрике. Он делал фигурки из шоколада.

– Зайчики и Деды Морозы в разноцветной фольге, – обрадовалась я, – мне их традиционно на Новый год дарили. Всегда жалела есть подарок. Ну разве можно голову ему откусить!

– Это поточное производство, – пояснила Лариса, – шоколадную массу просто заливали в форму и штамповали, а папа – творец. В советское время тоже торты заказывали, стоили они намного дороже, чем простые бисквиты, считались роскошным подарком. Николай Горелов делал к ним украшения: фигуры, замки, кареты. А кое-кто заказывал не торт, а только, например, машину из шоколада! Как-то раз отец принес домой вот это!

Лариса показала на круглый столик у стены, на нем под высоким стеклянным колпаком стояло Пугало в клетчатых рваных штанах, голубой рубашке и красной шляпе.

– Я тогда только родилась, свидетелем события не была, – продолжала Лариса, – но мама эту историю мне не один раз рассказывала. У нее в юности была копна вы ющихся волос, прямо стог. Как ни причесывай, торчат в разные стороны. Папа ее звал Растрепыш, Волосатик, Пугало любимое.

– Не очень ласково, – заметила я.

Лариса отошла к окну.

– Вы про Пугало? Прозвище может показаться грубым. Но маме оно нравилось, папа его с такой любовью произносил: Пугалко любимое, Пугалкина растрепыш... Если же она с отцом спорить начинала, то он ее называл Пугалище вредное. Сама история такова! Папа совершил какой-то проступок. Что он натворил, родители давно забыли. Отец чувствовал себя виноватым и решил оригинально извиниться, сделал из шоколада это

Пугало. Конечно, мама его сразу простила, она сшила из тряпочек Пугалиху, вот, видите рядом сидит. И они с папой устроили парочке свадьбу. С этого началась мамина любовь к созданию кукол.

– Погодите, Аглай Борисовна их сделала сама? – ахнула я. – Все это! Все в зале?

Лариса кивнула.

– Если внимательно изучите Королевство, то поймете, многие его обитатели созданы из подручных средств. Вот, например, принцесса Зоя. Она из носочных.

– Из кого? – растерялась я.

– Деревня носочных, – повторила мой экскурсовод. – Я быстро росла, колготки постоянно становились малы. Мама использовала их для создания поделок, отрезала часть ступни, «ноги» набивала ватой, зашивала оба конца, получалось туловище. Дальнейшее зависело от ее фантазии. Вот единорог, которого она украсила разноцветными пуговицами. В советские времена мамочка пользовалась тем, что было под рукой.

– Потрясающе, – совершенно искренне восхитилась я.

– В перестройку папа основал свой бизнес, – пояснила Лариса, – наше материальное положение улучшилось. Мама получила возможность покупать хорошие материалы, осваивать разные технологии. Погибшая Рози сделана из керамики. В этом зале располагается само Королевство, а во дворе стоит небольшой дом, там мастерская, где непосредственно его жители рождаются. Мама еще и чинит их. Почти все настоящие собиратели кукол Аглаю Горелову знают, просят ее помочь, если кто-то у них сломался. Мамуля удивительный мастер, у нее золотые руки. То-то госпожа Елкина обрадуется, что Розанна умерла.

– Дама не любит кукол? – предположила я.

– Наоборот! Обожает их, тоже сама мастерить пытается, – поморщилась Лариса, – но у Елены Яковлевны в руках и одной сотой таланта нет. Лена просила Павла Горбатова: «Давай поженим твоего Феликса и мою Каролину». Паша, мой близкий друг, вежливо отказался: «Спасибо за лестное предложение, Каролина прекрасна. Да только Феликс помолвлен с Розанной, мы решили свадьбу сыграть в конце осени, когда весь народ из заграничных домов на зиму в Москву вернется. И вот...

Лариса не успела договорить, дверь распахнулась, в зал вбежала женщина, упала на колени и поползла по паркету, вытянув вперед руки.

– Лариса Николаевна, умоляю!

– Вы кто? – попятилась та. – Как попали в наш дом?

– Не увольняйте, – плакала незнакомка, – мы с голоду умрем! Муж у

меня инвалид! Колясочник. Тroe детей! Я не разбивала Розанну! Ей-богу!

Лариса отступила к окну, а я приблизилась к тетке.

– Варвара?

– Да-да!

– Вам лучше уйти.

– Нет, нет! Оставьте меня на работе! – закричала горничная и схватила меня за ноги.

В ту же секунду появилась Кристина.

– А ну пошла вон отсюда!

– Нет-нет! – твердила прислуга, вцепившись в мои лодыжки.

Я попыталась высвободиться, но побоялась применить силу, в зале много мебели, кукол, еще задену какую-нибудь, и она сломается. А у Аглай уже случилось сегодня одно горе. Через секунду я сообразила, что мне лучше выйти в коридор, и стала медленно двигаться в сторону двери. Варвара поехала следом по полу, она по-прежнему не отпускала меня.

– Сейчас охрана прибежит, – пригрозила управляющая.

– Пусть! – громко заявила Варя. – Расскажу все честно. Я вошла в зал полюбоваться на красоту и увидела куклу на полу! Ее кто-то разбил.

– Немедленно покиньте зал, – велела Лариса, прижавшаяся спиной к подоконнику.

– А-а-а, – завизжала Варвара, – я не виновата! Совсем!

Управляющая зашла сбоку, наклонилась, схватила горничную за волосы и стала бить ее лбом о мои ступни. Я попыталась оттолкнуть Кристину от Вари, но потеряла равновесие и выпала через открытую дверь в коридор. Через секунду мимо пробежала Варвара. Даже человеку с моей спортивной подготовкой неприятно рухнуть на спину с высоты своего роста. Встала я не сразу, с трудом сделала пару шагов, вернулась в зал, увидела Кристину, которая сидела на полу, и Ларису возле нее. Хозяйка держала в руке синий дозатор.

Глава 9

– Тебе лучше? – спросила Лариса.

Кристина кивнула.

– Сейчас встану.

Потом она с кряхтением поднялась.

– Вот дрянь! Как она вернулась? Я сама мерзавку за ворота выпроводила! Пакость!

В зал заглянул крепкий парень в черной форме.

– Звали, Карина Михайловна?

– Отлично работаешь, Мирон, – рявкнула управляющая. – Первое. Я Кристина Михайловна. Не Карина. Второе. На тревожную кнопку я нажала давным-давно. Славная у нас охрана.

Секьюрити моргнул и сообразил поздороваться с хозяйкой:

– Здрассти, Лариса Николаевна. Я как услышал, что зазвенело, вмиг побежал. Далеко идти-то.

– Хорошо, что до утра успел, – съязвила управляющая. – Объясни нам, почему по территории бродят посторонние?

– Кто? – вытаращил глаза Мирон.

– Варвара.

– Так она своя.

– Ее уволили.

– А мне кто-нибудь об этом сказал?

– Я выпнула бабу за ограду! Сама турнула! – зашипела Кристина. – Каким макаром эта поганка вернулась?

Мирон вынул мобильный.

– Алло. Ворота? Ген, ты? Варьку, горничную новую, сегодня видел?

Ага. Так. Угу. Да.

Охранник посмотрел на Ларису.

– Вот какая история, Катерина Михайловна…

– Кристина, – спокойно поправила управляющая.

– Ну да! – согласился Мирон. – Вы с Варей подошли к калитке. Генка из будки не выходил. А чего нервничать? Все свои. Через короткое время звонок в домофон. Верка!

– Кто? – не поняла Лариса.

– Ну, горничная.

– Варвара.

– Ага. Она Генке сказала: «Открой. Я забыла ключ в переднике». Он ее и впустил.

– Идиот, – выдохнула Кристина.

– Кто? – надулся парень.

– Ты. И Геннадий, вы оба идиоты, – обозлилась управляющая. – Дуру выгнали с работы!

– А нам об этом сообщили? – резонно спросил секьюрити. – Приказ: «Не впускать» озвучили? Что у вас тут случилось?

– Ничего, уходи, – скомандовала Кристина, – скоро с ума с вами сойду.

Лариса поморщилась:

– Мирон, вы свободны. Кристина, если вы не способны навести порядок, заставить прислугу работать как положено, если вам трудно, то можете уволиться. Но причитать при хозяйке о своих трудностях не стоит. Пойдемте, Татьяна.

Мы с Ларой вышли в коридор, она положила в карман платья дозатор и пояснила:

– Гомеопатический спрей. Хорош во многих случаях, при стрессе помогает. Мне очень жаль, что вы стали свидетельницей неприятной сцены. У вас есть еще вопросы?

– Да, – кивнула я. – У вашего мужа много врагов?

– Как у всех, кто достиг успеха, – ответила Лариса, – например, профессор Неменов, тот при каждом удобном случае говорит: «Массаж – пустое занятие. Толку от него нет. Не верьте хитрецам вроде Сиракузова. Владимир везде где ни попадя хвалебные оды массажу поет только по одной причине, он этим на жизнь зарабатывает. Лучше приходите в мою клинику». Но он открыто ненавидит мужа, поэтому не опасен. Те, кто нежно в глаза улыбается, мармеладные речи ведет, намного хуже. Сразу и не узнаешь, у кого за пазухой бульжник припасен. А почему вы спрашиваете?

– Сумасшедший не поднимет бизнес, – заметила я. – И договор о сотрудничестве с дьяволом существует в реальности. Он находится у нас в лаборатории. Или кто-то решил зло пошутить над Владимиром, или…

– Сатана существует в реальности? – попятались Лариса.

– Нет. Просто кто-то знает, что привиделось вашему мужу много лет назад, и сейчас специально пугает его, это не дурацкий розыгрыш, а покушение на убийство, – уточнила я. – Владимир рассказывал, что нечистый ему о договоре ночью напомнил. Вы крепко спите? Может, кто-то и впрямь входил в спальню, но вы не заметили?

– У нас разные комнаты, – уточнила Лариса, – их разделяют два

санузла, – попасть друг к другу мы можем по коридору или пройдя через ванные. Нет, я ничего не слышала. Татьяна... есть... одно обстоятельство. Мы скрываем его от мамы. Не надо разглашать то, что вы сейчас услышите...

Лариса открыла дверь.

– Прошу вас в гостиную. Я люблю Володю, моим родителям было безразлично материальное состояние зятя, главное – его отношение ко мне. Но... Ох! Как не хочется вам все сообщать... Мы обманули моих отца и мать. Понимаете?

– Нет, – ответила я.

Лариса села на диван.

– Мы сказали родителям, что моя свекровь умерла. Но мать Володи на момент нашей свадьбы была жива.

– Так, – протянула я.

– Она находилась в сумасшедшем доме, – совсем понизила голос Лариса, – мои родители толерантны, то, что у Вовы тогда денег было меньше, чем у моего папы, их не беспокоило. А вот психиатрическая болезнь матери жениха... это серьезно. Плохая генетика. Мы с Володей поразмыслили и решили: надо сказать моим родителям, что Наталья Ивановна на том свете. Папа собирался мне, единственной дочери, устроить пышную свадьбу. Но мы упросили его вообще ничего не делать. Не хотели видеть пьяные посторонние рожи. Просто сходили в загс. Информация о нашем бракосочетании, естественно, стала известна, кое-кто обиделся. Ну да мнение людей меня никогда не волновало. Понимаете? Плевать мне на тех, кто закусить хотел и не обломилось ему, а вот реакция мамы и папы очень даже беспокоила. Поэтому правду о сумасшествии Натальи Ивановны мы скрыли.

Лариса взяла шаль, висевшую на спинке кресла, и набросила ее на плечи.

– Мне никогда не приходило в голову, что муж способен... ну... вот... дьявол... и все такое. Только после вашего рассказа в голове лампочка зажглась, хотя, если учесть его генетику... Очень надеюсь, что Володя оклемается. Сейчас ведь шизофреников лечат?

– Да, – ответила я, – не являюсь врачом, но думаю, что человеку с психиатрическим диагнозом просто нужно пить таблетки. Хотя сейчас у вашего супруга основная забота – инсульт, а не состояние его психики. Наталья Ивановна содержится в частной клинике?

– Содержалась, – уточнила собеседница, – она не так давно на самом деле умерла. Жила в лечебнице, которая расположена неподалеку от Челя...

Лариса закашлялась.

– Простите, неподалеку от Челябинска. Володя отправился ее хоронить, вернулся очень нервный, плохо спал. Я предлагала ему сходить к врачу. Муж наотрез отказался. Возможно, на нервной почве у него глюки и начались. И в конце концов инсульт приключился. Думаю, все развивалось так. Давным-давно Вова заболел гриппом, от высокой температуры бред начался, ему привиделся дьявол. Тогда Наталья Ивановна уже вела себя странно. Ну да, она и в здоровом состоянии-то была не очень обычным человеком. Гадалка-психолог. Редкая профессия. Вышла замуж за мужика, который называл себя историком, а на самом деле...

Лариса махнула рукой.

– А что на самом деле? – спросила я.

– В СССР активно внедрялась форма заочного обучения, – пустилась в объяснения Лариса. – Приезжал в институт человек из провинции, сдавал кое-как вступительные экзамены, на оценки там не смотрели, всех зачисляли на первый курс. Пару недель студент слушал лекции, получал задания и спешил домой. Возвращался он на сессию. Опять неделя лекций, а потом учись сам дома. На работе ему обязательно отпуск на время экзаменов предоставляли. Оплачиваемый. Очень удобно для одиноких матерей, для тех, кто имел приличную работу, но без диплома карьера стопорилась. Но вы же знаете уровень такого образования? Ректор вуза, где числился Петр Яковлевич, хотел иметь личного шоferа, а в штатном расписании водитель для него не предусматривался. И тогда ректор оформил Петра на ставку преподавателя.

– Отличная идея, – восхитилась я.

– Да, – усмехнулась Лариса, – обычный кучер стал профессором на кафедре истории. Петр Яковлевич любил читать, увлекался оккультными науками, собрал огромную библиотеку. Я с родителями мужа не встречалась, рассказываю вам это со слов Володи. Он рос в необычной атмосфере, в доме всегда был полумрак, горели свечи, тлели благовония. У матери в комнате было икон две стены. У отца сложились дружеские отношения с чертями. Петр Яковлевич с нечистой силой любил по ночам беседовать. У любого ребенка психика сломается. Вас еще удивляет, что Вове в бреду дьявол привиделся?

– Готова согласиться с вами, – кивнула я, – на фоне гриппа может разное померещиться. Но после первого общения с нечистым у вашего мужа началась полоса удачи.

Лариса постучала себя ладошкой в грудь.

– Вот он, лотерейный билет супруга. Я уже говорила, мама-папа меня

обожали, а я потеряла голову от Сиракузова. Во время нашей первой встречи у Володи даже массажного стола не было.

– По документам господин Сиракузов во время свадьбы уже был бизнесменом, – возразила я.

Лариса сбросила шаль.

– Вы когда-нибудь влюблялись?

– Конечно, – улыбнулась я.

Лариса наклонила голову.

– Так, чтобы как в реку с моста упасть? С дрожащими ногами? Желанием постоянно находиться рядом с мужчиной, говорить ему: «Обожаю тебя». Не есть, не пить, не спать, только о нем думать? Ну как в песне: «По морозу босиком к милому ходила»? Только увидела его и пропала? Вот такое чувство испытывали?

– Нет, – призналась я, – мой муж добрый, заботливый, умный, с ним мне интересно. Всегда меня поддержит, найдет правильные слова, никогда меня не ругает, не воспитывает. Я не думаю о деньгах. Работаю не потому, что в семье средств не хватает, а из любви к делу, которым занимаюсь. Я своего мужа ни на кого не променяю. Но по морозу босиком к нему не побегу. Разве что в исключительной ситуации, если жизни супруга будет угрожать опасность. Тут я даже из самолета выпрыгну. А от эмоций не помчусь, ноги пожалею, сапоги надену.

Лариса вздрогнула.

– Вы не знаете, что такое страсть! А вот я с ней знакома. Сразу, как только увидела Володю, решила: или он мой, или ничей. Сначала ум потеряла, втихаря в подмосковных пансионатах номера нам снимала. Отец мои расходы не контролировал, знал: дочь пить водку, баловаться наркотиками не станет. Я была примерной. Понимаете? Ларочка всегда-всегда хорошая девочка! Не было со мной проблем. Ни одной! Никакой! А я понимала: нищий Вова папе не зять. Отец его будет считать охотником за богатой невестой. Поэтому я продала ожерелье, родителям наврала: «Потеряла, сняла шубку, а колье нет, наверное, застежка расстегнулась!»

На вырученные деньги Вова открыл маленький центр массажа, и к нему вдруг народ повалил. По большому счету он сам дело поднял. Я ему только толчок дала. Через несколько лет Волodia владел уже пятью салонами, тогда мы сделали вид, что познакомились на дне рождения у общего знакомого.

– А на самом деле где встретились? – полюбопытствовала я.

Лицо Ларисы на секунду дрогнуло.

– В метро. Ехали в одном вагоне.

Глава 10

О встрече с женой Сиракузова я рассказала мужу по дороге в центр, где ему надлежало потерять лишние килограммы.

– Интересно, – пробормотал Иван, – обсудим потом. Приехали, нам сюда.

Я посмотрела на большую дверь без таблички.

– Ты уверен?

– Дом четырнадцать, – подтвердил Иван.

– Странно. Нет вывески, – удивилась я, выходя из джипа.

Муж нажал на кнопку домофона.

– Рады гостям, – пропел женский голос. – Вы к кому? По записи?

– Татьяна Сергеева… – начала я.

Замок щелкнул, мы очутились в круглом холле, посреди которого журчал фонтанчик.

– Рада видеть вас, – пропела девушка за стойкой, – Валентина. Вы к доктору Воинову Александру Филипповичу. Ах, он чудо. Пойдемте.

– Где бахилы? – осведомилась я.

– Мы просто постоянно моем полы, – заулыбалась Валентина, – не хотим, чтобы наши любимые подопечные свою красивую обувь в ужасные мешки прятали. Да и поскользнуться в них можно.

– Почему у вас вывески нет? – не успокоилась я.

– Сюда приходят звезды, бизнесмены, депутаты, – перечислила сопровождающая. – Наших подопечных часто по телевизору показывают, за ними охотятся журналисты. Представителям прессы к нам никогда не попасть, но стоять у входа им запретить нельзя. Увидит корреспондент, что человек вошел в клинику, где с лишним весом лучше всех в Россииправляются, и пойдет по клавиатуре стучать: «Политик N, жирный кабан, наел пузо на деньги, которые у инвалидов и пенсионеров отнял. А теперь тратит народные деньги на программу похудения». И невдомек репортеру, что ожирение не всегда от большого аппетита бывает. Толстеют от разных заболеваний, например, гормональный сбой случился, или преднизолон человек принимал. Да тут хоть одной водой питайся, разнесет.

Валентина потянула за ручку дверь.

– Александр Филиппович, к вам такие красивые, такие милые, такие суперские Иван и Таня!

– Жду с нетерпением, – ответил врач.

Мы вошли в кабинет.

– Рад, очень рад, – заговорил Воинов, красивый стройный мужчина лет сорока пяти. – Сегодня у нас первый ознакомительный день. Попрошу вас сдать анализ крови. Неля!

Белая створка в стене открылась, появилась медсестра.

– Добрый день. Кто первый? Самый храбрый?

– Давайте я, – откликнулся Иван.

– О! Вы герой, – захлопала в ладоши медсестра, – обычно женщинызываются, мужчин я еле-еле уговариваю. Пойдемте, Иван.

– Мы с Татьяной заполним анкетку, – обрадовался Воинов. – Имя, фамилию, адрес, год рождения вчера ваша мать сообщила.

Я не стала объяснять врачу, что Рина моя свекровь.

– Сразу к делу приступим, – потер руки диетолог. – Сколько раз в день вы едите?

– Э... э... не знаю, – откровенно сказала я. – Чай приемом пищи считается?

– Просто кипяток с заваркой?

– С вареньем. Печеньем. Или с кексом, конфетой, – призналась я.

– Это мусор. Удар по здоровью. Хуже только фастфуд.

– Иван Никифорович ест бургеры, – наябедничала я.

Воинов пресек мою попытку перевести стрелку на супруга.

– Разберемся с ним потом. Сейчас речь о вас. Сколько раз вы пьете чай со сладостями?

– Ну... Когда хочется, тогда и завариваю.

– Завтракаете?

– Да.

– Что на столе?

– Сыр, масло, колбаса, хлеб.

– Смерть сосудам и печени! Напитки?

– Кофе, – робко ответила я.

– Черный?

– Нет.

– С чем?

– Со сливочками.

– Убийство для хорошей кожи.

– Иногда какао, – быстро добавила я.

– Ведет к облысению! – отрезал врач. – Между завтраком и обедом чай с печеньем и вареньем?

– Ага, – подтвердила я.

- Воду употребляете? Минеральную?
- Да.
- Сколько?
- Не считала, просто беру бутылку, когда жажда появляется.
- Кандидат на цистит.
- Кто?
- Вы. Обед во сколько? И что в меню?
- Как получится.
- Вчерашний день помните?
- Вроде.
- Расскажите о блюдах.
- Сосиски с картофельным пюре.
- И чай с вареньем?
- Нет, – сникла я, – капучино с кексиком. Малюсенький маффин на один укус.
- Ужин во сколько?
- Вчера в полночь.
- Фуу. Куриная грудка на пару?
- Пирог на сковородке. Свекровь приготовила. Такая картофельная запеканка из пюре и говядины с жареным луком. Верх смазан сметаной.
- И чай с вареньем-печенем?
- Нет, – прошептала я, – кефирчик.
- Ну, это ничего, – одобрил диетолог.
- С куском домашнего торта, – еле слышно уточнила я, – мама мужа прекрасно печет.
- Хм, – протянул Воинов. – Что из еды для вас самое вкусное?
- Все, – отрапортовала я, и тут, на мою радость, появилась девушка в халате.
- Вот и мы, – сказала медсестра, – возвращаю Ванечку, беру Танечку.
- Следующие два часа мы с мужем проходили тесты, обследования, лежали в разных аппаратах, а потом снова очутились у Воинова. На этот раз лицо Александра Филипповича походило на древнегреческую маску трагедии.
- Плохие результаты? – занервничала я.
- Вылечить можно все, – ответил доктор.
- От этих слов по телу забегали мурашки.
- Что с нами?
- У каждого человека свои болезни, – философски заметил Воинов. – Начну с Ивана. Мы провели анализ на национальность, установили, кто

ваши предки.

– Зачем? – удивился муж. – Легче спросить. Я со всех сторон русский. И мама, и папа!

– Речь идет об очень далекой родне, – пояснил врач, – что жила еще до нашей эры.

Супруг изумился.

– Какая разница, кто мои прародители?

– Верно, – подхватила я, – их, к сожалению, уже давно нет. И толстый-то Иван Никифорович сейчас, в прошлые времена он не жил.

– Большая разница, – заявил доктор, – если вы происходите от народов Севера, то генетически не переносите говядину, свинину, курятину. Почему? Да потому, что прапра... дед не ел ничего такого. Не водились миллионы лет назад на Северном полюсе коровы. Да, предки давным-давно исчезли с лица Земли, а у вас до сих пор нет в желудке нужных ферментов. А то, что неправильно переваривается, откладывается в жир!

– Что же тогда мне есть, если я из чукчей? – растерялся Иван Никифорович.

– Оленину, медвежатину белую, тюленя, моржа, – перечислил Воинов.

– Вроде белые медведи занесены в Красную книгу, – засомневалась я.

– Нет смысла обсуждать то, что не надо! – остановил меня доктор. – Перейду к конкретике. Иван, вы на семьдесят процентов верблюдоид-африканц, на тридцать коземордец.

Глава 11

Муж открыл рот, потом закрыл его.

– Дедушка Ивана Никифоровича африканский верблюд, а бабушка коза с мордой? – уточнила я.

Воинов поморщился:

– Конечно, нет. В прежние века существовали страны, которые сейчас исчезли. Например, земля Ханаан^[2]. Слышали?

– Нет, – пробормотала я.

– Не читали Библию? – догадался врач.

– Не довелось, – призналась я.

– Ясно, – протянул Воинов. – Жили там хетты, хиввеи, периззеи, гиргаси, амореи и прочие. Если вы о них не слышали, это не значит, что они не существовали. А в тысяча сто пятьдесят восьмом году до нашей эры в Африке обитало племя верблюдоидов^[3]. Очень умные люди. Они создали карту звездного неба, писали книги и картины, в их захоронениях найдено много произведений искусства. Считается, что именно верблюдоиды изобрели колесо. Существовали они не только на Черном континенте, но и в Азии, Индии. Поэтому к верблюдоидам добавили еще и географическое уточнение. Иван из африканских. И это по женской линии. По мужской он происходит из мастеров-горшечников. В давнюю давнину в Нигерии жило племя коземордцев, они славились лучшими изделиями из глины.

– Ага, – пробормотал муж. – А что у Тани?

– Муж по происхождению древнее, – заметил Воинов, – жена из новых людей. Она чистая галошница.

– Шкаф для обуви? – обиделась я.

– Галошницы – члены племени галош, – растолковал Воинов, – но сначала давайте о вас. Верблюдоиды – собиратели знаний. Внешне они были не особенно красивы: маленький рост, не более метра десяти.

– Карлики, – кивнул Иван Никифорович.

– Тонкокостные, бледные, очень худые из-за постоянного воздержания от пищи, которое им, как жрецам, предписывалось, – разъяснял врач, – ладошки-ступни крохотные, а голова больше тулowiща. Обладали огромным мозгом, но малой физической силой, поэтому исчезли с лица Земли. Иван, вам для похудения надо есть блюда из колюки обычной, режку, манюку...

– Это что такое? – спросила я.

– Продукты, – ответил врач, – шесть месяцев на диете верблюдоидов – и ваш супруг будет носить сорок восьмой размер.

– Где приобрести вами перечисленное? – поинтересовалась я.

Александр Филиппович обрадовался.

– Прекрасный вопрос. Он свидетельствует о вашем желании серьезно лечиться. Мы его закупаем в Африке в деревне Олохоняну. Берем оптом, поэтому цена низкая.

– А нам где это взять? – продолжала я. – И как готовить?

Воинов расцвел в белозубой улыбке.

– Люблю подопечных, которые сразу зрят в корень проблемы. У нас есть услуга: доставка уже полностью готового рациона. Утром курьер привозит коробку. Все свежее. Доставка каждый день.

– Моя мама – гениальная кулинарка, – заявил муж.

Александр Филиппович посмотрел на живот Ивана.

– Не сомневаюсь. Конечно, матушка может вам сделать охолоки из мбаки. Какого размера у вас дровяная ижижица?

– Что? – хором спросили мы.

– Верблюдоивская африканосовская народная печь, – объяснил Воинов, – она вкапывается в зеленую глину на полметра, топится ветвями ференфолда. Еще необходимы горшки из красного гипса, ложка из кости розового бергуара.

– Лучше готовое, – решил Иван.

– Советую и вам, Татьяна, брать готовую еду, – посоветовал врач, – хлопот никаких, одна польза. Мы возвращаемся к истокам, запускаем механизм генетической активации. Гарантия – потеря веса. За полгода уйдет все лишнее. По результатам наших исследований у Ивана в организме – семьдесят очагов жира. Это девяносто процентов гарантии возникновения инсульта, восемьдесят диабета и гипертонии, шестьдесят импотенции, пятьдесят маразма, сорок – энуреза. Остальное по мелочи.

Иван Никифорович заерзal на стуле.

– У Татьяны девяносто очагов жира, – сообщил доктор.

– Не может быть, – подпрыгнула я, – я намного тоньше мужа.

– Женщина, даже стройная, всегда аппетитнее мужчины, даже если он тучный, – объявил Воинов, – так природа задумала. Во время зимнего голода племя съедало самую тучную даму. Слабый пол генетически жирнее, потому что он гарантия выживаемости народа. Сейчас уже никого не едят, но древний механизм работает. Мда. Таня, у вас девяносто девять процентов вероятности старческого слабоумия.

– Мне еще до пенсии далеко, – обрадовалась я, – могу жить пока

спокойно.

– Нет, – с огромной печалью в голосе возвестил лекарь, – «старческое слабоумие» – это просто название, оно может возникнуть и в тридцать лет. В таком случае мы говорим: «преждевременное старческое слабоумие». Если прямо завтра не начнете избавляться от излишков веса, то спустя месяц забудете, как вас зовут. К таким, как вы, всегда приходит бурное, полное преждевременное безумие. Люди въезжают в это состояние постепенно. В декабре забыл за собой туалет помыть, в январе перестал умываться на ночь, в феврале не можешь вспомнить код от подъезда... А на вас это вмиг свалится! Как гиря с десятого этажа на мозг шлепнется. Завтра в девять вечера жду вас на первом занятии пеленочного фитнеса.

– Не поздно ли? – засомневалась я. – И я регулярно занимаюсь спортом.

– На пеленочный фитнес ходите? – спросил доктор.

– В обычный тренажерный зал, – объяснила я.

– Ерунда, – отмахнулся Воинов, – от штанг, жима ногами, приседаний, подтягиваний ваш синий жир только плотнее становится.

– Синий? – опешил Иван. – Я видел людей изнутри, на столе и...

Я кашлянула. Муж опомнился и умолк.

– Вы кто по профессии? – осведомился эскулап. – Если речь идет о вскрытии...

– Нет-нет, – возразила я, – муж, он... э... э... портной. Костюмы для покойников шьет на заказ. У нас своя фирма!

Александр Филиппович улыбнулся:

– Синий жир – это такой термин. Как цейлонский чай, он чаще всего не с этого острова, который нынче носит имя Шри-Ланка. Вот и синий жир не синий, это всего лишь название. Он накапливается с детства. Итак! У вас есть время, чтобы решить, мы работаем или нет. Если да, то через полгода вы будете стройными, здоровыми, молодыми. Если нет, то через пару месяцев станете бочками сала, больными, на оба бока кривыми, со слабоумием, инфарктом, энурезом.

– Худеем, – быстро согласился Иван.

– Правильное, по-настоящему мужское решение, – одобрил Воинов, – завтра утром вам доставят еду, а вечером вы занимаетесь с тренером Аленой. Она вам очень понравится. Сейчас едете по своим делам. Так?

Иван Никифорович кивнул.

– Не обсуждайте решение о лечении, – строго сказал Александр Филиппович, – ничего хорошего из этого не выйдет. Раз договорились, то договорились.

– Нам сказали, что сегодня мы займемся гимнастикой, – пролепетала я. – Би... ги... ко... название точно не помню.

– Нет, – отрезал эскулап, – по результатам обследования вам нужно другое. Хорошего вам дня.

Мы с мужем вышли в коридор, включили телефоны, и они у нас одновременно затрещонили.

– Куда ты подевалась? – негодовал Коробков. – Обыскался тебя.

– Да я тут к врачу забежала, – объяснила я.

– Ты заболела? – встревожился Димон.

– К стоматологу, – соврала я, – пломба выпала. Что-то случилось?

– Я кое-что интересное про Владимира узнал, – ответил Коробков.

Я посмотрела на Ивана, который тоже завершил беседу по телефону.

– Дима добыл о Сиракузове какие-то сведения.

– Кристина Михайловна, управляющая Гореловых, только что скончалась, – сообщил Иван Никифорович.

– Из-за чего? – изумилась я.

– Пока предполагается тромб, – сказал Иван. – Инсульт не подтвердился. У нее было очень высокое давление. Плохо, но не фатально, ее увезли в больницу, ей сделали уколы, поставили капельницу, потом спустили в палату. В комнате была одна соседка, она рассказала, что Кристина попросила у нее почитать журнал. Отдала ей глянец, пошла на первый этаж в кафе, купила там булочку, вернулась в палату. Кристина лежала лицом к стене. Соседка спросила:

– Хотите плюшку с маком? Свежая.

Ответа не последовало. Тетушка решила, что новенькая спит, и стала рыться в айпаде, наушники надела. Через час медсестра пришла делать Кристине укол и обнаружила, что она мертва. Похоже, тромб оторвался. Точнее узнаем после вскрытия.

Глава 12

На следующий день все собрались в моем кабинете.

– Я наконец порылся в биографии Натальи Сиракузовой, – начал Коробков. – Она лечилась в психиатрическом диспансере. Это странно.

– Почему? – спросила я.

– В советское время диагноз «шизофрения» закрывал перед человеком все двери, – ответил вместо Коробкова Аверьянов. – На приличную работу его точно не брали. Отсутствие компьютера не мешало кадровикам проверять кандидатов, они просто звонили медикам. А те прекрасно знали об уголовной ответственности за предоставление ложных данных. Люди из отдела персонала не любили тех, у кого отец-мать больны. Родственникам полагались льготы и, главное, квартира! Если шизофреник жил в коммуналке, ему должны были выделитьдельную квартиру. Теперь внимание! Петр Яковлевич Сиракузов умирает, когда Володя еще ходит в школу. Семья имеет прекрасную квартиру. И вдруг! Наталья Ивановна совершает немыслимую глупость! Она... Ну прямо не верится! Обменивает одну комнату на десятиметровку в коммуналке.

– Сумасшедшая, – пожала плечами Вера, – определенно больная на всю голову женщина.

– Дослушай сначала, – попросил Коробков. – Во времена сделки с жильем Наталья была здоровой, дееспособной гражданкой. Официальное место ее работы – почта, она разносila по домам газеты, письма. Наверное, зарплата была невелика, но и занятость не через край. Остается время на работу гадалкой-психологом с клиентами. Но скорей всего с сумкой, полной прессы, по району бегал кто-то другой. Наталья просто была оформлена, она в отделении не появлялась, отдавала зарплату тому, кто вместо Сиракузовой пахал. У нее просто на почте трудовая книжка лежала. И все были довольны. Напомню, в то время еще работал закон о тунеядстве. Если ты нигде не трудишься, то пожалуйте на зону. Поэтому многие поэты, писатели, музыканты, фарцовщики числились кочегарами, дворниками, сторожами, но вместо них работали другие люди, они же и зарплату получали. Вернемся к квартире. Сиракузова живет в коммуналке. Анна Сергеевна Савина, восьмидесяти пяти лет, перебирается к Владимиру.

– Безумие прямо, – поморщилась Вера.

– Спустя некоторое время Наталья Ивановна заболевает

шизофренией, – усмехнулся Димон. – Володе уже исполнилось восемнадцать. Мать прописана в коммуналке, сын тоже обитает в общей квартире. Квадратных метров много, но комнат только две. И плевать, что у Вовы она тридцать метров, взять к себе мать он не может, в одной комнате с психиатрической больной жить по закону нельзя. В коммуналке ей находиться тоже запрещено. И что дальше? Наталья Ивановна получает от государства однокомнатную квартиру у Бабы-яги на выселках, в спальном районе в блочном доме на первом этаже. А в стране уже бушует перестройка. И почти сразу после того, как шизофреничка прописывается на новом месте, лафу с бесплатными квартирами для психов прикрывают. Нет, человек со съехавшей крышей до сих пор имеет право на жилье от государства. Но чтобы его получить, поседеешь, кучу нервов сожжешь, не один год на это потратишь. А у Натальи как по маслу это проехало. Кто-то ей, определенно, помог. После того как Сиракузова стала счастливой новоселкой, Анна Сергеевна скончалась. Савина была совсем старой, ее смерть никого не удивила. Что интересно! На момент смерти бабули Владимир был уже женат.

– Женат? – повторила я. – На ком?

– На Лейкиной Анастасии Ивановне, тридцати трех лет, – отрапортовал Димон.

– А парню сколько было? – присвистнул Миркин.

– Только девятнадцать натикало, – сообщил Коробков. – Едва став совершенолетним, он мигом ринулся в загс. «Не хочу учиться, а хочу жениться». Цитирую пьесу Фонвизина «Недоросль», если кто не в курсе. И что получилось? Квартира у Вовы была коммунальная, одна комната после смерти старушки освободилась. На пустое место должны были поселить новую жилищку или жильца. Ах нет! У Сиракузова-то жена теперь есть, и она беременна.

– Беременна? – повторила я.

– Именно так, – заверил Димон, – они справку к заявлению о претензии на квадратные метры покойной Савиной приложили.

– Молодая семья ждет ребенка, – кивнул Михаил Юрьевич, – ячейка общества проживает в коммуналке. Сомнений нет, им отписали вторую комнату.

Димон хлопнул ладонью по столу.

– В яблочко! Младенец так и не появился на свет.

– Небось Лейкина и беременной не была, – фыркнула Вера.

– Полагаю, ты права, – голосом кота Матроскина произнес наш компьютерный гуру, – Анастасия Ивановна незадолго до свадьбы

с Володей приехала в Москву из Нижнегоровска. Там она работала медсестрой, решила перебраться в столицу. Постоянной прописки у нее нет, на хорошую работу рассчитывать не приходится, в мегаполисе своего среднего медперсонала армия. Женщине из Нижнегоровска остается лишь полы в приемном покое мыть. И то, если повезет. А вот когда в паспорте есть столичная прописка, да еще штамп о браке, тогда другое дело.

— Гениальная многоходовая комбинация, — восхитился Михаил Юрьевич, — вместо одной московской норки у Сиракузовых стало две. И все довольны и счастливы. Интересно, кто придумал сию блестящую постановку? Сомневаюсь, что Наталья и уж точно не Владимир. Тут орудовал человек со связями, быстро и весьма удачно все сложилось.

Глава 13

– У Натальи Ивановны были клиенты, – начала рассуждать вслух Вера, – среди них кто-то мог работать в структурах власти или ушлым адвокатом.

– Интересная схема, – заметил Илья, – я о разных квартирных аферах слышал, но о такой никогда.

– Строго говоря, мошенническими эти действия назвать трудно, – сказал Ершов, – семья действовала по закону.

– В особенности, когда Наталья Ивановна жильем со старухой обменялась, – хмыкнула Трофимова, – тут вообще нет никакого жульничества. Просто ей захотелось из собственной квартиры в коммуналку переехать. А что? Нормальное такое желание.

– Может, ее скука в отдельной двушке одолела, – засмеялся Федор, – на кухне поругаться не с кем. Никто пачку соли в суп ей тайком не вытряхивал, на котлеты не плевал. Жить было неинтересно.

– Федя, то, что не запрещено, то разрешено, – подчеркнул Димон, отрываясь от компьютера, – ни в одном законе не сказано, что человек не имеет права обменять отдельное жилье на комнату в коммунальной квартире. Может, тебе это покажется странным, но кое-кто это совершил. За деньги. Нищета заела, вот и ухудшают квартирный вопрос. Как фамилия Натальи Ивановны, знаете?

Я удивилась вопросу.

– Сираузова.

– Она ее получила, выйдя замуж за Петра Яковлевича, а девичью знаете? – настаивал Коробков.

Я ответила:

– Понятия не имею.

– Савина, – коротко сказал Димон, – как у бабушки, которая якобы к Владимиру переехала.

– Почему якобы? – не понял Илья.

Миркин махнул рукой.

– Ты всерьез спросил? Обмен они только на бумаге произвели.

– А вы в этом уверены? – прищурился Маслов. – Вдруг Наталья Ивановна и Владимир друг друга терпеть не могли? Возможно, это и не афера. Вероятно, Наталья реально психически заболела.

– Гадание на кофейной гуще, – вздохнула я.

– Вернемся к тому, что известно точно, – повысил голос Димон. – Родители Натальи Ивановны: Ольга Сергеевна и Иван Варфоломеевич Савины. К сожалению, Ольга скончалась. Вдовец женился через какое-то время второй раз на... Внимание! Тут должен играть оркестр. Новой супругой Савина стала Анна Сергеевна Клюкина. Она поменяла фамилию в браке и превратилась в... Анну Савину!

– Ух ты! – подпрыгнула на стуле Вера. – Да они не чужие друг другу! Мачеха и падчерица!

– Ты слушай, – остановил Трифонову Коробков, – в браке с Иваном Варфоломеевичем у Анны родилась дочь. И как ее зовут?

– Только не говори, что Лейкина Анастасия Ивановна, которая потом пошла в загс с Владимиром! – воскликнул Михаил Юрьевич.

– Уважаю психологов, – крякнул Димон, – господин Ершов, как всегда, зрит в корень. Точно. Настенька у них получилась! Девушка, не успев окончить школу, выскочила замуж за юного лейтенанта Лейкина и укатила с ним в тъмутараканскую воинскую часть! Брак продержался недолго, последовал развод. В Москву Анастасия не вернулась, просто перебралась из небольшого поселка в городок. Там выучилась на медсестру и спустя годы прилетела в столицу, где стала счастливой женой молодого во всех отношениях мужа.

– Володя женился на своей родственнице? – возмутился Илья. – У них же есть общая кровь!

– Так этого в загсе никто при подаче заявления не знал, – уточнил Димон, – я уверен, что брак был фиктивным. Детей они заводить не собирались. После развода Анастасия покупает малогабаритную однушку, самое дешевое жилье. Открывает маленький продуктовый магазин, который просуществовал недолго и умер. Более сведений о работе Насти нет. Однушку она продала, переехала в деревню, затем и этот дом сбыла с рук. Куда она подевалась потом, не известно, никаких ее следов я найти не смог.

– Катилась вниз по социальной лестнице, – грустно сказала Вера, – наверное, пьет.

– Она жива? – уточнил Федор.

– Сведений о смерти нет, – ответил Димон, – но это не означает, что Лейкина жива. Теперь еще одна интересная история. Некоторое время назад на машину Сиракузова вылили ведро дермы на парковке у офиса Владимира. За хозяином зарезервировано самое удобное место. Оно огорожено столбиками, но они легко передвигаются. Чтобы сотрудники не убрали ограждение и не заняли территорию босса, там висит объявление:

«Место В. Сиракузова».

— Очень удобно для того, кто хотел его кабриолет изгадить, — усмехнулся Миркин, — служба безопасности у них с головой или без оной? Разве можно фамилию указывать? Обычно пишут: «Служебная парковка для сотрудников из особого списка». И гадай потом, кто в него внесен.

— Вопрос не ко мне, — отмахнулся Димон, — вандал, вернее, вандалиха...

— Такого слова нет, — сделал замечание Ершов.

— Вандалица, — придумал новый вариант Коробков, — не мужик безобразничал, баба. Она ведро на капот опорожнила, удрать не успела, ее схватил секьюрити, который у входа стоит.

— Это ты как узнал? — удивилась я. — Влез в документы охраны?

— Уже говорил один раз, но не трудно повторить: соцсети, — протянул Димон, — теперь жизнь моя стала намного легче, чем раньше. Нынче народ сам о себе что хочешь разболтает. У фирмы Сиракузова есть аккаунты во всех местах, где только можно. Наиболее интересным оказался «Инстаграм». Ну там вроде все как обычно: реклама, адреса салонов, рассказ об услугах, массажистах, восторженные отклики клиентов. В комментариях сплошная патока, мед с шоколадом, зефир с вареньем. Но я обратил внимание на некую Мэрибумсбом, она под многими сообщениями ставит смайлик, который означает: «рыдаю от смеха». Я нашел ее профиль, он закрыт, но мне его открыть-то ничего не стоило. И что? Обнаружил Клондайк информации. Мерибумсбом со сладострастием обсуждает со своими подписчиками Сиракузова. Она его терпеть не может, высмеивает со всех сторон, по-детски радуясь, описывает, как Владимир Петрович попал в неприятное положение. Я понял: милая особа ранее сидела в секретариате, иначе откуда она знает, кто к Сиракузову пришел-ушел? С кем о чем он в кабинете говорил? И, похоже, она под мужика клинья подбивала, потому что постоянно именует его «импотентом». С особым восторгом прелестница про дерымо вещала, прямо захлебывалась от счастья. Я влез в базу отдела персонала. Упс! Вход в кабинет босса теперь стережет пятидесятисемилетняя Галина Владимировна. А вот во время происшествия с какашками в приемной восседала Марина Комиссарова, победительница конкурса красоты «Подросток», его проводил один из московских округов, попросту говоря, это районные соревнования симпатяшек-школьниц. В четырнадцать лет девочка диплом получила и до сих пор гордится своим успехом. Давно взрослая Марина постоянно выставляет старые фото с того конкурса, спрашивает: «Правда, я очень хороша?» Ее уволили по собственному желанию. Но, думаю, уходить она

не хотела, раз по сегодняшний день она злобу на Сиракузова изливает! Она никак его забыть не может. Похоже, у нее сейчас поклонник появился. Марина хвасталась новой шубкой, колечком. Намекала, что это подарки. Но Владимир для нее до сих пор заноза.

Михаил Юрьевич направился к кофемашине.

– Стандартная ситуация. Девушка, которая считает себя неземной красавицей, нанимается секретарем к мужчине средних лет. Она полагает, что перед ее прелестями не устоит ни один представитель сильного пола, и начинает усиленно демонстрировать их боссу. Расчет прост: затащить обеспеченного папика в койку. Программа-максимум женить его на себе. Наличие у шефа супруги помехой не считается. Программа-минимум: получить квартиру, машину, полететь отдыхать на острова. Некоторые рожают ребенка, но это опасно, вдруг алименты получить не удастся. Сиракузов оказался крепким орешком, то ли девица совершенно не в его вкусе, то ли он любит супругу. Владимир, импотент проклятый, слишком сексуальную неземную красу уволил. И чтобы более не быть объектом сафари, посадил у двери кабинета женщину, которая давно спровоцировала пятидесятилетие.

– Мы хотели найти того, кто имеет зуб на Сиракузова? – обрадовался Илья. – Вот она! Уволенная секретарша.

Вера взяла из вазочки конфету.

– Здорово Владимир ее задел, если по сию пору она успокоиться не может. Михаил Юрьевич, сделайте мне тоже кофейку. Таня, хочешь шоколадку? Я купила нам в офис сладенького.

– Нет, – отказалась я.

– Никак опять худеть решила? – спросила Трофимова.

Я проигнорировала неделикатное замечание.

– Дима, адрес Марины есть?

– Обижаешь, начальник, – процитировал бородатый анекдот Коробков, – уже у тебя в телефоне.

– Советую прикинуться корреспондентом популярного глянцевого журнала, – стал наставлять меня Ершов, – скажи, что хочешь написать об одной из самых красивых девушек Москвы, и узнаешь все, что надо и не надо.

– Дима, сделай мне удостоверение члена редколлегии «Звезда мегахит», – попросила я, – завтра отправлюсь к Марине.

Глава 14

В восемь утра курьер доставил нам две картонные коробки. На большой была надпись – «Для Ивана», на маленькой – «Для Татьяны».

– Почему у тебя крохотная коробка, а у Вани вон какая здоровенная? – удивилась Рина.

Я пожала плечами:

– Не знаю. Так Воинов решил. Он сказал, что блюда привезут уже готовыми.

– О-о-о! Моя еда, – обрадовался муж, появляясь в столовой, – ну-ка, полюбопытствуем.

Он взял ножницы, мигом вскрыл обе упаковки и стал вынимать из своей контейнеры, комментируя увиденное:

– Завтрак! Творог с фруктами. Сэндвич с брынзой и помидорами, отварное яйцо, порция масла. Ба, да оно французское! Пустячок, а приятно. Не хочу ругать российские продукты, но парижское маслище вкуснее нашего. Ватрушка! М-м-м! Чудесно пахнет. Три куска зернового хлеба, морковный кекс. Прекрасно! А это что?

– Обед, – подсказала Рина. – Видишь, написано на контейнере: «Съесть с тринадцати до четырнадцати. Просьба: четко соблюдать время приема пищи. Не вскрывать бокс заранее. Состав указан сбоку».

– Вижу, – обрадовался Иван. – «Салат из куриной грудки и овощей с йогуртовой заправкой. Борщ с пампушками. Котлета по-киевски с картофелем и грибной подливкой. Компот из свежих фруктов». Вполне себе ничего!

Рина показала на маленькие коробочки.

– Еще четыре перекуса, печенье, банан, мусс из чернослива, панакота с клубникой. Потом полдник, ужин.

– Однако странно, – протянула я, хватая свой телефон, – все вроде обычное. Алло, добрый день, Александр Филиппович? Таня вас беспокоит, мы получили коробки. Да, спасибо. Вопрос. Вы говорили, что нам надо питаться... не помню названий продуктов, в наших супермаркетах их нет. А у мужа все обычное: салат, например. А-а-а! Ясно.

– Что он сказал? – полюбопытствовал Иван.

Я села на стул.

– Воинов пояснил: чтобы люди не путались, а блюдо «Осама букин из кабукос» вызовет непонимание, они называют еду привычным для

россиянина образом. Борщ – это понятно. А «Патася ла флере», уж извини, если плохо запомнила, нет. Ингредиенты в нем все, какие нужны именно для нас.

– Полдник! – возвестил муж. – Блинчики со сметаной и ягодами. На ужин «Рагу из кролика с рисом». Перед сном взбитый кефир с хрустящими хлебцами. Мне такая диета нравится. А у тебя что?

Я вынула из упаковки литровую бутылку с делениями и прочитала сопроводительную записку. «Отвар оздоравляюще-омолаживающе-обезжирительный. Каждый час отпивать по делению». Все.

– Все? – не поверила Рина. – У Вани полный дастархан, а у тебя фигня зеленая?

– Воинов сказал, что у Танюши сплошь синий жир, – деловито объяснил муж, открывая один контейнер, – наверное, он растворяется зеленой фигней. М-м-м! Вкусно как! М-м-м!

– У вас еще вода есть, – сообщила Ирина Леонидовна, заглядывая в коробки, – у Вани три литра, у Танюши емкость на стакан. И что написано? «Запрещено употреблять любые напитки, о которых не упомянул врач. Пейте только нашу живую воду. Способ приготовления... О! Водичку надо самим делать. Да тут полно всяких бутылочек! Ваня! Иди сюда.

– Прости, – ответил муж, – я занят, завтракаю.

– Сами разберемся, – возбудилась Рина. – Похоже, это совсем просто. Нужно четыре стакана. Очень интересно! Никогда не делала ничего подобного. Компоты, кисели, чай, кофе – это пожалуйста, но я люблю узнавать что-то новенькое. Тань, набирай в кастрюлю воду из фильтра.

Я поспешила выполнить приказ.

– Влейте в воду двести миллилитров закачателя здоровья из белой емкости, – громко читала свекровь. – Танюша, давай!

Я схватила указанную тару, наполнила мерную кружку и опрокинула ее в кастрюлю.

– Три столовые ложки из синего пузырька, восемь чайных из зеленого, – диктовала Рина, – двенадцать из красного.

Я бегала по кухне с разными ложками, металась между разноцветными бутылками.

– В итоге у вас получилась красная вода, – огласила Рина.

– Фиолетовая, – возразила я.

Рина заглянула в кастрюлю.

– Просто здесь не очень яркий свет. Поставь на окно.

– Теперь синий, – констатировала я.

– Бордовый, – заспорила мать мужа, – но мы не активировали

содержимое. Тут написано: «питье примет приятный цвет, обретет изысканный вкус малины со свежим огурцом. Когда для завершения созревания подготовленной воды вы опустите в нее активатор, который приложен к воде для активации и является необходимым для активации воды, включите его в сеть, дождитесь завершения бурления воды, которое вызвал активатор воды. Если...» Ага, вот это, наверное, именно он.

Ирина Леонидовна протянула мне нечто похожее на пластмассовую ложку со шнуром.

– Держи, запихивай в кастрюлю, нажимай на кнопку.

Из зоны столовой раздался вопль.

– Го-о-ол!

Иван, съев вкусный завтрак, включил телевизор. Кто бы мне объяснил, почему муж любит врубать звук на полную мощь, и по какой причине надо радоваться тому, что мяч влетел в ворота? Лично я в этом случае солидарна со стариком Хоттабычем, который, сидя на трибуне, недоумевал: «Почему не дать каждому человеку на поле по мячу?»

– Тань! Запихивай фигню в розетку, – поторопила меня Рина.

– Надо дочитать руководство до конца, – предусмотрительно заметила я.

– И так все ясно! – отмахнулась свекровь. – Написано: «Воткните в сеть».

– Еще что-то было, – возразила я, – про бурление. «Если...» Ты на этом слове остановилась А что «если»?

– Ой, не занудничай, – отмахнулась Рина, – в любой инструкции есть масса ерунды. Приложат к расческе книжечку толщиной со справочник лекарств. Сто страниц «про нашу компанию», следующие две страницы рекламы своей продукции, а потом «Эксплуатация: возьмите гребешок и причешитесь». Смех, да и только. Недавно я видела в хозяйственном магазине «Руководство по использованию хлебницы». Время идет, вам на работу пора, у меня тоже дел тьма. Запихосывай вилку в розетку.

Я взяла штепсель. Ирина Леонидовна – интеллигентный человек, она много читает, говорит правильным русским языком, не употребляет ненормативную лексику. Но иногда из ее уст вылетают странные словечки вроде «запихосывай».

Я улыбнулась и сунула два блестящих штырька в дырочки розетки. Рина заглянула в кастрюлю.

– И? Где обещанное бурление?

– Пока его нет, – вздохнула я, – может, все-таки изучить инструкцию до конца?

— «Если не происходит мощного пузыреобразования, — зачастила Рина, — содержимое не кипит, и вы правильно отмерили необходимые ингредиенты, не перепутали их последовательность и количество активаторов, то...»

Рина рассмеялась и посмотрела на меня.

— Так, ежу понятно! В доме есть коза, которая все не так налила! Дальше читать не стоит. О! Жидкость меняет цвет!

Мы со свекровью одновременно наклонились над кастрюлей и убедились, что содержимое стало похоже на радугу.

— Красота, — восхитилась Ирина Леонидовна, — даже пить жалко и...

Договорить свекровь не успела. В кухню с громким воплем:

— Мяу-у-у, — влетел Альберт Кузьмич.

За котом бодрым аллюром неслись французские бульдожки, разбойники Мози и Роки. Еще недавно мы с Риной называли их кабачками. Щенята удивительно походили на этот овощ — гладенькие, крепенькие, округлые. Но теперь они выросли и скорее стали похожи на дыни-торпеды.

— А ну перестаньте, — велела я, — устроили гонку! Сейчас Альберт Кузьмич рассердится и наподдаст вам со всем своим кошачьим милосердием.

— Мальчики сегодня разошлись! — воскликнула Надежда, тоже возникшая в кухне.

Домработница несла пакет с рисом, она явно побывала в кладовке.

— Гол! — закричал Иван. — Ну, молодцы!

Альберт Кузьмич легко вспрыгнул на рабочую поверхность стола.

Рина закатила глаза.

— Трибуны не только ревут, но и шипят!

— И булькают, — удивилась Надя, — странный какой звук. О! О! О! Гляньте!

Мы со свекровью одновременно обернулись. Я увидела, как из кастрюли с активатором медленно выползает разноцветное облако, похожее на мыльную пену, оно переливается, как дорогой перламутр.

— Ух ты! — восхитилась Рина и протянула руку.

— Не трогай! — почему-то испугалась я.

Лучший способ заставить мою свекровь что-то сделать, это запретить ей это делать. Ирина Леонидовна незамедлительно схватила рукой скопление пузырьков. Раздался оглушительный взрыв. Я мигом оглохла, а вот зрение не потеряла, поэтому хорошо видела, как мне прямо в лицо поднимается пол и, когда шлепнулась на плитку, с запозданием сообразила: пол не двигался, это я падала.

Глава 15

Вчера я упала с высоты своего роста на спину в доме Сиракузова. Сегодня рухнула на пол дома. Но ощущения были похожи. Какие они? Да ничего приятного!

Я оперлась на руки и приподнялась. В ту же секунду прямо перед моим носом плюхнулась и перевернулась кастрюля, в которой мы с Риной разводили воду. Ее содержимое разлилось вокруг, теперь оно было кроваво-красного цвета. К «озеру» подполз на животе Роки и начал судорожно из него хлебать.

– Отойди немедленно, – почему-то шепотом попросила я.

Но, похоже, водица оказалась вкусна без меры, Роки никак не мог от нее оторваться.

Еще через секунду я узрела Мози, который быстро подбирал с пола зерна риса.

– Таня, – простонала сбоку Рина, – голова...

Я встала и посмотрела налево. Там у подоконника стояла Надежда, к груди она прижимала обрывки пакета.

– Вот почему вокруг рис! – обрадовалась я. – Он просто высыпался! А где Ирина Леонидовна? Голос слышу, а ее не вижу.

Домработница молча показала направо.

Я повернулась и увидела свекровь, которая сидела около холодильника.

– Такое ощущение, что мне на башку нацепили меховую шапку, горячую и очень тяжелую, – пожаловалась мать Ивана, – прямо шея подкашивается.

– Альберт Кузьмич! – закричала Надежда, бросилась к хозяйке и сняла с ее макушки ошалевшего кота. – Милый, как ты себя чувствуешь?

– Прекрасно, – ответила вместо кота Рина, – голова теперь как новая!

– Мальчик мой родной, – восхитилась Бровкина, – хорошо, что у тебя голова теперь как новая. О! А! О! А! Вы слышали? Вы слышали?

– Что? – уточнила я.

– Взрыв? – задала вопрос Ирина Леонидовна. – Кем надо быть, чтобы не услышать бум? Кстати, что взлетело на воздух?

– Кастрюля, где вы воду бодяжили, но не о ней речь, – закричала Надежда. – Я про кота! Я про кота! Вы слышали? Взрыв – пустяк! Вы слышали? Я про кота!

– А что с ним? – поинтересовалась Рина. – Объясни толком, перестань твердить одно и то же, как заезженная пластинка.

– Я спросила у Альберта Кузьмича про его самочувствие, а он словами ответил: «Прекрасно, голова теперь как новая», – объяснила Бровкина. – Я давно думала: какой голос будет у котика, если он захочет со мной по-человечески поболтать? Решила – бас густой! Но Альберт Кузьмич запищал, как мышь в обмороке! О! А! Он заговорил! Он говорит по-человечески!

Надежда прижала к себе кота и унеслась из кухни, целуя на ходу его морду!

– Вообще-то про голову сказала я, – захихикала Рина, вставая.

– Теперь Надежда будет думать, что кот обрел дар выражать мысли словами, – развеселилась я. – Интересно, почему произошел взрыв?

– Потому что кто-то перепутал склянки, – вмиг перевела на меня стрелки Рина, – я просто читала инструкцию.

– Может, кто-то прочел вслух что-то неверно? – пробормотала я. – Мози съел весь рис, который высыпался из разорванного пакета! А Роки, похоже, выпил разлитую лужу.

– Ерунда, – рассмеялась Рина, – от воды и риса им дурно не станет.

– Она не вареная, – уточнила я, – в смысле, крупа.

– Мози предпочитает здоровый образ жизни. Сейчас везде пишут: сырое – жизнь, отварное – смерть, – отмахнулась Рина. – Тань, ты выпила из бутылочки, которую тебе диетолог прислал?

– Нет, – ответила я. – Где она?

– Ты оставила ее в столовой, – вспомнила свекровь.

Мы вышли из зоны кухни, и я услышала голос комментатора:

– Вот такой футбол нам нужен! И никакой другой!

– Ваня, где Танина бутылка? – спросила Рина.

Иван Никифорович сидел молча, не отрывая глаз от экрана. Ирина Леонидовна потрясла сына за плечо. Он вздрогнул.

– Где? Кто звонит? Который час? Какое нынче число?

– Извини, дорогой, – смущилась мать, – ты, наверное, очень испугался!

– Я? Почему? – изумился мой супруг.

– Бум! – заорала Рина. – Я прямо оглохла, правда, на короткое время, и онемела.

Я подавила смешок. Ирина Леонидовна может ненадолго потерять слух. В это я верю. Но вот дара речи она никогда не лишится.

– Бум? – повторил Иван. – Это кто? Чья фамилия? Он меня разыскивает? Где телефон?

– Бум – звук взрыва, – успокоила я мужа, – очень громкий. Ирина Леонидовна полагает, что он тебя напугал!

– Взрыв? – с изумлением задал вопрос Иван. – Нельзя его бояться. От страха ничего конструктивного не рождается. Надо сохранять разум, упасть ногами к зоне детонации, а когда перестанут сыпаться осколки и обломки, отползти подальше и смыться из опасного места. Взрыв? Где он произошел? Почему я не знаю? Танюша, из офиса звонили? У нас ЧП?

А вот и ответ на заданный Риной вопрос: «Кем надо быть, чтобы не услышать взрыва?» Иваном Никифоровичем, который смотрит футбол.

Понимая, что сейчас буду смеяться без удержу, я оставила Ирину Леонидовну объяснять сыну, что произошло на кухне, и поспешила в гардеробную. Надо одеться и ехать к Марине Комиссаровой, бывшей секретарше Сиракузова.

Я потянулась к черному джемперу и такого же цвета брюкам. Понятия не имею, как выглядит корреспондент глянцевого журнала, а если не знаешь, как одеться, натягивай вещи цвета «свежий уголь», никто не придерется. И стройнит вдобавок.

Дверь распахнулась, на пороге возникла Рина с кастрюлей в руках.

– Полюбуйся, что это? – закричала она и сунула мне под нос емкость. – Я решила выпить во флягу активированную воду, которой немного на дне осталось. И? И? И? Как это называть?

Я почесала переносицу:

– Ну… твердые отходы жизнедеятельности биологического организма. Фекалии.

– Чья какашка? – спросила Рина. – Как она здесь очутилась? Таня?

– Я точно ни при чем, – принялась зачем-то оправдываться я, – умею пользоваться унитазом.

– О тебе и речи нет, – отмахнулась свекровь. – Мози или Роки! Кто из них?

– Зачем нам в этом разбираться? – Я попыталась приглушить энергию Рины. – Дело сделано. Печати на гуано нет. Хорошо помню, когда мы в кастрюлю воду налили, она была чистой. Бульдожки носятся по квартире, как буйволы, могут взлететь на диван, на кровать. Но на разделочный столик им слабо вскочить! О! Я видела, как туда легко запрыгнул Альберт Кузьмич! Незадолго до того, как кастрюля превратилась в динамит. Удивительно, что она не пострадала!

– Так не современное производство! – объяснила Рина. – Я купила ее в семидесятых годах в городке Уржамас. Мы туда поехали на лето к моей родственнице. В Москве был один алюминий на полках. А там вот эти

кастрюльки всех размеров. Тетка очень советовала полный набор приобрести, шептала мне: «Выдам гостайну! Я работаю на военном заводе бухгалтером. Танки делаем. Тут неподалеку находится наше производство. Посуду производит бытовой цех. Остается металл, не выбрасывать же его, вот и клепаем утятницы, супницы, ковши. Сносу им нет! Вечные! Бери! Плохого я не посоветую». И не обманула! Много лет прошло, вся утварь погнулась, поломалась, прогорела, хваленые тефлоновые сковородки в прах рассыпались. А танковые горшки как вчера родились! Значит, кот! Ну-ну! Сейчас мы с ним побеседуем. Интересно, что он имел в виду, когда использовал кастрюлю в качестве лотка?!

Рина исчезла за дверью, я начала одеваться, слушая голос свекрови.

– Альберт Кузьмич, любезный друг! Если вы не заняты, уделите-ка мне минутку вашего драгоценного времени. Сэр! За каким, простите, бесом, вы в кастрюлю насрали?

Глава 16

– Да, я самая красивая, – гордо заявила Марина и скосила глаза на большое зеркало, висевшее на стене.

Мне приходится посещать разные дома. Я видела всякие квартиры – нищие и роскошные, идеально чистые и запредельно грязные, большие, маленькие, уютные и смахивающие на номера отелей. В некоторых я чувствовала себя как дома, в других еле-еле могла дождаться возможности сбежать. Но мне пока не попадались апартаменты с таким количеством зеркал. В крохотной прихожей, где с трудом можно повернуться, была зеркальная стена. Я подумала, что с помощью такого дизайна хозяйка решила зрительно увеличить помещение. Специалисты по интерьеру советуют «раздвинуть» кубатуру, используя зеркала. Но потом я очутилась в комнате, и там, где только можно, висели-стояли зеркала разных размеров. Марина села в кресло и, постоянно пялясь в них, то и дело поправляя завитые штопором локоны, заговорила со мной. Девушка не могла оторвать глаз от себя прекрасной.

– Я мисс Подросток, – заявила Комиссарова, – таких, как я, больше нет. Настоящая красота уникальна. Конечно, приходится тратить деньги на поддержание статуса. Каждый день новая прическа! Цвет лака! Одежда! Аксессуары! Драгоценности. Моя красота требует достойного обрамления.

Я окинула взглядом едва ли пятнадцатиметровую комнату с мебелью тридцатилетней давности. Обстановка кричала о том, что у хозяйки нет больших средств. Правда, на вешалке у нее висит новая норковая шубка, а на пальце сверкает колечко с бриллиантом. Но доха не очень дорогая, и что-то мне подсказывает, что в оправе фианит, который прикидывается бриллиантом. Надо отдать должное Марине, она заметила, что я изучаю интерьер, и живо отреагировала:

– Я безумно устаю от журналистов. Они постоянно звонят, выпрашивают интервью. Высокая цена, которую мой директор просит за беседу, их не смущает. Вы же в курсе, сколько стоит общение со мной?

Я кивнула:

– Да. Десять тысяч рублей.

– Положите на стол, – обрадовалась девица и захлопала длинными, толщиной со спичку ресницами, которые явно обрела не при рождении. – Убогое место, где мы находимся, снято для встреч с корреспондентами. Вы же не ждали, что вас пригласят в мой трехэтажный особняк на Рублевке? Я

тщательно оберегаю свою личную жизнь от репортеров. Могу рассказать о том, как проходит день самой красивой девушки России. Я встаю в полдень. Горничная приносит завтрак...

Я молча слушала Марину, и чем больше та врала, тем сильнее я ее жалела. Комиссаровой до слез хочется добиться богатства, славы, успеха, а у нее только маленькая квартира на окраине Москвы да призовое место в конкурсе красоты для подростков. Соревнования красивых девушек весьма популярны, сейчас почти каждый населенный пункт их устраивает. А в Москве их проводят несколько раз в неделю. Выбирают самую прекрасную спортсменку, журналистку, учительницу, бухгалтершу, библиотекаршу, на многих предприятиях и в учреждениях есть свои «мисс», королевы местного масштаба. Подавляющее большинство этих милых женщин понимает: звание «Самые прекрасные глаза нашего ремонтного участка номер сто восемьдесят восемь» не откроет перед ними дверь в страну счастья. Приятно, когда тебя считают хорошенькой, но лучше иметь семью, образование, воспитание, престижную профессию.

– А сейчас я расскажу о коллекции моих бриллиантов, – заявила Марина. – Хотите посмотреть фото?

Я решила, что пора переходить к интересующей меня теме, и изобразила восторг.

– О! Колье-диадемы?!

– Да, – промурлыкала Марина, – мужчины стремятся меня завоевать. Каждый мечтает иметь жену красавицу с титулом. Брюлики, конечно, хранятся в банке, но у меня есть их снимки.

– Говорят, из-за вас случаются дуэли, – вкрадчиво прошептала я.

Марина с придыханием ответила:

– О! Да!

– Расскажете, как из-за вас дерутся олигархи?

– Кто именно? – кокетливо пропела собеседница. – Вокруг меня только элита бизнеса!

– Например, Владимир Сиракузов, – сказала я. – Вроде вы у него работали.

– Аха-ха, – фальшиво рассмеялась хозяйка, – мне не надо ишачить в офисе за зарплату, на которую котенка не прокормишь. Зачем ходить на службу? Я получаю все, что хочу, от мужчин. Они в очередь ко мне стоят. Сиракузов! Нищеброд! Импотент! Идиот! Мне он и на секунду не нужен. Не имею дел с теми, у кого нет яхты!

– Одна птичка мне прочирикала, что вы служили у Владимира Петровича секретарем, – сообщила я.

– Владимир Петрович! – скривилась моя собеседница. – Вовка мне телефон оборвал. Впервые я встретилась с этим дураком на собрании общества «Сто лучших людей Москвы». Я была украшением мероприятия, он распоследним, никому не нужным участником. И, между прочим, сейчас я состою в отношениях. Вот!

Девица протянула руку.

– Видите кольцо. Бриллиант в нем уникальный. На вешалке шуба. Тоже от него. Он так богат! Еще купил мне дом в Париже! Машину!

Мне стало смешно. Все надо умело делать, даже врать. Кольцо не особенно дорогое, манто легко может купить работающая дама. Если называешь Сиракузова нищим, а потом говоришь, что он был участником встречи «Сто лучших людей Москвы», то второе исключает первое: или Владимир бедняк, или он в сотне первых жителей столицы. Я решила загнать лгунью в угол и сочинила:

– Вы сидели в его приемной. В интернете есть запись, как вы готовите кофе начальнику.

– Вот гаденыш! – возмутилась Комиссарова.

– Кто? – осведомилась я.

– Борька, начальник охраны, – сердито сказала Марина, – клялся, что в приемной камер нет, подонок. А потом правда вылезла. Да, одно время я считалась личным спичкарайдером Сиракузова.

Я прикусила губу. «Спичкарайдер», это, наверное, спичрайтер, человек, который пишет тексты выступлений высокопоставленным лицам.

– Он так умолял меня, плакал, обещал мне миллион платить. Ха! Нашел, чем удивить! – продолжала хозяйка халупы. – А то я «лимиона» никогда в руках не держала! Да мне и в десять месячные расходы не уложить. Я просто пожалела мужика, согласилась временно посидеть у двери его кабинета. Пока он подберет подходящую сотрудницу. Это была не работа, а дружеская услуга.

– А потом один сенатор приревновал к вам Сиракузова, поэтому вылил на капот его машины ведро с э... содержимым унитаза, – заговорщики прошептала я.

На сей раз Марина рассмеялась искренне:

– Ой! Вот был прикол!

– Согласна, – кивнула я, – жаль, подробности неизвестны, мы бы их опубликовали, за гонорар, конечно. За бесплатно только тараканы бегают.

– И сколько вы заплатите тому, кто всю правду выложит? – полюбопытствовала Марина.

– Ваша цена? – прямо спросила я.

Следующие десять минут мы самозабвенно торговались, в конце концов ударили по рукам, и Марина с горящими глазами спросила:

– Когда вы напечатаете мой рассказ про Сиракузова?

– Все запишу, оформлю статью, сдам редактору, а там уж все не от меня зависит! – вывернулась я.

– Твой начальник от восторга описается! – захлопала в ладоши Комиссарова, решив более не церемониться с журналисткой.

Через пару часов я села в машину и позвонила Коробкову.

– Пообщалась с «мисской»? – спросил он. – Есть конфетка, мармеладка или на худой конец сухарик?

– Из моря вранья мне удалось вытащить вкусную сардинку, – сообщила я, – запись беседы я отправила тебе на почту. Послушай. Я скоро вернусь.

– Хорошо, – ответил Димон.

Глава 17

– Я думал, такие фифы только в юмористических программах существуют, – сказал Филипп, – прямо карикатура!

– Акриловые ногти длиной сантиметров пять, – улыбнулась я, – жеманные позы, закатывание глаз и вранье о своих невиданных богатствах. Похоже, сейчас у нее есть любовник. Он купил Комиссаровой шубку и колечко с камнем, который выглядит как бриллиант, но, думаю, это фианит. Жалко мне ее.

– Что в сухом остатке? – поинтересовалась Вера.

– Марина работала секретарем Сиракузова, – начала я, – она меня уверяла, что Владимир к ней приставал, звал в рестораны, в отель, предлагал провести отпуск на своей яхте...

– У него нет яхты, – перебил меня Димон.

– Почему-то я сразу так и подумала, – сказала я, – не стану пересказывать фантазии Комиссаровой, кому интересно, пусть послушает запись. Но вот ее история про машину и ведро деръма очень похожа на правду. Это произошло в понедельник. Комиссарова опоздала на работу, вернее, она сознательно задержалась, знала, что шеф в первый день недели раньше полудня не приходит. Чтобы прослыть прилежным работником, надо появляться в офисе на десять минут раньше босса, а уходить через пять секунд после того, как его автомобиль покинул парковку. Марина соблюдала правила, поэтому в понедельник всегда сладко спала до девяти. Но в тот день ей не повезло.

Когда Комиссарова подошла ко входу в здание, она увидела иномарку Сиракузова и приуныла. Отношения с Владимиром Петровичем не складывались. Босс до сих пор ни разу не поужинал с ней в ресторане. Вечером он всегда спешил домой, иногда, правда, звонил своей жене, старой уродине, и спрашивал:

– Дорогая, может, сходим в трактир?

Порой, очень редко, Лариса сама заезжала в офис, она вела себя с секретаршей безукоризненно вежливо, с улыбкой здоровалась. Жена босса вызывала у Марины жгучую зависть. Рассказывая о Ларисе, Комиссарова желчно описывала ее внешность.

– Отцевала вишня, поклевали ее дятлы. Не помогают бабке брюлики в ушах, сумка от Диор и туфли Гуччи. Нацепила платье от Дольче Габанна, а оно на ней сидит как грешка на чайнике.

Не надо быть психологом, чтобы смекнуть, какие чувства обуревали Марину. Один раз она от души посплетничала с Катей Ягниной, помощницей Георгия, заместителя Владимира Петровича. Это она шепнула Марине, что Сиракузов ищет секретаря. Катерина помогла подружке составить резюме, договорилась со своим начальником, а заодно и любовником, и он позвонил менеджеру отдела персонала со словами:

– Комиссарова прекрасный специалист, возьмите ее на службу.

Красавица считала Ягнину своей лучшей подружкой. Когда новая секретарша впервые увидела супругу шефа, она, ехидно хихикая, выложила Кате свое мнение о внешности Ларисы, ее шмотках, обуви, сумке... Вскоре после этого завсекретариатом вызвала красотку к себе и сказала:

– Посмеешь еще раз оборжать Ларису Николаевну, вылетишь вон. Мне сплетницы не нужны.

И кто мог растрепать мерзкой бабе про беседу Марины с Катей? Третьего на скамейке не было, они болтали в парке. Ясное дело, Катька-стукачка. Вот тебе и подруга!

В понедельник, когда Владимир неожиданно изменил своей привычке и появился на работе раньше, Марина сначала приуныла, но потом решила сказать, что бегала в буфет за кофе, а на самом деле давным-давно на месте, она направилась к входной двери, и вдруг... К автомобилю Сиракузова приблизилась женщина. Сколько ей лет и какая у нее внешность, Марина не знает. На незнакомке была длинная черная ветровка с капюшоном, который скрывал ее лицо. Комиссарову не удивил наряд, потому что сеял мелкий дождик. Тетка несла пластиковое ведро, прикрытое белой крышкой. Не дойдя до входа в офис, она остановилась, поставила ношу на тротуар, открыла ее, подняла и опрокинула на капот машины Сиракузова.

В нос Марине ударил омерзительный запах. Секретарша сообразила, что именно хлынуло на тачку босса, и пришла в неистовый восторг. Вот это фишка! То-то будет Владимиру удовольствие.

Хулиганка взяла ведро, она явно намеревалась ушмыгнуть, и тут из дома выскоцил охранник. Комиссарова была раздосадована. Спасибо, дорогая, что изгадила иномарку, но нельзя же быть такой дурой! Не догадаться, что в здании сидят секьюрити, а на парковке есть камеры!

– Пошел вон! – завопила безобразница, которую парень в черной форме крепко держал за плечи.

Из дверей вылетели еще двое мужчин, они схватили вопящую бабу под локотки и унесли внутрь.

Комиссарова в полном восторге поднялась на свой этаж и села у двери

кабинета шефа. Не успела она расположиться за столом, как появился начальник охраны Борис Евгеньевич. Обычно он любил пошутить, прежде чем войти к Сиракузову, непременно рассказывал Марине анекдот. Комиссарова понимала, что она нравится Бокову, да только красавица не желала иметь дела с бывшим полицейским. Фу! Это негламурно! Нищий мужик на окладе Марине совсем не нужен! Ее уровень – олигарх с яхтой, домом в Италии, личным самолетом. Марина была всегда строга с Борисом. Вот и сейчас она сдвинула брови и уставилась в монитор, ожидая услышать: «Ути, какие мы серьезные! Царевна Несмеяна, глянь на Ивана-дурака. Он конфеты принес!» Комиссарова уже приготовилась сердито ответить: «В сотый раз повторяю: я не ем российский дешевый шоколад! Только швейцарский, не в Москве купленный». Но, похоже, сегодня все решили изменить своим привычкам. Борис промчался в кабинет, не обратив на Марину ни малейшего внимания. Ей стало нестерпимо любопытно, по какой причине Боков, всегда спокойный, как беременный удав, сейчас так взбудоражен?

Догадайтесь, как поступила мисс Подросток? Она открыла первую дверь в кабинет шефа, оказалась перед второй, присела и приложила ухо к замочной скважине.

В век электронных систем прослушки люди начисто забывают о примитивных средствах выяснения скрытой от посторонних информации. Приемную и рабочий кабинет Сиракузова техотдел регулярно проверял на наличие жучков. А вот про дырку, куда давным-давно никто не вставлял ключ, молодые компьютерщики даже не подумали. Они никогда не жили в коммуналках, не видели холодильников с замками на дверцах, не засовывали в скважину двери своей комнаты карандаш, чтобы попасть его острым концом прямо в любопытный глаз соседки, которая из коридора в чужое жилье пялится. А Мариночка до окончания школы ютилась вместе с мамой в коммуналке. Она-то хорошо знала, как подсматривать и подслушивать. И первое же слово, которое долетело до уха секретарши, ее ошеломило.

- Умерла? – спросил Сиракузов. – Это как?
- Упала, и тряпинец, – высказался Боков, – босс, ее просто принесли.
- Принесли?
- Она идти не хотела. Орала. Кусалась! Аккуратно парни сработали.
- Знаю вас! Помню скандал с Гулькиным.
- Он просто упал. Поскользнулся.
- Ну да!
- Василий жив.

– Хватит! Врача вызвали?

– Нет!

– Почему?

– Она умерла.

– Борис!!!

– Чего? Я не мог никуда звонить, пока вам не доложу.

– Кто она?

– На плече у нее сумка висела. Там паспорт. Вот.

– А!

– Вы ее знаете?

– Нет, – слишком быстро ответил шеф.

Марина мигом поняла: он лжет.

– Что баба говорила, вспоминай детально, – потребовал Сиракузов.

– Чушь несла. Она мстит вам за убийство.

– Так.

– Сорок лет назад вроде или больше вы кого-то убили. Того! Тю-тю.

– Боря, знаешь сколько мне лет?

– Конечно.

– Мог я сорок лет назад кого-то пристрелить?

– Она про пистолет не говорила.

– Задушить? Утопить? Из окна выбросить?

– Нет.

– Почему?

– Ну... вы маленький еще были. Ребенок. Эта баба сумасшедшая.

– Похоже на то. Так. Паспорт оставь. Я решу проблему.

– Зачем вам ее документ?

– Ступай к себе! И притащи ее сумку. У тебя не кабинет, а проходной двор. Еще пропадет!

– Понял. Но я все запер. Там труп... Юра и Андрей снаружи караулят.

– Черт! Наверное, уже все в курсе! Языками про смерть дуры треплют.

– Нет. Я один знаю, что она откинулась.

– Плохо в это верится.

– Ее принесли, она орала! Павел и Леха пошли за аптечкой, – стал объяснять Борис, – бабень вопит! Парни притащили валерьянку, я ей накапал, говорю: «Выпейте». Тетка вдруг спокойно сказала: «Хорошо. Поможете мне?» Понятное дело, я обрадовался, что она скандалить перестала. Полицию-то звать неохота. Решил мирно скандал затоптать. Подумал, сейчас узнаю имя, фамилию. Чаю ей налью, родственникам осторожно позвоню. Похоже, она ку-ку совсем. Приедут за ней, увезут.

Павлу и Алексею велел ваш автомобиль на мойку гнать. А баба на Андрея и Юрку показала, только они в кабинете остались.

– При них рта не открою.

Ну я парней и выставил вон.

– Так. Дальше что?

– Она начала: «Мой муж...»

И глаза закатила, упала. Хорошо, что на диване сидела, просто обвалилась на сиденье. Я давай ее трясти... Ну вы же знаете мою биографию, я навидался смертей, меня не удивить... жмуриком. Вмиг дотумкал: халас! Так арабы говорят. «Халас!» В переводе – конец.

– И как ты поступил?

– Запер кабинет, вот он, ключ, при мне. Вышел в коридор, Андрей и Юра там стоят поодаль. Велел им: «За дверью присматривайте, но часовых у Мавзолея из себя не изображайте. У окна стойте, будто просто болтаете. Баба спит. Пойду Владимиру Петровичу доложу». Вот так.

Глава 18

Я замолчала.

— Интересно, — заметил Ершов, — можно, конечно, посчитать хулиганку психически больной. Бывают люди, способные причинить вред постороннему человеку. Яркий пример: скандалист в общественном транспорте, магазине. Его случайно кто-то задел, толкнул не нарочно, а он взрывается волной матерных слов, иногда затевает драку. Еще душевнобольные могут пойти на хитрость, способны маниакально долго разрабатывать план мести близким людям. Скажешь такому в январе: «Помой руки, домой вернулся, ты же в метро ехал, а сейчас ребенка по голове гладишь грязной ладонью». Родственник молча выполнит твою просьбу, обиженным не кажется. Ты сразу забыл про свое замечание. А в августе вдруг обнаружишь свою одежду в шкафу ножницами в лохмотья изрезанной и услышишь от этого члена семьи:

— Нечего людям замечания о грязных руках делать. Они у меня всегда чистые. Вот твое шмотье вонючее и рваное, его выкинуть пора.

Знаю много разных ситуаций, но в моей обширной практике я не сталкивался с больным человеком, который нес бы ведро с дертьмом, чтобы вылить его на автомобиль совершенно незнакомого человека. Повторяю. Тех, кто дрался с прохожими, я встречал. Тех, кто долго готовился изощренно отомстить близким, тоже. Но с теми, кто тщательно планировал сделать гадость посторонним, не сталкивался. Я говорю не о террористах, которые взрывают поезда или самолеты. Если проанализировать разговор в кабинете Владимира, можно сделать вывод: Сиракузов определенно знал хулиганку. Нам надо просто выяснить ее имя. Мы хотели найти того, кто по какой-то причине ненавидел бизнесмена? Вот, пожалуйста, достойная кандидатура.

— Логично, — согласилась я, — одна проблема: женщина умерла. Интересно, чем ей Владимир насолил?

— Может, он тоже псих? — предположила Вера. — Они познакомились в дурдоме!

— Мы уже говорили, что Сиракузов рос в необычной семье, — вступил в беседу Федор, — мамаша — помесь гадалки с доморощенным психологом и, если вспомнить историю с квартирой, весьма предпримчивая особа. Отец — шофер, увлекался оккультизмом, выдавал себя за профессора. В доме было много книг по магии и колдовству. И что могло привидеться в горячке

юноше, которого вырастили в такой обстановке? Понятно, почему он с Мефистофелем общался. Но Вова давно вырос, бизнес поднял. А для этого необходим трезвый ум, логика, умение просчитывать свои действия. С трудом могу представить шизофреника руководителем большой фирмы.

– Они встречаются, – возразил Михаил Юрьевич. – Фармакология далеко шагнула вперед, если человек регулярно пьет лекарства, то тебе и в голову не придет, что он психически болен.

– Владимир нормальный! – уперся Миркин. – Дима, ты его историю болезни видел!

– В ней нет ни слова о нарушениях психики, – подтвердил Коробков.

– Это ничего не значит, – стоял на своем Ершов, – некоторые люди лечатся тайно. В клинике он посещал разных специалистов открыто, а к тому, кто его в рамках удерживал, в другое место ездил, и там его не регистрировали.

– Вспомните, с чем Сиракузов к нам пришел? – прервала я спор. – С просьбой найти того, кто решил или напугать его, или по-идиотски посмеяться над ним. Объяснил спокойно: раньше верил в нечисть, но потом повзрослел, поумнел и понял, что в день встречи с дьяволом просто бредил из-за температуры. Лично мне он сумасшедшим не показался. Версию Веры про встречу Сиракузова с хулиганкой в психиатрической клинике считаю неперспективной. Человек, который затеял этот спектакль, явно из круга знакомых Владимира. Он знал про ту давнюю историю с появлением сатаны и решил использовать ее в своих целях.

– Каких? – поинтересовался Димон.

– Не знаю, – честно ответила я, – мы уже такой разговор вели, мотив пока непонятен. Но теперь появилась ниточка. Женщина с ведром фекалий.

– Как появилась, так и оборвалась, – констатировал Федор, – она же умерла. И неизвестны ее паспортные данные. У Сиракузова не спросишь, он в реанимации. Скорее всего, паспорт сожгли. Поэтому Владимир удостоверение личности и сумку бабы у Бокова потребовал, уничтожить их вознамерился.

– Думаю, Марина Комиссарова знает правду, – заметил Ершов.

Я взяла мобильный телефон и ткнула пальцем в нужный номер.

Сначала никто не отвечал, потом прорезался женский голос:

– Алло.

– Марина! – обрадовалась я, включая громкую связь. – У меня к вам пара вопросов.

– Вы кто? – спросила Комиссарова.

– Таня, журналист, я брала у вас интервью.

– Что вы хотите?

Марина казалась уставшей, голос у нее был глухой, но я не удивилась. Погода постоянно меняется, то снег, то дождь, то мороз, то оттепель. Декабрь месяц капризный. Возможно, у красавицы голова разболелась.

– Лучше нам поговорить с глазу на глаз. Естественно, я оплачу беседу.

– Назовите тему разговора.

– Это продолжение вашего интервью.

– Разверните вопрос.

Вот тут я вздрогнула.

– Марина, это вы?

– Нет.

– А кто? Почему отвечаете по сотовому Комиссаровой?

– Обнаглели журналисты, везде лезут, – гаркнули в ответ, и разговор прервался.

– Мда, – крякнул Михаил Юрьевич.

Димон застучал по клавишам.

– Так. Сводка происшествий для служебного пользования. Что-то мне подсказывает: милая дама, с которой Таня общалась, кто-то из тех... О! Лесосадовая улица. Аварийный ремонт канализации. В открытый люк упала женщина. Документов нет. В сумке найдена скидочная карта сети «Косметикус» на фамилию Комиссарова.

– Может, Марина кому-то ее дала? – пробормотала я.

– А заодно и свой телефон, по которому сейчас ответила сотрудница полиции, испытывающая классовую ненависть к папарацци? – прищурился Димон. – Сама-то в это веришь? Секундочку!

Коробков забарабанил пальцами по клавиатуре.

– Так! Тань, ты к Комиссаровой вовремя приехала?

– Да, – подтвердила я, – стараюсь не опаздывать.

– Сколько времени у нее провела?

– Два с половиной часа, но это приблизительно.

– Мне и не надо, как в аптеке, – отмахнулся Коробков, – все ясно.

Марина сегодня пользовалась мобильным два раза. В восемь утра и вскоре после ухода Тани.

– Кому она звонила? – спросила я.

– Сейчас, – пообещал Коробков, – сначала в круглосуточный ломбард на Крутицкой. Разговор длился пять минут. Затем разговаривала с Федотовым Константином Павловичем. Ну-ка, попробуем.

Я услышала механический женский голос:

– Аппарат абонента выключен или находится вне...

Димон повторил попытку, но результат был прежним.

– Эх, Константин Павлович, – пропел себе под нос Коробков, – глупо же выключать трубку. И что? Тебя легко найти. Эне-бене-раба! Квинтер финтер жаба! Где у нас господин Федотов! Какой у него адрес? Отлично! «Вот эта улица, вот этот дом, вот эта барышня, что я влюблен».

– Никогда не пой песни, – посоветовал Ершов.

– Вам не нравятся мелодии из старых советских фильмов? – удивился Коробков, не отрывая взгляда от монитора. – Это из «Юности Максима».

– Правильно, – согласился Ершов, – там была интересная история. Автор стихов написал «Крутится, вертится шарф голубой, крутится, вертится над головой». Он имел в виду модный в те далекие годы танец, во время которого девушка снимала шарфик, поднимала его и вращала рукой. А машинистка, перепечатывая стихи, сделала ошибку, у нее выпала буква «ф». Получилось «Крутится, вертится шар голубой». И никто не заметил, не спросил: «При чем тут шар? Где смысл?»

– Нет в песнях смысла, – заявил Федор.

– Тогда был, – возразил Ершов.

– Почему Коробкову нельзя петь? – спросила я.

– Да, по какой причине? – подхватил Димон, двигая мышку. – Когда я был школьником-студентом, этот фильм часто по телику показывали.

– По музыкальному репертуару легко вычислить, сколько тебе лет, – улыбнулся психолог.

– Экий секрет, – протянул наш великий и ужасный, – я человек без возраста!

– Ты отчаянно фальшивишь, – засмеялся Ершов.

– Опаньки! Нашел умный черепах Федотова Константина Павловича, – обрадовался Коробков. – Дом престарелых в городке Гольяновске, он находится неподалеку от столицы. Туда можно доехать от конечной станции метро за сорок минут на автобусе. Очень удобно. Название интерната поэтичное – «Сад здоровья». У руля там бессменно находится Марфа Сергеевна Неписайкина. Да только...

Димон умолк.

Глава 19

– Ну что? Продолжай, – поторопила я его.

– Федотов умер! – возвестил Коробков.

– Только не говори, что сегодня одновременно с Комиссаровой, – поморщился Федя.

– Константин Петрович благополучно отошел в мир иной давно, – уточнил Коробков, – в приют он попал после инсульта. Интересно, как он связан с Комиссаровой?

– Да никак, – отмахнулся Миркин, – кто-то купил «серую» симку. Вот и весь ответ.

Я посмотрела на часы.

– Дима, найди побольше информации про Наталью Ивановну. А я поеду по делам. Завтра в девять собираемся тут.

– Подожди, – попросил Коробков, – я твое задание уже выполнил.

Димон встал, подошел к доске, которая висела на стене, и взял фломастер.

– Напоминаю. Наталья Ивановна Сиракузова родилась в семье Савиных: Ивана Варфоломеевича и Ольги Сергеевны. Когда девочка перешла в выпускной класс, ее мать скончалась. Иван Варфоломеевич некоторое время жил бобылем, потом женился на Анне, которая взяла фамилию мужа. Второй супруге на момент похода в загс стукнуло сорок восемь. Иван был старше ее на год. Анна ранее в браке не состояла, детей не имела. Сейчас никого не удивляет дама, которая забеременела в том возрасте, когда положено внуков воспитывать. Недавно по телику тетку показывали, она в шестьдесят три года родила.

– С ума сошла! – возмутился Миркин. – Ей будет семьдесят с хвостом, а отпрыск в школу пойдет! Вот моя бабуля в шестьдесят пять не стала брать щенка, сказала: «Собаки живут лет четырнадцать. А если я раньше пуделька умру? Куда он денется?» Так это пес! И то бабушка его пожалела. А здесь ребенок!

– У тебя была очень ответственная бабуля, – сказал Ершов. – Царствие ей небесное.

– Эй-эй, чего это вы Нинель Митрофановну хороните, – возмутился Федя, – она жива-здорова.

– Сколько ей лет? – удивился Михаил Юрьевич.

– Девяносто девять, скоро юбилей, – похвастался Миркин.

– Ну так она могла в шестьдесят пять ораву собак завести, – заявил Димон. – Не перебивайте меня ненужными замечаниями. Вторая дочь Ивана от Анны появилась на свет, когда оба родителя уже задули по пятьдесят свечей на торте. Анастасия очень рано выскочила замуж, уехала с лейтенантом Лейкиным на край географии. Быстро развелась, получила диплом медсестры, работала в разных местах. В тридцать с небольшим она возвратилась в Москву и, битте-дритте, звучит гимн Мендельсона...

– Марш, – поправил Ершов.

– Да какая разница, – отмахнулся Коробков, – Лейкина становится женой Владимира Сиракузова. И все это затевалось ради получения от государства еще одной бесплатной квартиры. После завершения аферы пара разводится. Лейкина исчезает, где она, что с ней? Никаких сведений. Потом она вдруг выплывает из мрака, приобретает квартиру, пытается заниматься бизнесом, продает жилье. И снова как сквозь землю проваливается. Понимаете, к чему я клоню?

– Учитывая, что бывшие супруги редко сохраняют хорошие отношения, ты предположил, что богиня мести с ведром деръма – Лейкина, – догадался Миркин.

Димон пожал плечами:

– Почему нет?

– Она намного старше Владимира, – напомнила я.

– И что? – засмеялся Коробков. – Сиракузову девяносто?

– Нет, – вздохнула я.

– И не восемьдесят, и не семьдесят, и не шестьдесят, и не пятьдесят, – нараспев произнес Димон, – хотя ведрышко с какашками кое-кто способен и в девяносто унести.

– Бесполезно гадать, – остановил нас Михаил Юрьевич.

У меня звякнул телефон, прилетело сообщение. Я увидела, что Иван ждет меня, быстро завершила разговор, схватила сумку и помчалась на служебную парковку. Там у своего джипа стоял мой супруг.

– Поедем на моей машине, – решил он, – утром на ней же отправимся в офис. Залезай, как у вас дела?

– Особенно похвастаться нечем, – призналась я, – Коробков тщательно проверил Владимира. Бизнес у него не из самых крупных: пять салонов в столице, исключительно массаж: медицинский, спортивный, тайский, аюрведический, и много еще разного, вроде экзотического «по энергетическим точкам камнями». Ничью нишу он не занимал, конкурента с удобного насиesta не спихивал. До того как Сиракузов открыл первую клинику массажа, эта услуга существовала в медучреждениях в одном ряду

с другими. Ну вроде: мы вам можем сделать флюорографию, анализы, гастроскопию и массаж разных частей тела.

Еще массаж и тогда и сейчас предлагают в СПА-центрах, было и есть много объявлений от частников типа: «Приеду домой, за десять сеансов избавлю вас от артрита, колита, рахита и кариеса». Владимир же сделал упор только на одну специализацию.

Иван засмеялся:

– Чтобы не идти к стоматологу, человек на все согласится.

– Сиракузов просто занял пустую нишу, – продолжала я. – Только не путай его бизнес с массажными салонами. За этими вывесками, как правило, прячутся проститутки. У Сиракузова все прилично, никакого секса. Есть процедуры для супругов, много предложений для детей. Он благотворитель, поддерживает семьи, где есть малыши с ДЦП, их бесплатно обслуживаются. Никаких ссор, скандалов с сотрудниками или клиентами. Налоги платил аккуратно. Семейная пара Владимир-Лариса считалась образцовой. Для развития бизнеса Сиракузову приходилось иногда мелькать в прессе. Они с женой посещали разные мероприятия, но не были ярыми тусовщиками, выходили в свет не очень часто, в основном на знаковые мероприятия, где присутствует уйма прессы.

– Где он деньги взял на открытие дела? – поинтересовался муж.

– Хороший вопрос, – похвалила я его, – кредит он не брал. Ни одному банку ничего не должен. Лариса мне рассказала, как она продала свое дорогое колье, чтобы Володя начал бизнес. Поступила она так, потому что понимала: отец не разрешит ей свадьбу с нищим. Родителям соврала, что потеряла украшение. Возможно, Лариса сказала правду. Офис Сиракузова сейчас находится в одном помещении с его самым новым и большим салоном. В нем есть центральная часть и две боковые. В правой взрослое отделение, в левой педиатрическое. Посередине гардероб, кафе со здоровой пищей, ресепшен, детская комната. Если мать приехала на процедуры, то ребенка она может оставить с воспитателем. На втором этаже сидят служащие.

– Значит, много посторонних видело, как охранники женщину несли, – подчеркнул Иван.

– Нет, только свои, – возразила я, – вход наверх со двора. Там служебная парковка и дверь для сотрудников. Правда, стоянка не огорожена, к двери может любой пройти. Но внутри всегда секьюрити дежурит.

– Хулиганка знала, где стоит автомобиль Сиракузова? – уточнил муж.

– Да, – подтвердила я, – она хорошо подготовилась.

– Где она фекалии взяла? – спросил Иван Никифорович. – Не в туалете же собирала?

– Интересный вопрос, – вздохнула я, – но он остался без ответа. Мне в голову не пришло поинтересоваться местом добычи какашек.

– Похоже, у милой леди в офисе или в окружении Сиракузова есть помощник, – продолжал Иван, – ее проинструктировали насчет парковки, объяснили, где вход для сотрудников. С ведром дерьма далеко не уйдешь. И в метро его не провезешь, запах сильный. Понимаешь?

– Машина! – подпрыгнула я. – Нет мне прощения! Я не подумала про транспортное средство. Сейчас, сейчас!

Я вытащила телефон.

– Димон!

– Да, свет очей моих, чем могу служить? – начал дурачиться Коробков. – Личный джинн готов исполнить любое твое желание.

– Надо проверить все парковки и машины, которые, нарушив правила, стояли у тротуаров неподалеку от офиса, когда тетка изгадила иномарку Сиракузова. Она со своей ношей никак не могла воспользоваться общественным транспортом. И в такси ее с ведром дерьма не пустили бы. Значит, была тачка, которую поставили рядом с офисом.

– Гениально! – воскликнул Димон. – Ну почему мне в голову не пришла сия простая, как веник, мысль? А?

– Еще нужно проверить запись камер наблюдения, – сказала я, – возможно, у хулиганки был сообщник. Вдруг он сидел за рулем, ждал ее? О! Эвакуаторы. Если женщина приехала одна, то ее машина осталась беспрizорной после смерти владелицы, и ее отправили на штрафстоянку. Сейчас с этим строго.

– Потрясающе! Ты мозг, – похвалил меня Димон, – а остальные сотрудники – дятлы. Хоть бы кто про бибику вспомнил!

– Да ладно, – смущалась я, но не сказала, что идею мне подал Иван.

Пусть все считают меня гениальной.

– Но и Коробков грядку не портит, – решил похвалить себя, любимого, Димон, – я поиском труп тетки. Куда-то же его отправили? Мест не так уж много. Сиракузов у Бориса забрал паспорт покойной, скорей всего, он его скжег. Я подумал, может, ее оформили как неопознанную? И! Обнаружил такую мертвую. Очень интересная история. Олег Андреевич Галкин, человек при погонах, занимает не последний пост в одной структуре, не к ночи она будет помянута, ехал вечером того самого дня, когда машину фекалиями угостили, к себе на дачу. И опана! Захотелось ему по малой нужде. Терпеть нельзя, еще получишь всякие болезни на свою голову. То

есть, конечно, не на голову, а на то место, которое нам, парням, голову заменяет и дороже мозга. Вот он и отправился в лесок. С Галкиным на фазенду ехал его зам, Сергей Петрович Рябов. Вдвоем они в кустики и потопали. А там! Труп! Без одежды, сумки, сережек-колечек-часов. Вообще без ничего! Голяк! Кто бы другой испугался и сбежал с воплем подальше от страшной находки. Но наши фигуранты и не такое видали, их такой ерундой, как мертвец в лесу, не удивишь. Они вызвали местных полицейских. Думаю, областные Эркюли Пуаро чуть со стульев не попадали, когда услышали, кто их побеспокоил. Я по времени об их испуге сужу. Звонок на пульт в городок Вишневск раздался в девятнадцать десять. А в двадцать тело уже местный морг зарегистрировал. Во скорость! И учти, вечер был. Если простой грибник на жмурика в такой час наткнется, ему придется полицию сутки ждать. Не особенно-то в лес поторопятся, кому там покойник мешает? Лежит себе и лежит. А тут! Примчались на реактивной тяге! И запись звонка есть, где господин Галкин по полной форме представляется. И в журнале у них черным по белому записано, кто беднягу нашел. Все оформлено правильно. И еще одно чудо! Угадай, какое?

– Несчастную похоронили на следующий день, – произнес Иван.

– О! Босс! Ты гений! – обрадовался Димон. – Правильно! Только упокоили неопознанную через пару суток. По закону-то полагается дольше тело хранить. Вот так. Всем пока!

– Приехали, – объявил муж, – интересно узнать, что такое пленочный фитнес?

– Вроде он пеленочный, – протянула я, – хотя я могу и ошибаться.

Глава 20

– Сейчас одену вас в уникальный костюм, гениальную разработку доктора Воинова, – пропела девушка с бейджиком «Алена» на футболке.

Я протянула руку.

– Давайте.

– Сами не сможете облачиться, – возразила тренер.

– Много пуговиц на спине? – улыбнулась я.

– Сейчас увидите, – пообещала Алена, открыла шкафчик и вытащила нечто, смахивающее на скафандр из фильма про инопланетян, – сшито из особого материала.

– Смахивает на фольгу, – пробормотала я.

– Ничего общего, – заверила девушка, – металлизированная бумага жесткая, а в нашем костюме невероятно комфортно. Сначала только взвесимся.

– Утром я весила семьдесят девять кг, – гордо сообщила я, – психологическая отметка восемьдесят килограммов преодолена.

– Не хочу вас огорчать, – понизила голос Алена, – но бытовые приборы не точны. А здесь мегаправильная измерительная платформа. Встаньте сюда, пожалуйста.

Я посмотрела туда, куда указывала девушка, и увидела нечто похожее на грузовые весы, на которые кладут мешки с почтой прежде, чем засунуть их в самолет: большая прямоугольная железная платформа, из нее торчит конструкция в виде буквы Г. На горизонтальной части написаны цифры, и по ней ездит гирька. Только в аэропортах этот механизм серо-зеленого цвета, а здесь белый и без разновесов и шкалы.

– Прошу вас, – поторопила меня Алена.

Я покорно встала на полотенце, которое расстелила тренер, и услышала:

– Восемьдесят восемь килограммов триста пятьдесят два грамма.

– Невероятно! – ахнула я. – Весы врут!

– Знаете сколько раз за день я слышу эти слова? – хихикнула Алена.

– Как вы узнали мой вес? – изумилась я. – Тут нигде нет никаких цифр! И гирек!

Тренер заморгала.

– Шкала? Гирьки? Они существовали во времена динозавров! У нас компьютер. Вот он, на столе. Результат на экране. Можете некоторое время

не шевелиться?

– Конечно. Но зачем? – на всякий случай спросила я.

– Сейчас электронный анализатор считает информацию. Пока мы тренируемся, он изучит данные и выдаст вам точный список того, что нельзя употреблять в пищу. Узнаете много интересного. Правда здорово? Вот, возьмите в одну руку.

Алена протянула мне нечто, смахивающее на скакалку: пластмассовую ручку, к которой был приделан резиновый шнур, только у прыгалок две ручки, мне же сейчас досталась одна.

– Замрите ненадолго, – попросила Алена, – я сама проходила все исследования. Всегда считала себя русской. И вдруг! Я оказалась татаро-монголкой. Хотя если вспомнить, сколько лет Русь находилась под игом, то нет ничего удивительного. Интересно другое: у меня часто бывали скачки настроения, мигрень. Александр Филиппович посоветовал мне сменить режим дня, диету. И пожалуйста! Теперь я всегда бодра, весела, голова вообще не болит. Отлично, можете сойти. Настал черед костюмчика.

Спустя десять минут я очутилась в зале, где вместо привычных тренажеров увидела какие-то непонятные конструкции.

– Вы, похоже, занимаетесь спортом, – заметила Алена.

– Да, фитнесом несколько раз в неделю, – согласилась я.

– От железа, дорожек, эллипсов толку мало, – поморщилась тренер, – это просто маркетинг. Вот подумайте! Мода на подъем штанги и прочую ерунду пришла из Америки. А какие там все жирные! Не помогает силовая нагрузка вес потерять. Нужна особая гимнастика. Начнем. Самое простое упражнение. Оно называется «кошка в трубе». Ложитесь на энергомат.

Я послушно легла.

– Руки прижмите к телу, – попросила Алена, – ноги вместе, ничего не бойтесь. Сейчас сделаю из вас кисоньку, которая попала в сложные жизненные обстоятельства. Раз, два, три...

Считая до десяти, Алена завернула меня с головой в коврик и поинтересовалась:

– Какие ощущения?

– Наверное, так себя чувствует сосиска в хот-доге, – прокряхтела я.

– Теперь крепления, – пропела тренер.

Меня что-то сильно сдавило в районе груди, поясницы и ягодиц.

– Дышите ровно, спокойно, все под контролем, – заверила Алена, – сейчас вас поднимет.

– Куда? – осведомилась я.

– В воздух, – объявила Алена, – это совсем не страшно, даже приятно.

У нас есть волшебный кран, он может любой груз передвинуть, не только вас. Знаете, какие тушки иногда приезжают? От собственной тяжести ходить не могут. Как ощущения?

— Вроде я вишу в воздухе. Пол не ощущаю, — ответила я, — и все тело чешется.

— Правильно, — обрадовалась тренер, — костюм пропитан особой сывороткой, она проникает сквозь кожу внутрь, доходит до жирового слоя и превращает его в воду. Итак! Ваша задача освободиться!

— Не поняла, — прокряхтела я.

— Вы кошка, которая попала в нелегкую жизненную ситуацию, — объяснила Алена, — вам жарко. Да?

— На мне костюм, который похож на пуховое одеяло с пришитой сверху простыней из фольги, — вздохнула я, — да еще коврик. Тепло, конечно. И все зудят: руки, ноги, шея, тело.

— Это не коврик. Энергомат, — уточнила Алена, — он может менять температуру. Когда «начинка» бездействует, он нагревается. Начинайте высвобождаться! Вам станет прохладнее. Барахтайтесь, пытайтесь расстегнуть ремни, извивайтесь. Когда примените определенное усилие, кран вас опустит, защелки расстегнутся.

Делать нечего, я попыталась пошевелиться. Сначала ничего не получилось, но потом мне стало не так жарко. Я обрадовалась и удвоила усилия. Через минут пять я устала так, словно бежала кросс, но кран не собирался меня выпускать.

— Энергичнее, — скомандовала Алена, — включите ноги.

— Отличный совет, — пропыхтела я, — только я спленута как капризный младенец. Нижние конечности почти лишены возможности двигаться.

— Недостаточно стараетесь, — укорила меня тренер, — лениитесь! Кран чувствует, что кошка не желает вырваться, и не помогает ей.

Я попыталась сделать глубокий вдох, потерпела неудачу и что есть силы дернула руками в разные стороны. Послышался скрип, меня медленно поволокло в сторону. Я заликовала! Ура! Сейчас окажусь на полу. Но движение продолжалось и продолжалось, потом раздался громкий звук «чавк», я по-прежнему в виде сосиски в хот-доге упала на нечто мягкое, оно незамедлительно меня подкинуло. Я не ожидала ничего подобного и в первую секунду растерялась, но когда снова приземлилась на пружинистую поверхность, изо рта вырвался вопль:

— Помогите!

Тренер не отвечала, а я снова взлетела. Не могу пожаловаться на слабый вестибулярный аппарат, меня не укачивает в машине, не тошнит в

самолете, американские горки и карусель не вызывают никакого дискомфорта. Но сейчас желудок ездил как лифт: вверх-вниз, мозг бился о черепную коробку... Поверьте, это не самые приятные ощущения.

– Алена, Алена, – завопила я, – хватит!

Глава 21

Тренер не откликалась, и мне стало понятно: надо самой что-то предпринять. Но как спленутый человек может освободиться от пут, скимающих его руки-ноги?

В конце концов в голову пришла идея. В момент касания в очередной раз пружинящей поверхности, я собрала все силы и попыталась подпрыгнуть. Не могу сказать, что получилось хорошо, меня подкинуло вверх с такой силой, что заложило уши. Взлетев, я постаралась максимально расслабиться, в состоянии киселя упала на батут. Раздался щелчок. Коврик свалился, я взмыла к потолку, но на сей раз ноги и руки оказались свободны, ими можно было размахивать, поэтому скорость падения мне удалось погасить. Через секунду я умудрилась слезть на пол. В то же мгновение в зал вбежали Алена и два крепких парня.

При виде меня, стоявшей около батута, тренер закашлялась, покраснела и быстро сказала:

– Танечка! Вы так красиво летали! Я позвала Колю и Лешу полюбоваться! Ай, какая молодец! На сегодня тренировка закончена. Идите в душ, а потом Александр Филиппович расскажет вам с мужем о вредных и полезных продуктах.

Сил беседовать с Аленой у меня не было, я молча вышла из зала, сделала несколько шагов, сообразила, что забыла на скамейке ключ от шкафчика с одеждой, и вернулась к тренажерам. Алена и Николай с Алексеем находились вне зоны видимости, но я отлично слышала их голоса.

- Идиоты, где вы шлялись? – возмущалась девушка.
- Ну... на секунду отошли, – пробубнил чей-то бас.
- Оба?!
- Ну... типа... того...
- Кретины!
- Зачем хамить?
- Все Воинову расскажу.
- Не надо!
- Еще как надо! Поперлись жрать.
- Нет, покурить тока.
- Шикарно! Дымить в здании запрещено.
- Мы отошли.

– Куда?
– К метро!

– А кран заглючило! Он бабу не опустил на мат, на батут отволок и бросил.

Раздался дружный мужской смех, потом один из парней восхитился:

– Во дает! Тетка прямо суперагент! Я б не освободился.

– Валите отсюда, уроды, – приказала тренер.

Послышался топот, я выскочила из зала, побежала по коридору, домчалась до его конца, поняла, что ошиблась направлением, поспешила назад и затормозила на перекрестке галерей-близнецов. Мне куда? Направо, налево, прямо? Жаль, камня с надписью на пути не было, и коня у меня нет. Заблудилась! И кто я после этого?

Не знаю почему, я двинулась направо, на пути попалась единственная дверь. Я открыла ее, увидела небольшой зал, вошла, в надежде найти хоть кого-нибудь, и потеряла дар речи. У стены располагался удобный диван, на нем, заботливо прикрытый пледом, сладко похрапывал Иван. Над моим мужем мерно покачивалось механическое опахало. У изголовья находился столик, на котором стоял стакан с красным напитком, на голове у мужа были наушники. Я стояла молча и моргала. Вот это фитнес! Слов нет. Неожиданно зазвучал нежный женский голос:

– Занятие окончено, пора открывать глазки.

Я быстро вышла в коридор. В ту же секунду столкнулась с Аленой, та улыбнулась.

– Так и думала: вы запутались! Александр Филиппович вас ждет. Ванечка сейчас тоже подойдет.

– Почему я до одури боролась с ковром, а муж спит? – задала я назревший вопрос.

– Программу тренировок составляет компьютер, – ответила девица, – я только провожу занятия. Все направлено на быстрейшее приведение вас в норму...

Алена говорила без умолку. Из нее мог получиться успешный политик. В этой профессии очень ценится умение сказать миллион умных, желательно плохо понятных народу слов и при этом ничего конкретного не сообщить. Если человек на вопрос: «Вам нравятся красные розы?» отвечает: «Интерес к этой проблеме понятен. Цветы имеют огромное значение в жизни людей, в особенности они нужны в моменты счастья или горя, с букетами нас встречают в роддоме и провожают в крематорий», – то ему прямая дорога в политику.

– Мы пришли! – завершила свое выступление Алена, распахивая дверь

кабинета. – Александр Филиппович!

– Садитесь, Танечка, – обрадовался Воинов. – Как дела?

– Неплохо, если учесть, что ваши сотрудники пошли курить к метро, бросили свой пост, а меня кран вместо мата сбросил на батут, – мигом сдала я парней.

Воинов нахмурился:

– Я разберусь. Всех накажу. Итак, Татьяна, ваша диета. Если хотите обрести здоровье, бодрость тела и духа, стройность, надо отказаться от колбасных изделий, твердого сыра, макарон, круп, хлеба, творога, йогуртов, масла, яиц, молока, кефира, картошки, авокадо, всех фруктов, красного мяса, курицы, индюшки, консервов, чая, кофе, соков, особенно пакетированных... Полный список вам предоставят.

– А что можно есть каждый день? – растерялась я.

– Все остальное, – ответил доктор, – я перечислил то, что даже нюхать нельзя. Теперь продукты, которые разрешено использовать раз в неделю: кабачки, тыква, кинза, укроп, ржаные хлебцы...

– А что можно есть? – повторила я.

– Петрушку, укроп, шпинат, лук отварной.

– Какая гадость, – вырвалось у меня.

– А мне очень нравится, – возразил доктор, – и вы полюбите этот овощ. Думайте о цели. Ваша задача – весить шестьдесят пять кг!

– Навряд ли я ее достигну, – вздохнула я.

– У вас обязательно получится, – заверил Воинов, – вам можно лакомиться тем, что привозят в нашей коробке.

И только услышав эти слова, я вспомнила про бутылку с зеленой жидкостью, которая лежала в машине. Три пирожка с капустой, которые я между делом слопала на работе, зашевелились в желудке, потом там же забулькали две чашки кофе со сливками и запрыгали котлеты с макаронами, съеденные на обед. Я сегодня начисто забыла про диету.

– Было вкусно? – осведомился Воинов.

– Очень, – честно ответила я.

Мои слова нельзя считать ложью, доктор ведь не спросил: «Содержимое бутылки вам понравилось?» Он задал вопрос: «Было вкусно?» Конечно, я очень люблю капустники, а бифштексы обожаю.

– А вот и я, – заявил Иван, входя в кабинет, – отличный фитнес.

У Александра Филипповича зазвенел телефон, он схватил трубку.

– Что случилось? Невероятно! Бегу. Господа, извините, форс-мажорные обстоятельства вынуждают меня прервать наше общение. Естественно, плата за визит сегодня не взимается. Жду вас через день. Еще

раз прошу меня простить. Иван, я отправлю список продуктов вам на почту. Таблица составлена очень просто. Вы все поймете. Если возникнут вопросы, я сниму их при следующей встрече. Дневной рацион вам будут привозить бесперебойно.

Мы с мужем спустились в гараж.

– Хорошо позанимался? – ехидно спросила я.

– Да, весьма упорно, – сообщил супруг. – У меня была пелено-ментальная тренировка.

– Что это? – полюбопытствовала я.

Иван пустился в объяснения:

– Ложишься на кушетку, на голове наушники, оттуда звучат команды.

Ну, например: «Принимаем позу змеи».

– И как она выглядит? – спросила я.

Иван выехал из паркинга.

– Надо самому придумать и мысленно ее выполнять. Это очень трудно.

Упражнения нужно представлять по-разному. Нельзя думать об одном и том же. Я измучился.

– Лежа на диване? – не выдержала я.

Муж перестроился в левый ряд.

– Тело было расслаблено, но мысли в напряжении. Поверь, со штангой, гантелями намного легче. Их просто поднять надо. А вот думы... Задача повышенной сложности. Но это еще ничего! Во второй части тренировка усложнилась. Мне велели превратиться в тюленя, который спит на льдине. Я еле справился!

Нехорошее чувство зависти охватило меня. Я отвернулась к окну. Ну почему так? Срочно похудеть нужно Ивану, я пошла в центр исключительно ради него, а что вышло? Он спит под опахалом, получил коробку с вкуснятиной. А мне досталась бутылка с зеленой мерзостью и дурацкие, но трудные физические упражнения.

Глава 22

Перед тем как подняться в офис, я достала из автомобиля бутыль с зеленой жидкостью. Помню, что ее предписывалось отхлебывать по глоточку в течение дня, но сейчас уже вечер близок, а я даже не попробовала зелье. И какая разница: проглочу я все одним махом или по частям? Главное выпить!

Я живо осушила бутылку и попыталась понять, что проглотила. Сладко, и аромат, как на грядке в огороде. Похоже на компот из огурцов, если только кому-нибудь в голову могла прийти идея сварить огурцы.

– Чем от тебя пахнет? – спросил Иван, когда мы вошли в лифт. – Новыми духами?

– Моим ужином, – засмеялась я. – А что?

– Просто необычный аромат, – ответил муж, – будто ты надушилась щами из крапивы.

– Ну, наконец-то, – обрадовался Димон, когда я вошла в его кабинет, – сижу тут один, как леопард на пляже. Остальные по делам разлетелись. Тань, помнишь, Лариса, жена Владимира, во время вашего разговора сказала, что была очень примерной девочкой?

– Вроде был такой момент, – вспомнила я, – ничего не значащая фраза.

– А вот Ершов за нее уцепился, – взорвал Коробков, – сел еще раз слушать запись и воскликнул: «Пропустил я что-то при первом прослушивании. Дима, покопайся поглубже в биографии Ларисы. И в жизни Аглаи Борисовны поройся. Скорее всего, Лариса плохая девочка. Что-то дурное она сделала и до сих пор о нем забыть не может, вот и твердит про свое примерное поведение. Меня всегда настораживают мамаши, которые при посторонних кричат: «Обожаю своего сыночка! Он лучший! Он чудесный! Прекрасный! Он мое солнце! Мой мальчик!» Я сразу понимаю: любви к ребенку и в помине нет. Егозливый отпрыск надоел бабе, но ей не хочется прослыть среди подруг плохой мамашей. Вот она и голосит безостановочно про любовь. Сама себя таким образом убеждает, что обожает пацаненка. Имей в виду, чем упорнее и назойливее человек твердит о своем горячем чувстве к тебе, тем меньше он его испытывает на самом деле. У Ларисы в биографии есть нечто темное. Ну, я взял лопату и пошел копать.

Коробков замолчал.

– Говори, говори, – поторопила его я. – Что ты нарыл? Почему ты на

меня молча смотришь?

– Просто так, – пробормотал Димон. – В пятом классе она осталась на второй год. Школу Лариса окончила на одни тройки. Сразу поступить в вуз у нее не получилось. Даже деньги папаши не помогли. Ведь и на платное отделение надо сдавать экзамены. Три года она, похоже, ничего не делала. Потом поступила на факультет журналистики в голимом институте. Пару лет кое-как переползала с курса на курс. Затем взяла академический отпуск. Причина перерыва в занятиях не указана. Просто есть заявление с просьбой предоставить ей двенадцать месяцев безделья. Ректор его подписал. Тогда у руля учебного заведения находился Варлайкин Георгий Гермогенович. Фамилия не самая распространенная, а уж отчество и вовсе редкое. Я вспомнил, что где-то уже видел эти данные, порылся в документах и нашел. Ты же помнишь, что Петр Яковлевич Сиракузов, который увлекался оккультизмом и прочей ересью, работал водителем у руководителя института. Тот оформил Петра аж на ставку профессора, так как директору института не полагался шофер.

– Конечно, – кивнула я, – не забыла этого.

– Начальника Петра Яковlevича звали Варлайкин Георгий Гермогенович! – торжественно заявил Коробков. – Сечешь? Он руководил институтом, где училась Лариса, будущая вторая жена Владимира. Возможно, супруги знали друг друга в юности.

– Сын водителя и студентка могли и не встретиться, – не согласилась я. – Или они виделись, пусть даже веселились в одной компании, но друг на друга внимания не обращали. Лариса-то говорила, что они с Владимиром встретились в метро.

– Соврать недолго. Слушай дальше, – велел Коробков и вновь стал в упор меня рассматривать.

– Что ты уставился? – рассердилась я. – У меня на лбу рог вырос?

Дима отвел глаза.

– Нет. Теперь еще кое-что. У Аглай Борисовны был родной брат, Игорь Борисович. Близнец. Он жил в Гольяновске.

– Обычно близнецы очень дружны. Почему Игорь не поселился в Москве рядом с сестрой, у которой муж олигарх? – удивилась я.

Коробков вытащил из ящика письменного стола коробку печенья и спросил:

– Будешь?

– С удовольствием, – обрадовалась я, – мне с шоколадной глазурью.

Коробков захрустел оберткой.

– Игорь Борисович Парамонов – актер, – продолжал Димон, – служил

в местном театре. Гольяновск – небольшой город, но в нем есть аж два очага культуры. Оперетта и драма. Дядя Ларисы исполнял разные, в основном характерные роли в обоих местах. Девушка одно время жила у него. Как я это узнал? Лариса после академки, которая слишком затянулась, решила продолжить обучение в вузе, написала заявление. Ей ответили: такой отпуск дается на один учебный год, а вы отсутствовали три. Лара предоставила в ректорат документ, к которому приложила справку; из нее следовало, что Лариса Николаевна с пользой провела тридцать шесть месяцев, не бездельничала, а работала в местной газете «Гольяновск – вперед», писала статьи о культуре. Набиралась опыта, практиковалась в избранной профессии. Но это не прокатило. Ей отказали.

– Конечно, – засмеялась я, – такую справочку легко написать, она ничего не значит!

– В случае с младшей Гореловой все было иначе, – возразил Коробков, – к справке с печатями прилагались ксерокопии статей. Лариса стablyно работала, по два-три материала в неделю публиковала. В основном всякие местные новости о театральных делах, конкурсах песни, красоты, лабуду, в общем. Не восстановили ее потому, что она много времени отсутствовала. И ректор там поменялся, прежний кресла лишился. Характеристика Ларисы, как выдающейся молодой журналистки, целая страница похвал, была подписана Валентиной Сергеевной Неписайкиной, главным редактором. Отличная фамилия для человека, который стоит у руля печатного издания. И запоминающаяся. Я все думал: где ее видел, слышал. И вспомнил! Дом престарелых «Сад здоровья». Его владелица, а одновременно и главврач Марфа Сергеевна Неписайкина. Там жил до своей смерти Константин Павлович Федотов. На его имя зарегистрирован номер, по которому незадолго до смерти звонила и долго разговаривала Марина Комиссарова.

– Они сестры, – сделала я сам собой напрашивающийся вывод. – Интересно весьма про Федотова. Все веревочки тянутся в Гольяновск.

– Навряд ли у женщин простое совпадение фамилий и отчеств, – согласился Димон. – Ну-ка, проверю.

Коробков сосредоточенно застучал по клавишам, я молча ждала, пока он найдет то, что нужно. И тут в кабинет влетела Вера.

– О! Таня! Ты тут! Дима, ты нашел машину, на которой приехала тетка с деръмом?

– Должен тебя разочаровать. Нет, – пробурчал Коробок, – и это не потому, что я не умею искать. А потому, что все автомобили вечером уехали. На штрафстоянку никого не отправляли. А вот орех в шоколаде:

камеры наблюдения не запечатлели ни одну женщину с ведром на улицах. Она словно из ниоткуда возникла, из-за угла здания вошла в П-образный двор, подбежала к тачке Сиракузова...

– А что там за углом? – не отставала Вера.

– Две пятиэтажки, – прогудел Коробков, – в той, что ближе к офису, находится магазин «Сад-огород». В переулке камер нет. То ли мадам знала про отсутствие «глаз», то ли ей просто подфартило пройти в «слепой» зоне.

– Слушайте теперь меня! – закричала Трофимова. – Что я подумала? Дерьмо где можно найти?

– В сортире, – подсказала я.

Вера маxнула рукой:

– Нисколько не оригинально. И что, собирать его по соседям? Или на поле коровы лепешки искать? Короче, я вбила в поисковик запрос.

Дима оторвался от клавиатуры.

– Какой?

– Куплю в Москве говно дешево оптом, – отчеканила Верочка.

Глава 23

Коробков тряхнул головой:

– Гениально! Мне это в голову не пришло! Тебе выпали адреса магазинов? Существуют лавки с ассортиментом фекалий?

– Да! – подтвердила Вера. – Целая куча. Птицефабрики им торгуют! Дачники в восторге, льют деръмо на грядки, потом огурцы здоровенные вырастают. В Подмосковье на фермах этого товара полно. Но! Оцените по достоинству мой ум, изобретательность и находчивость. Я предположила, что незнакомка взяла говно где-то поблизости от офиса Сиракузова. В каком-то магазине. И где у нас какашками торгуют? А?

Коробков опять вцепился в клавиатуру.

– Да в любом торговом центре и супермаркете. Качество вещей и продуктов гаже некуда, а цены до небес. С деръмищем в Москве проблем нет!

– Ой, перестань, – поморщилась Трофимова. – Где у нас одноразовые стаканы? А! Вот же они!

Вера бросилась к шкафу, вытащила стаканы, потом вынула из своей сумки небольшой пакет, вытряхнула из него таблетку чуть меньше тех, что используют для посудомоечной машины.

– Чем пахнет? – спросила она у Димона, подсовывая ему стакан под нос.

– Лично мне – ничем, – пожал плечами Коробков.

– Дайте минералки с газом или без оного, – велела Вера.

Я протянула ей бутылку.

– Открываем, – пропела Верочка.

– Ты еще долго ерундой заниматься будешь? – рассердился Коробков. – Тань! Неписайкины – сестры. Я нашел их.

– Моя идея круче твоих изысканий, – похвасталась Трофимова и налила в стакан воду.

– Фу! – закричала я через пару секунд. – Немедленно унеси это и вылей в туалет!

Вера рассмеялась:

– Подкормка для разных растений! Запашок свежего деръма, потому что ее из оного делают. Но не надо по птицефабрикам гонять! Берем в лавке «Сад-огород» сухой концентрат, и вперед! Зелье воняет только после разведения. Тетка там его и купила, около офиса Сиракузова. Я поговорила

с продавщицей. Она ее прекрасно запомнила.

– Ты уверена, что это наша хулиганка? – остановила я Веру. – Удобрение, наверное, многие берут.

Трофимова кивнула:

– Конечно. Спорить не стану. Но не у каждой дамы есть в сумке резиновое ведро!

– Вас ист дас за фигня? – изумился Димон.

– Интернет тебе в помощь, – пропела Верочка. – Фирма «Удобненько» выпускает разную ерунду: маленькая складная лопаточка, грабельки, которые в женскую сумку влезают…

– Зачем? – никак не мог сообразить Коробков.

– Например, могилу в порядок привести, не ехать же в метро с заступом наперевес, – пояснила Вера, – у них на сайте полно разной фигни. Среди прочего ведро, надувается, как круг для плавания, выдерживает двадцать литров. Покупательница попросила торговку: «Можно у вас водички набрать? Простой, из водопровода, у меня машину птицы загадили, хочу ее вымыть.

Продавщица ответила:

– Мне не жалко! Но ведро не дам!

– Свое есть, спасибо, – поблагодарила незнакомка и достала из сумочки пакет. – То-то женщина за прилавком удивилась.

– Чем она платила? – повторил свой вопрос Димон.

– Не карточкой! Наличкой!

– Не повезло, – скучился Коробков.

Вера вскинула подбородок:

– Тебе нет, а мне да. Тетка сказала продавщице: «Вы мне помогли, водички набрать разрешили, я хочу вас отблагодарить. Уж простите, но волосы вам давно пора постричь. В нашем салоне работает Ира Бушуева. Шикарно стрижет. Вот вам визитка. Приходите в любое время. Только позвоните предварительно, я на ресепшен сижу, меня Юлей зовут, а вас?

– Вика, – представилась продавщица.

– Буду ждать, – пообещала Юля, – скидку вам оформлю, двадцать пять процентов.

Виктории предложение очень понравилось, тем более что салон находился неподалеку от магазина, где она работает, пару улиц пройти. Парикмахерская располагается на первом этаже многоэтажного торгового центра. Через несколько дней после знакомства с Юлией Вика решила воспользоваться ее предложением, позвонила по номеру на карточке, спросила Юлю. Ей ответили: «Парамонова от нас уволилась». Дима, тебе

осталось только ее адрес определить. Я после «Сада-огорода» в салон забежала, он и правда неподалеку расположен, поговорила с директором. Юлия Андреевна Парамонова у них недолго работала, она не москвичка, россиянка из провинции. Взяли ее потому, что она согласилась на маленькую зарплату. Официально не оформили. Деньги давали в конверте. Она нормально работала, а потом перестала приходить, просто исчезла.

В комнате стало тихо, вскоре Коробков начал читать с экрана:

— Парамонова Юлия Андреевна, в девичестве Сазонова, индивидуальный предприниматель. Владела салоном «Крис» в Гольяновске, его банк забрал за долги. Проживает: улица Мартовская, двенадцать, восемь. Муж Игорь Борисович Парамонов, актер. Упс! Это брат Аглаи! Воспитывалась бабушкой. Круглая сирота. Таня! Надо ехать в Гольяновск. Сестры Неписайкины тоже там живут. Юлия Парамонова из этого города, она супруга брата-близнеца Аглаи. Надо там покопать.

Вера вдруг ойкнула.

— Что не так? — спросила я.

— С работой полный порядок, — заверила Трофимова. — Таня! Что с тобой?

— Со мной? — удивилась я вопросу. — Все нормально.

— Ничего не болит? — продолжила Трофимова.

— Почему ты спрашиваешь?

— Надо давление ей померить, — вдруг сказал Димон.

Вера повернулась к Коробкову:

— Ты тоже заметил?

— Даже слепой увидит, — ответил Коробков.

— У меня лицо красное? — догадалась я.

— Не, — хором ответили мои сотрудники.

Вера открыла сумку и вынула пудреницу.

— Только не пугайся.

— Страх при взгляде на собственную мордочку охватывает меня исключительно по утрам, — призналась я, — потом я успокаиваюсь и не нервничаю.

Вера подняла крышечку.

— Кто это? — ахнула я, посмотрев в зеркальце.

— Говорила же, не пугайся, — вздохнула Трофимова, — ты любуешься на себя, прекрасную.

Я потрогала щеки.

— Чешется? — осведомился Коробков.

— Нет, — прошептала я. — А почему у меня все лицо зеленое?

– Ты чем-то заболела, – предположил Димон. – Я чуть со стула не свалился, когда ты в кабинет вошла.

– И не сказал, как я выгляжу, – налетела я на Коробкова. – Сидел, молчал! Вот почему ты на меня пялился!

– Откуда ж я знал, – начал отбиваться Димон, – вдруг макияж такой в моду вошел? Один раз Лапуля домой заявилась, я ее сначала не узнал, потом спросил: «Что у тебя с бровями? Почему они как рельсоклюшки? Около носа загнуты, потом прямые и толщиной со шпалу?

– Рельсы и шпалы не одно и то же, – поправила Коробкова Трофимова.

Димон скривился:

– Ой, что я от жены услышал! Я долдон, который в современной моде ничего не петрит! Теперь миниблеюдинг все делают.

– Микроблейдинг, – рассмеялась Вера. – Димон, ты тундра!

– Лапуля сначала злилась, – продолжал жаловаться наш хакер, – потом плакать принялась, ходила по квартире, рыдала: «Я теперь стала уродиной! Да? Скажи честно!» Ну, я ее утешал: «Тебе шпалоброви очень идут! Прямо мегахорошо». А она за свое: «Скажи откровенно! Не ври». Ну я на сотую ее просьбу и ответил: «Жуть вообще-то! Кошмар в пустыне. По лбу словно жирные волосатые гусеницы ползут!»

Коробков замолчал, я тоже не говорила ни слова, разглядывала себя в зеркале.

– И что Лапа ответила? – шепотом спросила Вера.

– Я понятия не имел, что столько нецензурных слов супруга знает, – уныло пожаловался Коробков, – неделю со мной не разговаривала, ничего не готовила, я пельменями из пачки питался. Еле-еле прощение вымолил. Сегодня, когда я Таню увидел, хотел про ее зеленую рожу спросить, да язык прикусил. Вдруг это какая-то фенька вроде рельсобровей? Бабы они везде бабы, даже если начальницы особой бригады.

Я развернулась, побежала в туалет и умылась. Но зелень не исчезла. Мне стало нехорошо. Чем я заболела? Температуры нет, кашель, насморк отсутствуют, голос не хриплый, аппетит на месте, даже слишком на месте, и до недавнего времени у меня было нормальное настроение.

Дверь туалета приоткрылась, послышался голос Ильи, нашего патологаанатома.

– Тань, что у вас стряслось? Вера в морг в истерике позвонила, кричала: «Жаба, жаба! У Тани жаба!» У тебя с сердцем плохо?

– И при чем тут жаба? – вздохнула я, закручивая кран.

– Грудная жаба, так в девятнадцатом веке называли стенокардию, – объяснил Аверьянов, – Вера помнит...

– Непременно расскажу Трофимовой, что, по твоему мнению, она жила еще во времена Пушкина, – хихикнула я. – Вопрос: сколько ты проживешь, когда она к тебе в морг прибежит, чтобы объяснить, что ей не двести лет?

Илья возразил:

– Я совсем не это имел в виду.

Я повернулась к нему лицом. Патологоанатом икнул:

– Елы-палы!

Ко мне вернулось хорошее настроение. Подумаешь, позеленела! Иван любит меня независимо от цвета моей кожи, да и не заметит он, что я слегка видоизменилась. И Рине все равно, как я выгляжу, и Мози с Роки, и Альберту Кузьмичу тоже.

– Что за фигня с тобой? – завопил Илья.

Я кокетливо стрельнула глазами:

– Кто у нас чудо-доктор? Хотелось бы услышать ответ на данный вопрос от тебя! Когда морда лица становится, как у зелой лягушонки?

– Ты человек, – пробормотал Илья, – особь женского пола. У живых зеленоватый оттенок кожи возникает при поражении пищеварительной или респираторной системы, при опухоли. Еще возможен цирроз печени, желчекаменная болезнь. Трупная зелень...

– Пока, как ты верно заметил, я жива, – остановила я Илью. – Что надо съесть, чтобы стать нормальной?

Аверьянов загудел.

– Идиотский вопрос. Нет таблеток от всех болезней. И как я тебе диагноз на основании только визуального осмотра поставлю? Необходимы анализы крови, аутопсия...

– Вскрытие мне определенно не нравится. Есть предложение получше, – сказала я, – ты меня сейчас поцелуешь в щеку, и я превращусь в принцессу.

Илья попятился в коридор.

– По-твоему, я Иван-дурак? Ну, спасибо. Кстати, постmortальное исследование наиболее результативно, если мортально не установлен диагноз.

Из-за спины патологоанатома высунулась Вера:

– Тань, твой телефон звонит без остановки. На!

Я взяла трубку и услышала всхлипывания.

– Танюша! Танечка!

У меня вмиг похолодела脊ина, а уши, наоборот, охватило жаром.

– Рина?

– Мози! Мозес! Мой мальчик!

Я оперлась о руко мойник.

– Что с ним?

– Мы в клинике! Врач! О! О! О! Он...

Свекровь зарыдала.

– Вера, тащи мою сумку, – закричала я, – скажи Коробкову, что Мози плохо. Я еду в лечебницу.

Трофимова молнией метнулась в коридор. А я попыталась выяснить у Рины хоть что-нибудь.

– Вы где?

– См... ик... трам... ик, – всхлипывала Ирина Леонидовна. – Мозенька! Кабачонок любимый! Он сегодня просил мармеладку! Так смотрел на меня! Так умолял! А я не дала-а-а-а!

– Правильно сделала, – заорала я, выхватывая у Веры сумку. – Сладкое собакам...

– Он умер! Умер! Я ему мармеладку пожалела-а-а-а. А он умер!

Сумка выпала у меня из рук.

– Тань, – сказал Димон, – лифт приехал. Что случилось?

– Мози погиб, – с трудом вымолвила я, – больше ничего не спрашивай. Не знаю. Рина рыдает в клинике. Адрес назвать не способна.

Коробков взял у меня телефон.

– Алло! Ирина Леонидовна! А! Понял! Вы кто? Сообщите адрес вашего заведения.

Глава 24

Всю дорогу до ветеринарной лечебницы я пыталась остановить слезы, но они градом катились по лицу. Мози! Милый бульдожка! Простодушный мальчик, которого более хитрый Роки вечно обманывал. Смешной наш кабачок! Любимый Мозенька! Ну как так? Еще утром он веселый, здоровый стащил у меня в ванной губку!

Мы летели по проспекту с такой скоростью, с какой я никогда не ездила. Димон включил все, чем оснащены наши служебные машины: мигалку, стробоскопы, «крякалку» и динамик, который орал: «Вправо, все вправо, оперативная машина. Все в сторону!» На лобовое стекло Коробков прикрепил пропуск, который давал знать сотрудникам ГАИ, что джип нужно пропускать везде, даже если он нагло нарушает правила: у водителя документы «без права проверки». Машины перед нами расступались, а я все плакала и плакала, утираясь рукавом кофты.

Путь до клиники занял всего пятнадцать минут. Воя, сверкая огнями и крякая, внедорожник влетел во двор. Мы с Димоном выкатились из него и кинулись в здание. Первая, кого я увидела, была Рина с опухшим лицом.

– Где Мози? – закричал Коробков.

– Пустите меня, – заголосил за моей спиной Аверьянов, – толку от вас ноль! Где труп? Где? Живо говорите!

Девушка на ресепшен испуганно смотрела на нас.

Коробков стукнул кулаком по стойке.

– Баба! Где Мозес?

– Ввторая дверь сс-слева, – прозаикалась администратор.

– Димон, тащи из моей колымаги один, семь, пятнадцать, десять, – велел Илья и, толкая перед собой тележку, набитую какими-то аппаратами, понесся по коридору.

Коробков исчез. Я обняла Рину, та прижалась ко мне и зашептала:

– Мози... он... сказал... он... вышел и говорит...

Раздался грохот, в клинику въехал аппарат с гофрированной трубкой, его катил Димон одной рукой, на спине Коробкова висело что-то непонятное, более всего похожее на самовар, от которого отходил шланг с раструбром, на шее у хакера болталась здоровенная сумка, в правой руке он держал красный мешок.

– Спокойствие, только спокойствие, – крикнул компьютерных дел мастер, проносясь мимо, – мы все привезли! Лучшие уколы. Оборудование.

Ща его оживим.

Я только вздохнула. Да, у Аверьянова оснащение, о котором ни одна реанимация даже не мечтает, потому что обычные врачи понятия не имеют, что подобные аппараты существуют. Лучше не упоминать, сколько стоят приборы Аверьянова. Илья всегда прикатывает на место вызова со всем своим снаряжением. Есть люди, которых «Скорая» посчитала мертвыми, а наш эксперт вернул их с того света. Но! Мы ехали пятнадцать минут, до того как сесть в машину я разговаривала с Риной. И навряд ли свекровь позвонила мне в минуту кончины Мози.

Я посмотрела на администратора.

– Как долго у вас сидит Ирина Леонидовна?

– Больше часа, – дрожащим голосом проговорила та.

Я покрепче прижала к себе свекровь. Нет. Аверьянов не поможет. Послышался скрип, потом голос Ильи:

– Эй! Девочки! Хватит сопли лить. Парень! Голос!

Раздался веселый лай. Мы с Риной вскочили и увидели Мозеса, который несся к нам по длинному коридору.

– Илюша! – закричала Рина. – Ты гений! Солнце! Ты...

– Хватит Аверьяныча превозносить, – сказал Димон, – случился шум в канале связи. Мози не умирал. Когда мы в кабинет со всем хабаром вперлись, он тихо на столе сидел.

Кирпич, который лежал у меня на сердце, развалился.

– Рина! Почему ты сказала, что Мозес умер? По какой причине вы с ним поехали в клинику?

– Глаза, – всхлипнула свекровь, – все красные!

Только сейчас, услышав слова Рины, я внимательно посмотрела на бульдожку, которого свекровь стиснула в объятиях.

Очи Мозеса горели красным огнем, белки глаз были пурпурного цвета.

– Ух ты! – вырвалось у меня. – Вампир!

– Вот! – всхлипнула Ирина Леонидовна и, забыв о воспитании, показала пальцем на мужчину в голубом халате, который пришел следом за Димоном и Аверьяновым. – Он так мне и сказал: вампир!

– Геннадий Анатольевич, – представился ветеринар, – не первый год практикую, но такое видел впервые. Эта собака – мое фиаско. По всем показателям французский бульдог здоров. Но глаза! И лужу он напрудил в кабинете прямо кровавую. Крови там на самом деле нет. Цвет нереальный. Еще и светится.

– Да ну? – восхитился Аверьянов. – Посмотреть охота. Покажете мне?

– Прошу прощения за слово «вампир», – сказал ветеринар, – слабым

оправданием мне служит моя оторопь. Когда хозяйка спросила: «Что с Мозесом?», у меня вырвалось: «Он превратился в вампира». Только не подумайте, что я глупо пошутил. Нет! Просто сам себе задал такой же вопрос и нашел на него единственно подходящий ответ: кровосос! Фразы «Собака скончалась» я не произносил. Мозес жив.

– Тот, кто не умер, не может стать Дракулой, – затряслась Рина, – если говорят, вампир – считай, покойник.

Я выдохнула. Произошла воистину идиотская история.

Илья взял у Рины бульдожку и поставил на пол.

– Мози, как ты дошел до жизни такой? Да у него глаза натурально фосфоресцируют. Очень хочется посмотреть на его...

Мозес подошел к дивану и поднял заднюю лапу. По плитке растеклась лужа невероятного вида: ярко-красная, сияющая, прямо перламутр со стразами.

– О-о-о! Красотень какая! – восхитился Димон. – Мози, ты что сожрал? Любимый халат Деда Мороза?

– Где у вас туалет? – спросила я у ветеринара.

Ответ последовал незамедлительно:

– Во дворе огорожена площадка.

– Не для животных, – уточнила я.

– А для кого?

Отличный вопрос.

– Для людей.

– Дверь слева, на ней изображена чашка кофе, – пояснил врач.

– Я думала, там буфет, – пробормотала я, вошла в небольшую комнату, воспользовалась унитазом, хотела нажать на слив и взвизгнула. В толчке сияло нечто ядовито-зеленое. Да уж, мне сейчас никак не могли пригодиться очки, которые Волшебник Изумрудного города раздавал направо и налево всем жителям и гостям.

– У тебя все в порядке? – спросила из коридора Рина.

– М-м-м, – пробормотала я, подошла к рукомойнику и увидела свое отражение в зеркале.

Встречалась ли вам на жизненном пути жаба, которую осыпали алмазной пылью? Видели ли вы человека с горящими глазами салатного цвета, с новогодними блестками на радужке? Нет? А я вот сейчас познакомилась с таким homo земноводным. И зовут его Таня Сергеева.

Из моей груди вырвался стон, и вдруг все стало ясно. Я выскочила в коридор со словами:

– Рина! Мози не вампир!

– Ой! – пискнула администратор и села под ресепшен.

– Глаза! – ахнул ветеринар. – Как вы это с ними проделали? Инфернальное зрелище.

– Забавненько! – заметил Илья. – Секунду назад подобного эффекта не было!

– Танечка! – попятилась свекровь. – Твое лицо... оно...

– Зеленое, – договорил за нее Коробков. – Таня такая уже приехала. Вот глаза только что офонарели.

– Офонарели глаза, – повторила я. – Димон, да ты поэт.

– Не рассматривала Танюшу, когда она появилась, думала только о Мози, – призналась Рина, – и она вовсе не офонарела. Не очень привычно, конечно, но мне нравится. Танечке все идет! Она красавица!

Я вынула телефон и потыкала пальцем в экран.

– Алена!

– Татьяна, добрый вечер, – ответила тренер. – Как ваши дела?

– Отлично, – машинально ответила я. – Почему мое лицо зеленое, а глаза похожи на огурцы, в которые воткнули лампы и осипали их фальшивыми бриллиантами?

– О! Это эффект колоризации! Прекрасно! Ваш организм реагирует на напиток молодости.

– Рада это слышать, – не удержалась я от ехидного замечания. – У меня завтра рабочие встречи. Есть ли от вашего чая противоядие?

– Просто пейте воду, – посоветовала Алена, – литров восемнадцать за ночь, и к утру все пройдет.

Я засунула трубку в карман.

– Мози вчера нахлебался жидкости красного цвета, она после взрыва вылилась на пол из фляги. А я сегодня свой зеленый напиток не по частям, а одним махом выдула. Результат у меня на морде, а у Мозика на лице. То есть наоборот, ну, вы поняли.

– Что вы употребили? – вмиг заинтересовался Илья. – Можно этого немного получить? Для анализа?

Я прикусила язык. Совсем не хочется рассказывать сотрудникам о том, что Иван посещает центр для тех, кто хочет стать стройнее швабры.

– Компот такой, – живо соврала Рина, – в пакете! От него ничего не осталось уже. Прости, Илюша.

Мне внезапно стало жарко. Я схватила с ресепшен рекламный буклет и начала им обмахиваться. Все! Хватит. Не день, а сплошное недоразумение! Сейчас поеду домой, выпью океан воды, а завтра порулю в Гольяновск.

Глава 25

– Константин Павлович? – изумилась главврач дома престарелых. – Милейший человек. Обеспеченный. Но совсем одинокий. Ни жены, ни детей, никаких родственников не имел. Холостяки живут только для себя, ни о ком не заботятся, голова у них за супругу, дочь-сына не болит, делают что хотят. Лет эдак до семидесяти. А потом им становится плохо. Умирать в одиночестве тяжело. Константин, когда заболел, продал свой дом и купил у нас пожизненный контракт. Коттедж находится на территории, очень удобно, уборщица бесплатная, еда тоже, если хочется изыска, привезут из города. Врачи у нас всякие, кинозал и...

– Кто-то взял его телефон, – остановила я поток рекламы заведения.

– Это невозможно, – отрезала Марфа, – здесь воров нет! Можете походить по основному зданию, в нем номера, как в хорошем отеле: две-три-четыре комнаты, санузел, лоджия, никто их не запирает. На первом этаже в общих помещениях горничные чего только не находят! Наши жильцы, как правило, немолоды, порой их память подводит...

Марфа Сергеевна встала.

– Пойдемте, покажу вам кое-что.

Мы покинули ее кабинет, прошли до обставленной красивой мебелью гостиной с телевизором на стене. Главврач показала на поднос, который прикрепили к высокой подставке. Над ним на стене висело объявление: «Если кто-то что-то потерял, то кто-то это всегда тут найдет. Если кто-то что-то где-то нашел, то кто-то это сюда положит». Сейчас на подносе лежали очки, книга Смоляковой, дорогое кольцо и одна серьга.

Главврач рассмеялась.

– Вторые глаза Елена Николаевна всегда на диване в столовой забывает. Фанатка Милады у нас Розалия Львовна. Кольцо золотое, два изумруда и немаленький бриллиант в общих санузлах всегда бросает Галина Григорьевна. А вот серьга... Впервые ее вижу. Наши постояльцы хорошо обеспечены, пансионат не муниципальный.

Я сообразила.

– Телефон Константина был никому не нужен.

– Абсолютно, – согласилась Марфа, – но он мог трубку посечь в лесу: пошел погулять и потерял. Хотя Федотов не жаловался вроде, что без мобильного остался. Уж извините, он не вчера умер, забылось кое-что. И навряд ли вы из Москвы приехали, чтобы поговорить о такой ерунде, как

сотовый давно покойного человека. Татьяна, что на самом деле случилось? Какова истинная причина вашего визита?

– Вам знакома Юлия Парамонова? – задала я главный вопрос. – В девичестве Сазонова.

Марфа Сергеевна издала стон.

– Юля! Кто бы сомневался! Давайте вернемся в мой кабинет. Минуточку.

Главврач вынула из кармана телефон.

– Ника! У меня гостья. Сделай нам твой фирменный чаек, ну и тащи все, что надо. Пойдемте, Татьяна. Конечно, я знаю Юлию. Очень даже хорошо. Что она натворила?

Я ушла от прямого ответа.

– У Парамоновой есть проблемы?

Марфа открыла дверь.

– Прошу вас, устраивайтесь поудобнее. Когда-то все жили в одном доме: мы с сестрой, сейчас она владелица газеты «Гольяновск – вперед», и Юлия, еще к нашей компании принадлежали Игорь и Аглая Парамоновы, но они москвичи, приезжали на лето к бабушке, которая на третьем этаже квартиру имела. Сейчас Гольяновск – город, а во времена моей молодости он был поселком чуть больше простого села. Многоквартирное здание было одно, остальное – частный сектор, избенки без воды и канализации. Возраст у нас у всех был разный, кто старше, кто младше, но веселиться вместе на каникулах нам это не мешало.

Дверь скрипнула, в комнате появилась полная женщина с подносом.

– Спасибо, солнышко, – улыбнулась Марфа. – Таня, попробуйте кулебяку. Наша повариха – волшебница.

– Выглядит заманчиво, – пробормотала я, – только...

– О нет! – остановила меня хозяйка кабинета. – Не говорите, что сидите на диете. Вам никакие ограничения в пище не нужны.

– Лишний вес у меня есть, – возразила я.

Неписайкина положила на мою тарелку кусок румяного пирога.

– Просто удивительно, что даже умные люди становятся жертвами рекламы. У вас широкие запястья, прекрасный высокий рост. Даже если вы перестанете есть вообще, не сможете весить как вешалка с модного показа. И, глядя на вас, я как врач понимаю: нет жира, есть хорошо развитые мышцы. Достаточно посмотреть на шею человека, и все про его тело станет ясно. Передо мной прекрасная трапеция! Не глупите. Мы все разные, кто-то недотянул до метра шестидесяти, и ноги у него как у комара. А кто-то зашкалил за все отметки, у него пятьдесят пятый размер обуви. Плохо и

в том и в другом случае, только когда есть ожирение. Не обращайте внимания на досужую болтовню. «На чужой роток не накинешь платок». Не нами придумана эта поговорка, но она актуальна во все времена. Вас беспокоит, что говорят злые, глупые, завистливые люди? Читаете соцсети? Да, там толстые травят худых, а полные налетают на тощих. Лучше не гулять в топких болотах и уж тем более нельзя из них пить. Ешьте пирог спокойно, вы красавица!

Я взяла кулебяку.

– М-м-м. Очень вкусно! Значит, вы все давно знакомы?

Марфа положила себе в чай варенье.

– Да. Самая молодая среди нас Юля. Беспредельно романтичная, слишком эмоциональная, глупая, плохо воспитанная, наглая, беспардонная. Скажет человеку: «Ой, вы прямо старый совсем. А чего обижаетесь? Я правду говорю». Подростки не отличаются осторожностью, творят подчас редкие глупости, иногда сильно рискуют. Но все-таки кое-какой ум в бесшабашной голове четырнадцатилетней девочки уже есть. А у Юли начисто отсутствовала трезвая оценка действительности. Она всегда жила в придуманном мире, который не имел ничего общего с реальностью. А уж если ей в голову взбредет некая идея! Вот тут держись! Юлия проявляет чудеса изобретательности, продемонстрирует недюжинный ум, но непременно добьется своего. Мы все в разное время уехали в Москву на учебу. Я в медицинский, Валя поступила на журфак, Игорь в театральное училище, Аглай в художественный институт, она прекрасно рисовала. Юля осталась в Гольяновске. Она кое-как окончила школу, пыталась попасть в разные вузы, но ничего не вышло. Уж не знаю, кто ей посоветовал парикмахерское училище. Юля стала мастером, пристраивалась в разные места, но отовсюду уходила со скандалами. По словам Юли, ей постоянно попадались подлые, мерзкие коллеги, они строили против нее козни. Но я-то знаю Парамонову, она не умеет себя вести, наверное, говорила клиентам, что думает о них, откровенно в лицо и оказывалась за воротами. Я одно время работала в Москве в разных местах, Валя тоже. Потом мы накопили денег, взяли кредит, вернулись в Гольяновск и создали каждая свой бизнес. В столицу нас с сестрой не тянет, в области нынче намного лучше, чем в безумном мегаполисе. Давно уже не надо ездить в главный город страны за колбасой и всем необходимым. Гольяновск разросся, это теперь не поселок деревенского типа. Намного раньше нас вернулся Игорь Парамонов, он стал играть в местном театре, много сил и времени вложил в создание драматического коллектива, нашел спонсоров. Не понимаю, почему у него сточная карьера не задалась. Брат Аглай безмерно талантлив, таких

артистов называют синтетическими. Он прекрасно пел, танцевал, ему замечательно удавались разноплановые роли. Отлично помню спектакль по пьесе нашего гольяновского драматурга. Он имел такой успех, что даже из столицы его смотреть приезжали. На премьере у всех шок случился. Имя исполнительницы главной героини мадам Коровиной держали в секрете. В программке его не напечатали. Бабушка играла гениально, я аплодировала ей стоя. Потом вышел режиссер и объявил: «Прошу мадам Коровину снять парик и удалить грим». Старуха стащила накладку, протерла лицо салфеткой, и... это оказался Игорь! Зал ревел от восторга.

Марфа взяла печенье.

– Думаю, он мог бы стать яркой звездой на столичном театральном небосклоне, в кино. Но его Аглай до ручки довела, вот он и сбежал в Гольяновск подальше от нее.

– Сестра не ладила с братом? – уточнила я.

Неписайкина еще раз наполнила мою пустую чашку чаем.

– Они близнецы, внешне очень похожи были. В детстве Игорь нас разыгрывал: наденет платье, завяжет платок и приходит в гости: «Это я, Аглай!» Пару раз я попадалась, потом стала косынку с него сдергивать. А вот поведение у брата с сестрой было полярное. Мне всегда казалось, что младенцы в животе матери случайно характерами поменялись. Игорь мягкий, тактичный, сто раз подумает перед тем, как что-то сказать, никогда человека не обидит, даже если тот его оскорбит. В подростковом возрасте я злилась на Гарика, налетала на него:

– Почему ты терпишь хамство Аглай? Врежь ей!

Он тихо отвечал:

– Ну зачем скандал затевать? Аги просто устала, поэтому злится. Нехорошо получится, если мы вдвоем кричать будем.

Марфа пододвинула ко мне тарелочку с печеньем.

– Оцените по достоинству фразу: «Аги устала!» Мы так Аглую звали – Аги. Терпение у Игоря было неимоверное, а у сестры никакого. Если она чего-то захотела, трава не расти, подайте ей это. И все вокруг должны жить так, как она велит. В школе ее учителя обожали! Девочка была правильная до последнего ногтя. Уроки всегда сделаны, тетрадки, учебники в обертках, на занятиях сидит тихо, смотрит только на педагога. Коробка конфет, а не ребенок! До десятого класса она вела себя идеально, а когда окончила школу, ей голову и снесло. Растеряла всех друзей. И понятно почему. Кому понравится, что тебя постоянно шпионают. Не горбись! Втяни живот! Что у тебя на голове? Зачем дурацкое платье нацепила? Ну ты и жениха нашла, гони его в шею! Надень туфли, которые я принесла, немедленно!

– Многие мамы, бабушки так себя с детьми ведут, – вздохнула я.

– Родители старше, – возразила Марфа, – и они родня, их терпеть приходится. А тут одногодка! Все от Аглай сбежали. Она обижалась, звонила друзьям, орала на них. Я с Аги окончательно разошлась, когда та моего будущего мужа прогнать решила. Мы отмечали мой день рождения, сидели в кафе. Леня заказал всем девочкам шампанское, мальчикам – что они хотели. Ребята предпочли кто белое вино, кто красное, а Леонид себе заказал одну порцию коньяка. Аглай вскочила:

– Нельзя пить крепкое!

Леня удивился:

– Почему?

Аги в ответ:

– Потому что я запретила.

Леонид рассмеялся:

– Дома кошке приказывай!

Аглую понесло:

– Нищий, голозадый! Решил на девочке из хорошей семьи по расчету жениться. Алкоголик! Убирайся вон! Марфе ты не пара! У нее другой есть!

Леня вскочил:

– Другой есть?

Аглая ему:

– Да! Не такой, как ты, урод и пьяница, с мамашей-поломойкой!

Я заорала:

– Мильй, она врет!

И такой скандал вспыхнул! Еле-еле мы потом с Леней помирились. Он мне строго сказал: «Выбирай, или я, или подруга ненормальная». Думаю, понятно, кого я выбрала! Позвонила Аги и сказала, что больше ее никогда видеть не желаю. И что? Она исчезла? Как бы не так! Звонила постоянно, пыталась в гости зайти, на улице меня подкараулила, заявила:

– Хочу тебя от негодяя спасти! Леонид точно алкоголиком станет! Пить коньяк на день рождения нельзя! Нельзя! Нельзя!

Так она меня допекла, что, несмотря на твердое желание никогда с ней не разговаривать, я спросила:

– Почему?

Последовал ответ:

– Потому что я так говорю!

Пришлось ей объяснить:

– У Лени аллергия на все напитки, кроме коньяка. Отстань от нас. Не лезь.

Она в истерике забилась:

– Врет он! Врет! Пьяница! Ты с ним свою жизнь загубишь! Я только добра тебе желаю.

Аги из-за своего характера ни на одной работе удержаться не могла, отовсюду вылетала. Потом замуж вышла за Николая. Приглашение на свадьбу мне прислала, звонила, очень просила прийти. Говорила не так, как обычно. Как правило, она сразу произносила: «Ты должна...» А тут вежливо так: «Марфа, очень прошу, вы мне с мужем нужны».

Леня отказался, он сказал:

– Если считаешь возможным хамку простить, то иди.

Я поехала в ресторан. Там было полно народа, я никого не знала. Все, кого пригласил жених, были люди с положением: директора магазинов, депутаты райсовета, чиновники. Родители Николая умерли, у Аглай тоже. С ее стороны были только я и Игорь.

Аги меня увидела, бросилась с поцелуями. Платье у нее было роскошное, по тем временам невиданное, на столе угощение шикарное. Я спросила:

– Муж твой, он кто?

Аглай улыбнулась:

– Простой человек, на кондитерской фабрике работает, фигуры из шоколада на заказ делает.

То-то я поразилась! Аги всегда говорила, что замуж по любви идти – глупость несусветная, надо найти мужчину с деньгами, со связями, старше себя. А тут! Парень, который на заводе пашет. Но когда я узнала, кто есть кто среди гостей, угощение оценила, вот тогда сообразила: Коля не прост. Чем муж Аги занимался? Откуда у него деньги? Понятия не имею.

В гости я к ним ездить стала. Жили они в избе, которая Коле принадлежала. Когда я впервые приехала, к дому подошла и изумилась: ну и ну! Обшарпанное деревенское строение, два этажа правда, и от Москвы близко, но на торфяных болотах. Участок кое-как обижен, и он большой, от ворот до дома метров пятьсот топать. Дорожка вся побитая, по бокам кирпичи, так сказать, для красоты. Жалкое зрелище. Шагаю и думаю: «Уж лучше это убожество продать и купить в столице квартиру. Что за радость так жить? Небось печь топить приходится, воду таскать! Мрак! Вхожу внутрь! Дворец! Роскошнее, чем в Кремле. Ванная-туалет, телефон городской, паркет дубовый. Мебель... Я о такой и мечтать не могла. Наверное, у меня глаза из орбит вылезли. Николай потом показал маленький домик, там у него мастерская была. Фигуры он на заказ делал, шоколадные. Ну, скажу я вам, руки у мужика были золотые, он настоящий

художник. И как он Аглаю терпел? У той после бракосочетания рот вдруг захлопнулся, я обрадовалась: поумнела подруга. Ах нет! Как только Аги забеременела, стала хуже прежней. Замечания лились рекой! Я стала ее избегать. Да она-то настырная! Звонила постоянно. Муж мой с течением лет в Бога поверил, воцерковился и однажды сказал:

– Знаю теперь, зачем Аглаю Господь мне послал: для воспитания терпения и смирения.

Да и я к хамке привыкла, перестала на нее злиться, не раздражалась, пропускала мимо ушей все ее пламенные речи.

С Игорем у нее были скандалы ежедневные. Брат был тихий, спокойный, он не реагировал на сестру. Ну и конечно, его спасало то, что он живет в Гольяновске, а она в Москве. Я, когда к Игорю в гости забегала, часто наблюдала такую картину: звонит ему Агая, он говорит: «Аги, у меня Марфа». Любой нормальный человек сразу сообразит: долгий разговор неуместен. Любой, но не Агая. Она говорила и говорила, Игорь клал трубку на стол и начинал заваривать чай. Периодически он сестре отвечал: «Да, да!» И занимался своим делом. Аги брата прямо грызла. Почему он не женился? Отчего в Гольяновске в местном театре тухнет? Он должен работать в Москве! Игорь ей в ответ: «Ты права, я подумаю».

Я понимала: Игорь останется холостяком, он боится получить в супруги бабу с характером сестрицы. Игорек женщин сторонился. Только не подумайте, что он хамил кому-либо. Нет, он был безукоризненно вежлив, любезен, комплименты говорил, с поклонницами всегда общался. Но ни с кем не дружил. С мужчинами тоже. Всегда был сам по себе. Исключение составляла только я. Мы с ним чай иногда пили. Игорь кофе терпеть не мог, а вот для чайной церемонии – устраивал целое представление. У него тьма банок была. Еще Гарик любил мастерить модели городов, прямо произведения искусства получались. Сначала изучал какую-нибудь европейскую столицу, например Прагу, смотрел фото, документальные фильмы. Затем строил макет центральной части. Красота получалась! На почве этого хобби у него с Николаем сложились хорошие отношения. Тот для души ваял шоколадные фигуры. Они общий проект затеяли: Игорь создает город, которого нет, придумывает его. Коля жителей из шоколада ваяет. Они оба загорелись этой идеей. Название придумали: «Королевство Шоколадного Пугала». Аглае не нравилось, когда супруг с ее братом вместе в мастерской что-то делали. Ну, да ее все бесило! Ларису она прямо затюкала, та не знала куда сесть, как на мать посмотреть, все было плохо! Наденет длинное платье, мать кричит:

– Вырядилась монашкой!

Нацепит короткое, слышит:

– Разврат! Так уличные девки выглядят.

Лара мне часто звонила, плакала:

– Тетя Марфа, ей-богу, я не знаю, как себя вести. Налево пойду. Меня отчихвостят. Направо сверну – еще сильнее получу. Вперед двинусь – нотация на час, назад вернусь – вопль, на месте замру – пощечин огребу.

Что я могла ей сказать? Мать тебе для воспитания терпения, смирения послана? Навряд ли эти слова подростку помогли бы. Аги невероятно повезло с близкими. Брат ей не возражал, муж подарками заваливал. Лариса только тихо плакала, мы с Леней ее принимали такой, какая она есть! Все ее почему-то терпели. А потом Юля появилась! И за нас за всех Аглае отомстила!

Глава 26

Марфа налила мне еще чаю и продолжила рассказ. Я ее не перебивала. Юля Сазонова, самая младшая в компании, выучилась на парикмахера и отправилась штурмовать Москву. У нее был план: она нанимается на работу в самый дорогой салон, который посещают звезды, обзаводится богатыми-знаменитыми клиентами. Ясное дело, они отстегивают чаевые чемоданами. Сазонова за год рассчитывала накопить на прекрасную квартиру, потом открыть свою парикмахерскую, все знаменитости перейдут к ней, великому мастеру. Максимум через пять лет Юля будет богата, известна, вся в бриллиантах, дорогих брендах, с сумками из невинно убиенных крокодилов.

Самое интересное, что первая часть ее стратегического плана реализовалась легко. Сазонова нашла место, и ее взяли на службу, но дальше возникли ухабы. Клиенты салона и впрямь были при деньгах, часто мелькали в телевизоре. Но почти никто не давал чаевых, зато все капризничали, опаздывали, требовали к себе невероятного внимания. Юля ушла в другое заведение, но и там оказалось то же самое. Сазонова решила оформить кредит и открыть свою парикмахерскую. Вернулась в Гольяновск, взяла в банке ссуду и прогорела, ее заведение отшло банкирам. Неудачница решила завести частных клиентов, обзвонила старых знакомых. В конце концов ее наняла Катя Громова, прима местного театра. Юлечка стала ее причесывать перед спектаклем, приходила за кулисы, увидела Игоря и влюбилась! Но как! Безоглядно! Это была не просто любовь! Обожание! Роковая страсть! Чувство, похожее на болото, засасывает, лишает возможности думать о ком-либо еще. В детстве Юля на Парамонова внимания не обращала, может, потому, что он был старше. Несколько лет разницы в возрасте для школьников – пропасть. А в зрелом возрасте все иначе. Сазонова стала ходить за Игорем по пятам, окружила его заботой.

Марфа взяла салфетку.

– Хорошо помню, как Игорь позвонил мне в полнейшей растерянности: «Марфушенька, помнишь Юлю Сазонову?» Конечно, я ее и не забывала. Игорь продолжил: «Она мне сегодня рано утром принесла собственноручно приготовленный завтрак. Вот уж я удивился! Сказал ей: «Большое спасибо, на самом деле я люблю сырники. Но не надо их для меня готовить». Юля в слезы: «Почему? Помню, как ты в детстве говорил:

«Без творожничков утром день не удался». Тебе их мама всегда жарила. Теперь ее нет, зато есть я». Я аккуратно объяснил ей: «Не стоит тебе готовить и приносить мне еду». Она... бегом к окну на лестничной клетке, распахнула его, тарелку выкинула, на подоконник вскочила: «Раз я тебе не нужна, то мне и жить незачем».

Марфа скомкала салфетку.

– Представляете?

– Не очень приятная ситуация, – заметила я. – И как поступил Игорь?

Марфа поморщилась.

– Он был слишком деликатен, до идиотизма, Гарик бросился к ней, снял истеричку с подоконника, потом стал покорно есть ненужные ему завтраки. Я его предупреждала: «Гарик, с Юлей так нельзя. Она, как Аги, непременно своего добьется, станет твоей женой». Он рассмеялся: «Марфинька, это невозможно. У меня к Сазоновой нет никаких чувств, кроме жалости». Спустя несколько месяцев Игорь мне позвонил, попросил срочно о встрече и сообщил: «Юля беременна!» Я ахнула:

– От тебя?

Игорь смутился:

– Ну... она так говорит! Я не помню.

И рассказал дивную историю. В конце августа Сазонова пригласила Игоря на свой день рождения. Он попытался отвертеться, но она стала плакать, говорила:

– Ну почему все отказываются?

Актер, как всегда, пожалел ее, приехал к ней домой и оказался единственным гостем. Стол был накрыт на десять человек, а явился один Гарик. Он видел, как расстроена хозяйка, поэтому постарался изо всех сил развлечь ее. За все годы нашего знакомства я ни разу не видела, чтобы Игорек больше пары глотков вина выпил. И он никогда не пьянел. Но в тот вечер его капитально развезло.

Утром он проснулся от громкого незнакомого голоса. И не сразу понял, что находится в кровати Юли. Она лежала рядом, на пороге комнаты стояла ее соседка, она пришла поздравить Сазонову с днем рождения. Гарик оторопел, а тетка заахала:

– Простите. Не хотела вам помешать! Юлечка пригласила меня выпить с ней кофейку в десять. Дверь к ней в квартиру была не заперта, я решила, что она ее открытой для меня оставила, вот и вперлась...

– Праздник вчера был, – возразила Юля.

– Да нет, – заспорила соседка, – у меня записано: двадцатое число.

– Ты ошиблась! – рявкнула Юля.

Тетка убежала. Игорь запаниковал, дождался, пока Юля уйдет в ванную, и унесся, забыв надеть ботинки. Шел по улице зимой в домашних тапках. А теперь известие о беременности.

– У вас что-то было? – напрямую спросила Марфа.

– Не помню, – признался Игорь, – но уверен, что нет!

– Как ты так надрался! – возмутилась Неписайкина.

– Всего-то пригубил белого вина, – оправдывался артист, – я не любитель горячительного.

– Она врет! – отрезала Марфа.

– У нее есть справка от гинеколога.

– Купила.

– Зачем?

– Чтобы ты на ней женился!

– Нет-нет. Зачем я ей? – пробормотал Парамонов.

Через неделю о том, что Юля ждет ребенка от артиста, знал весь город. Игоря стали поздравлять... Понимаете, чем все завершилось?

– Свадьбой, – вздохнула я.

– Угадали, – поморщилась Марфа. – Ребенок так и не родился, у Юли случился выкидыш. Брак моему другу детства на пользу не пошел. Гарик превратился в тень, похудел, побледнел, осунулся. Не один год он мучился. Со мной он почти не общался, потом вдруг позвонил: «Еду в Москву. Николай предлагает устроить меня в столичный театр. Но квартиру не дают, только общежитие. Коммуналка на три семьи. Нам досталась одна комната, десять метров. Сомневаюсь, что Юлия согласится ехать в столицу на таких условиях. Я предложу ей такой вариант: временно еду один, зарабатываю денег, снимаю приличные апартаменты, и тогда она перебирается в Москву». Я сразу поняла: Игорь хочет наконец-то избавиться от жены.

– Проще было развестись, – удивилась я, – убегать из города, где у тебя прекрасная работа, любовь зрителей, хорошая квартира, приличная зарплата, в столицу, где придется жить в крохотной комнатенке в общаге... И в театре небось главных ролей не дадут, в Москве своих звезд хватает.

– С Юлией разорвать отношения невозможно, – поморщилась Марфа, – ну поставят им штампы в паспорта. И что? Сазонова из квартиры Гарика никогда не уедет. Она в него вцепилась акулой, обманом на себе женила. Разве такая его отпустит? Но я полностью с вами согласна, поэтому уговорила Игоря, прежде чем говорить с женой, побеседовать с Николаем подробно, выяснить, что предлагают ему в столице. Ну и попросить мужа сестры на первых порах помочь нормальное жилье Игорю

снять. Олигарху это раз плюнуть, капля в его денежном море. Приятель внял голосу разума и один подался в Москву. Юле ничего не сказал, не хотел, чтобы она за ним увязалась. Ну и все!

Глава 27

– Все? – спросила я.

Марфа сделала глоток остывшего чая.

– Он уехал на первой электричке, днем позвонила Юля в истерике: «Где мой муж?» Я ответила ей: «По какой причине ты его у меня ищешь?» Юльку понесло, она наговорила мне гадостей и отсоединилась. Днем у меня в кабинете зазвонил стационарный аппарат, это оказался Игорь.

– Я сейчас у Аги дома, не по сотовому говорю, он сел, по городскому телефону. Мобильный твой номер не помню, а обычный засел в памяти. В театре мне ничего не обещают. Коля договорился, что меня возьмут, но ролей нет. Коллектив огромный, актеры по пять лет ждут, что им «карета подана» на сцене сказать позволят. Не хочу стать одним из толпы. Останусь в Гольяновске.

Я обрадовалась:

– Вот и хорошо.

Гарик прошептал:

– Но тут большая проблема назрела. Аглай требует, чтобы я переехал в Москву. Лариса за мной по пятам ходит, тоже просит остаться, шепчет: «Мама меня совсем запинала, на улицу одной выйти не разрешает», и... Ой!

Игорь не договорил, послышался шорох, потом в ухо Марфе завизжала Аги:

– Хватит лезть в нашу семью! Брата против меня настраиваешь! Не хочешь Игоря от себя отпускать? Решила его охомутать?

Я молча слушала владелицу дома престарелых. В голове мелькнула мысль: как хорошо, что в нашей семье нет таких особ, как Аглай. А Марфа все говорила и говорила.

Неписайкину до глубины души возмутил намек подруги детства на то, что у нее с Игорем любовная связь, она пришла в негодование.

– Парамонова, опомнись! Я давно и счастливо замужем.

– Ой-ой-ой, – издевательским тоном пропела Аги, – кому штамп мешает! Кстати, я давно Горелова! Перестань меня Парамоновой звать. Эй, Ларка, ты где?

– Хочу в Москву поехать, погулять, – раздался голос дочери невменяемой бабы.

Послышался стук, похоже, Аги швырнула куда-то трубку, а та не

отключилась, упала и продолжала работать. Неписайкина беседовала с Игорем по обычному телефону, он не отключается, как мобильный, если по нему долгое время никто не говорит. Марфа стала невидимым свидетелем скандала. Да какого! Аглая орала на Ларису, нецензурная брань мешалась с плачем девушки. На секунду мать вдруг затихла, и тогда Лара прорыдала:

– Мама, мне уже не пять лет! Я замуж хочу. А как жениха найти, если ты меня никуда не отпускаешь.

– Ларка! Назад! – завопила Аглая. – Игорь, кретин, ты не вернешься в сраный Гольяновск. Все. Хватит. Молчать! Я тут главная! Делайте все, как я велю! Девчонка...! ...!

Лариса завизжала.

– Нет, нет! – закричал Николай. – Нет!

– Гарик! – истошно заорала племянница. – Дядечка, любимый!

– Игорь, – вторил ей Николай, – Игорек! Дорогой!

Потом Марфа услышала громкий треск и хруст. Похоже, в доме олигарха началась драка и кто-то наступил на трубку.

Через час Марфа стала звонить Игорю, потом Ларисе, Николаю, Аглае, но все сотовые были выключены. Домашний номер не отвечал. Неписайкина подождала немного, повторила «серию» звонков, не добилась успеха и, преодолев нежелание общаться с Юлией, звякнула той на мобильный.

– Чего надо? – буркнула в трубку Парамонова.

И тут же раздался резкий короткий звук: «у-у-у», потом стук, шум. Связь оборвалась. Через пару секунд Юля сама соединилась с Марфой, на сей раз она была любезной.

– Извини, какой-то сбой случился, в ухе так загудело и застучало, что голова заболела. Что ты хотела?

– Где Гарик? – спросила владелица дома престарелых.

– Он уехал.

– Не звонил?

– Нет! – рассердилась Парамонова. – Что за праздное любопытство? Отстань, я спать хочу! Уже поздно. Я в кровати.

И разговор оборвался.

В большой тревоге Неписайкина провела пару суток, постоянно держа в руке трубку. Но мобильные Ларисы, Коли, Игоря, Аглай по-прежнему не отвечали. На третий день неизвестности Марфа в поисковике нашла контакт головного офиса Николая и, потратив целый час, в конце концов получила номер сотового его секретаря.

– Алло, – прошептал в трубке мужской голос на фоне «Реквиема» Моцарта.

– Вы Артем? – обрадовалась Марфа.

– Перезвоните позже, сейчас все на похоронах, – скороговоркой произнес помощник Горелова.

– Кто, кто умер? – в панике заорала Марфа, но собеседник уже отсоединился.

Неписайкина попыталась еще раз связаться с секретарем, но тот отключился от сети. Марфа позвонила Юлии и осторожно спросила:

– Как дела?

– Чего тебе надо? – не замедлила схамить Паромонова.

– Игорь приехал?

– Нет, – буркнула Юля, и в сердце Марфы словно вонзились острые когти, она поняла: случилась беда.

Вечером в квартире Неписайкиной раздался звонок, на дисплее высветился телефон Ларисы.

Марфа немедленно ответила:

– Что?

– Все, – прошептала Лара, – он умер.

– Кто? – тоже еле слышно осведомилась Марфа.

– Игорь!

Трубка чуть не выпала из рук Марфы.

– Боже!

– Инфаркт, – лепетала Лариса, – мама всех переругала, Гарик упал... на пол. Мне тоже плохо стало, я ничего не помню. Отец вызвал «Скорую», но она не успела! Игорь на месте умер! Сегодня его похоронили.

– Ларочка, почему вы мне не сообщили? – заплакала Марфа.

– Отец невменяемый совсем, – шептала та, – я тоже, и мама.

– Мама! – разозлилась Марфа. – Кто брата до сердечного приступа довел? Я все слышала! Как она на тебя орала, Игорю запретила домой возвращаться. Ты плакала.

На секунду в трубке стало тихо, потом Лариса изумилась:

– Но тебя же с нами не было! Ты в Гольяновске!

– Трубка где-то валялась, вы ее не отключили, – пояснила Марфа, – вот я и стала невидимым свидетелем скандала. Сначала Аги бушевала, потом Николай закричал: «Нет-нет», ты зарыдала...

– Мама схватила Игоря, – всхлипнула Лариса, – за руку. Она категорически возражала против его возвращения домой, хотела, чтобы он перешел в московский театр, жил с нами, обзвывала его жену... Я не стану

повторять, какими словами...

– Редкий случай, когда я солидарна с Аглаей, – вздохнула Марфа, – ее оценка Юлии совпадает с моей.

– Мама говорила: «Ты гниешь в провинции, надо разводиться, войти в московскую труппу, жить у нас», – пояснила Лариса, – дядя возражал: «Мне роли здесь не светят, а просто числиться в труппе я не хочу, мечтаю играть». Мама голос повысила... ну... и... Игорь... сел на пол, потом лег... глаза закатил... папа закричал... Дальше я все смутно помню. Кто что делал... На меня будто одеяло набросили, не вижу, не слышу, говорить не могу. Извините, Марфа... Я все дни до похорон провела в больнице около мамы, ей очень плохо. Она голос потеряла. Онемела от горя!

– Так ей и надо! – воскликнула владелица дома престарелых. – Брата убила! Пусть теперь всю жизнь плачет и думает о своем дурном характере. Скотина! Мерзавка! Хамка!

– Ты злая гадина, – вдруг закричала Лариса, – никогда не буду с тобой общаться! Не смей так про мою маму говорить!

Неписайкина развернула руками:

– Злые слова у меня на волне стресса вырвались. Я была ошарашена известием о гибели Игоря, вот и не сдержалась. Разве я неправду сказала? Аги своим поведением, агрессией, любой спровоцировала инфаркт у Гарика. Другое дело, что не стоило Ларисе в день похорон ее любимого дяди это говорить, но я не оклеветала ее мать. И мне сразу стало стыдно. Я попыталась связаться с Ларой, извиниться хотела, но поняла: мой номер заблокирован. Подождала пару дней, решила с Аглаей побеседовать, соболезнование выразить. И подруга детства, и Николай меня в игнор отправили. Так меня их поведение задело! Ну, думаю, ладно. Непременно дозвонюсь, хотите вы этого или нет. Игорь был моим близким другом, я обязана его на девятый день помянуть. Вы меня лесом отправили? Я взяла мобильный телефон у нашего администратора и услышала: «Номер не обслуживается», и так несколько раз. Они все поменяли контакты. Нет бы мне остановиться, да меня в бок черт толкал, в уши пел: «Езжай к Гореловым домой». Адрес у меня был. Собралась и помчалась. И что?

– Вас не пустили, – предположила я, – ворота оказались заперты.

– Наоборот, открыты настежь, – возразила собеседница, – охраны не было. Я дошла до особняка, гляжу: рабочие повсюду суетятся. Ко мне подошел парень: «Вы привезли образцы плитки?» Я представилась, он пояснил: «Владельцы уехали. Куда, не спрашивайте, я понятия не имею. Нас наняли выполнять ремонтные работы. Покиньте территорию, пожалуйста». Вот и все, мне пришлось вернуться в Гольяновск.

– Вы так и не помирились? – поинтересовалась я.

– Лариса, Коля, Аги мне никогда не звонят, – грустно сказала Марфа, – сама я не стала их новые номера телефонов искать. Зачем навязываться, если люди общаться не желают? Вместе со мной они и Валентину из своей жизни вычеркнули. Сестра в своей газете напечатала некролог об Игоре, вернее, написала большую статью, очень теплую. Реакции на публикацию от родни покойного не последовало, хотя Валя подписалась своим именем, не псевдонимом, который использует для интервью и прочих материалов. В отличие от меня Валя иногда узнавала новости о Ларисе и Коле. Она мне рассказала о свадьбе Лары. Потом о награде, которую Аги получила на конкурсе мастеров кукол. Про скандал сообщила.

– А что случилось? – оживилась я.

Марфа открыла чайник с заваркой.

– Еще есть чаек. Налить?

– Спасибо, не надо, – отказалась я.

Хозяйка наполнила свою чашку.

– Говорят, близнецы во всем повторяют друг друга. Но Аги и Игорь были совершенно разными. Она сухая, эгоистичная, рациональная, даже в детстве свое поведение просчитывала. Дружить предпочитала с теми, кто ей мог быть полезен. Я за Аглаю все школьные годы писала всякие доклады, Валюша ей сочинения строчила. Юля не блестала умом и сообразительностью, но она ловко окна мыла, полы. Приходит очередь в классе дежурить, Юля с тряпкой-венником бегает, Аглай ею командует.

– Протри портреты на стенах. Подоконники помой.

Для меня было секретом: почему ее все слушались? Потом я поняла: Аглай приказывала уверенным тоном. Она ни на секунду не сомневалась, что любое ее повеление непременно исполнят. И его выполняли.

По окончании седьмого класса у нас началась летняя практика. Девочек отправили на швейный комбинат. Мне дали веник, швабру, велели заводоуправление мыть. Аглай же попала в цех, где делали сувениры: грелки на чайники в виде кукол. Может,помните такие? Сейчас я их нигде не вижу, а в советское время часто попадались. Девушка с длинными светлыми косами, глуповатым лицом, круглощекая, в русском народном костюме. Юбка на ней – простеганная ватой грелка. Красавицу на чайник сажали.

– Они мне очень даже нравились, – улыбнулась я. – Жаль, у нас дома такой не было. Родители не тратили денег на приятные мелочи.

– Советские люди экономили на всем, – кивнула Марфа, – в банке кредитов не давали, надо было иметь запас на черный день. С одной

стороны, это плохо, с другой – хорошо – проценты не надо выплачивать. Аглаю приставили к мастеру, та ей показала, как шить куклу. Аги увлеклась и начала мастерить... Думаете, принцесс? Нет, она шила Бабу-ягу, домового, черта, ведьм... Жуткие монстры. Но у нее здорово получалось. Прямо восторг. Наталье Ивановне Сиракузовой куклы очень нравились.

Я не поверила своим ушам.

– Кому?

– Аглая один раз приехала сюда, – сказала Марфа, – с ней прибыла женщина, Наталья Сиракузова. У нее была мачеха, очень пожилая. Старушка заговаривалась, падчерица опасалась за ее безопасность. Наталья очень просила меня приголубить мачеху, обещала платить за ее пребывание. У нас мест не было, но я пообещала переоборудовать в комнату одно хозпомещение. Они очень обрадовались. Наталья предложила мне на картах погадать, я вежливо отказалась. Аглая же подарила интернату жуткое страшилище, она сшила богиню Зла. Сиракузова ее расхвалила, спела осанну остальным куклам Аги. Но моя помошь не понадобилась, пожилая дама вскоре умерла. И вот, выверт судьбы, Наталья сама стала безумной.

Аглая дала мой телефон ее сыну Владимиру. Наталья Ивановна жила у меня до смерти. Похоронена на кладбище в Челябинске.

– Где? – уточнила я.

– Челябинске, – повторила Марфа, – звучит как Челябинск, только в середине не «б», а «п».

– Понятно, – протянула я. – А о каком скандале вы намекнули в начале нашей беседы?

– Во время нашего разговора с Ларисой она сказала, что Наталья Ивановна, мать Владимира, умерла недавно. Она психиатрическая больная, содержалась в интернате «Сад здоровья» под Челябинском.

– Зачем так далеко отправлять Наталью? – удивился Михаил Юрьевич. – Если захочешь навестить мать, придется лететь на самолете.

– Вероятно, сын вообще не хотел с ней видеться, – предположил Миркин. – Вдруг мамаша была совсем неадекватна? У моего приятеля бабка разум потеряла. Как они с женой намучались!

– Подождите, – остановила я сотрудников, – Лариса что-то напутала. В беседе с Марфой выяснилось, что Наталья Сиракузова до самой смерти жила в доме престарелых под названием «Сад здоровья» в Гольяновске. Но ранее это заведение имело адрес: село Челябинск. В середине не «б», а «п». Гольяновск стал разрастаться и поглотил село. Был Челябинск и нет его. Лариса точно не знает, где ее свекровь похоронена.

— Или она от неожиданности твоего вопроса ляпнула про Челябинск, — хмыкнул Димон, — поняла: не стоит называть верный адрес, и вывернулась, сказала про Челябинск.

Глава 28

– Пару лет назад Аглай, как обычно, участвовала в Международном конкурсе мастеров кукол, – сообщил Димон, глядя в монитор. – Ее работа «София на качелях» получила Гран-при, золотую медаль, диплом и восхищение членов жюри. На следующий день канал «Болтун» показал интервью с бабой из Рязани. Та обвинила жену олигарха в плагиате, дескать, она давно сделала «Аню на качелях» и выставила в «Инстаграме», а Аглай украла ее образ. «Отнимите у нее золотую медаль, дайте мне!»

Коробков щелкнул пультом.

– Внимание на экран. Вот вам обе работы. И как?

– Ничего общего, кроме темы, – воскликнула я, – девочка на качелях. Но это очень расхожий сюжет. Некоторые люди старательно разжигают скандалы, чтобы о них наконец-то громко заговорили. Марфа мне объяснила, что Аглай никак на это не отреагировала. А вот «Желтуха» и все остальные подобные ей издания подхватили тему. Лай начался в середине июля, это мертвый сезон для прессы. Знаменитости ринулись кто куда из столицы, звезд потянуло на море-океан. Случись эта история в сентябре, на нее никто бы не отреагировал, а в середине лета пресса любую чушь опубликует, только бы чем-то место в газете или журнале забить или эфирное время заполнить. Ну и что? Потякали недолго и замолчали.

– Настоящий скандал возникает, когда знаменитость отречивается. Ему гадость, он в ответ две, затем звезде три комка грязи швыряют в лицо... Ну и так далее. Аглай молодец, промолчала, – похвалил Коробков.

– Марфа полагает, что подруга детства не знала про глупую статейку, – заметила я, – это не похоже на нее: молча терпеть обиду. Я была в помещении, где располагается Королевство Шоколадного Пугала, и могу подтвердить: Аглай очень талантливый художник. Что тебя насторожило в куклах?

Димон опять взял пульт. Экран разделился на квадратики, в каждом появилось фото.

– Это куклы, которые Аглай представляла на конкурсы и выставки, – объяснил Димон.

– Правда здорово, – восхитилась Вера, – кропотливо сделано! Видно, что человек в изделия душу вложил.

– Смотрите, раз нравится, – милостиво разрешил Коробков и встал, – я скоро вернусь. Вам хватит времени налюбоваться.

Мы с Верой стали листать снимки и пришли в еще больший восторг.

– Она обожает детали, – пришла к выводу Трофимова, – мелочи. Посмотри на эту сумочку. Размер у нее чуть меньше коробка со спичками, но она вся расшита пайетками, есть застежка с пряжками.

– Странно, что женщина, характер которой совсем не сахар, занимается такой кропотливой работой, – пробормотала я, – думала, что такие личности долго на одном месте усидеть не способны.

– Гневливость и усидчивость не всегда идут рука об руку, – заметил Михаил Юрьевич, – иногда они лучшие друзья. В психиатрических лечебницах успешно применяют арт-терапию: рисование, лепку. Шитья, правда, нет. Иголки, ножницы – это острые, опасные предметы.

– И карандашом убить можно, – заметил Федор, – да и пальцем тоже. Если есть желание ближнего на тот свет спровадить, человек и без острых режущих обойдется.

– Ты прав, – согласился Ершов, – значит, после смерти Игоря отношения у друзей детства испортились?

– Они прекратились, – объяснила я. – Марфа и сестра Валя давно не общались с Аглаей, не встречались с ней. А вот Лариса приезжала к владелице дома престарелых в слезах. Визиты ее случались несколько раз в году, когда ее мать и отец отправлялись на отдых или лечение. Они, как правило, уезжали в Европу недели на две, на три. Когда Лара училась в институте, она не летала с родителями, говорила: «Не могу пропустить лекции, нахватую двоек на сессии». Но едва лайнер с Аглаей и Николаем взмывал в небо, студентка мигом забывала про отметки и мчалась к Марфе. Та служила ей подушкой для рыданий. Лара жаловалась на мать, она не давала дочери никакой свободы. Еще Лара выражала недовольство отцом:

– Он тюфяк, всегда занимает мамину сторону. Сколько раз я его просила: «Вели ей от меня отстать. Почему ты молчишь, когда твоя жена меня в пыль растирает?» А он сразу в кусты. «Зачем нам вместо маленького костра разжигать вселенский пожар? Аги покричит и утихнет. Ты должна уважать мать, слушаться ее. Почему она на тебя нападает? Потому что ты всегда по-своему поступаешь». Один Игорь мне сочувствует и ты!

– Видно, муж по-настоящему любил Аглаю, если так себя вел, – вздохнула Вера, – как правило, мужики скандалисток не любят. Ну, кроме мазохистов.

– Лариса перестала навещать Марфу, – продолжала я. – Вскоре после смерти Игоря Лариса вышла замуж. Полагаю, Владимира в дом привели или мать, или отец. Правда, Лариса утверждает, что они с Сиракузовым познакомились в метро. Но, думаю, она лукавит. Не могу представить

единственную дочь олигарха всю в «Шанели», «Дольче Габанна» и «Диоре» в столичной подземке.

– Она там за свою сойдет, – хохотнула Вера, – в каждом вагоне полно таких, в платьях якобы за миллион и с сумками за два «лимона» в цепких лапках с криво сделанным в салоне при бензоколонке маникюром. Вернее, это они думают, что дорого выглядят, считают, что пиратские копии безупречны, от оригинала их не отличишь. Три ха-ха! Богатая кисонька с ридикюлем ценой с грузовик валюты, и в платье, которое как джип стоит, в подземку не спустится. Маникюр-педикюр, стрижка-укладка у нее всегда высший класс. Зубы в идеальном состоянии. Волосы здоровые, блестящие. И взгляд королевы. А когда ногти тебе подружка косо накрасила, а волосы ты сама в тазике вытравила... Смешно видеть такую лахудру с сумкой Шанель в метро. Ржачка просто.

Я остановила Трофимову:

– Вера, не стоит строго судить девушек. Они мечтают о модном аксессуаре, а денег на «родной» нет, вот и приобретают заменитель. Что они тебе плохого сделали? Едут тихо, ощущают себя красавицами. Ну и пусть. Вернемся к делу. Думаю, ты права, Аглай не из тех, кто разрешит дочке самой жениха выбирать. Просто Ларисе неудобно признаться, что мать ею во всем руководит, вот она и приврала насчет подземки.

– Мой отец в далекой юности тонул в реке, – вдруг сказал Ершов, – его друзья вытащили, откачали. У папы навсегда остался страх перед водой. Он сам на море не ездил, в бассейне не купался и запрещал все подобные развлечения семье. Когда в сентябре ребята в моем классе рассказывали, как они на пляжах веселились, я всегда врал: «С родителями в горы ходил! Мы альпинисты». Ну не мог я признаться, что мы у бабки в деревне жили, а отец каждое утро истерил: «Не смейте к речке приближаться». Какое-то происшествие может здорово повлиять на человека. Сестра, которая видела смерть брата, могла слететь с катушек. Но Аглай кардинально изменилась после смерти Игоря. Прямо стала другим человеком. Возможно, она отпустила от себя Ларису, перестала ее грызть.

– Почему вы так решили? – удивилась я. – Когда я была в доме, мать не забывала делать дочери замечания. Мне сразу стало ясно, кто там хозяин.

– Ну так она и впрямь главнокомандующая, – заметил Димон. – После смерти Николая вдове отшло не все состояние, кусок пирога и дочери достался. Лариса может спокойно купить дом или квартиру, уехать от матери, жить с мужем. Но Лара предпочла остаться с Аглай. Значит, им всем комфортно вместе. Михаил, почему вы решили, что вдова сильно

изменилась? На мой взгляд, она прекрасно выглядит! Не красавица, мужеподобная, но вполне себе ничего.

– Не о внешности речь, – усмехнулся Ершов. – Дима, верни снимки кукол.

– Если дадите мне пирожок, я на все соглашусь, – пропел Коробков, – вуала вам, битте зыринг!

– Обратите внимание на снимки, которые сделаны до кончины Игоря, – попросил психолог, – мастерство Аглай растет от работы к работе. Выставки, конкурсы проводятся несколько раз в году, она участвует в каждом мероприятии. Что мы видим? Баба-яга! У нее злобное лицо, во рту один золотой зуб, на шее ожерелье из костей, в придачу серьги-черепа, браслет из кошачьих голов, ботинки украшены человеческими глазами. Жуть! Увидишь такое, не заснешь. Но работа искусственная, фантазии море. Змей Горыныч, Кощей Бессмертный, Соловей-разбойник – от всех мороз по коже дерет. Это год ее увлечения русскими народными сказками. Потом Аглую шатнуло в греческие мифы. Минотавр. Ехидна. Горгона, химера... Она же могла сделать Афродиту, Венеру, Амура... Ах нет! Даму привлекали злобные герои. Что дальше? Вампиры, вурдалаки, летучие мыши, Синяя Борода. Несколько героев из кинофильмов, все они маньяки. Отличный набор. Можно поставить диагноз. Последний монстр был показан за несколько недель до смерти Игоря. Потом год перерыва, Аглай не участвует ни в одном мероприятии. И на очередной выставке мы видим... Кого?

– Принцессу, – протянула я, – прелестную блондинку в розово-воздушном наряде, красавицу.

– И это не одинокая кукла, – уточнил Михаил Юрьевич, – сидит в гостиной, пьет чай. Вокруг сказочно прекрасный интерьер. Мебель, сервиз, занавески, ковер, люстра – все сделано с поразительным мастерством. Дима, можешь увеличить комод?

– Раз, два, – сказал Коробков, – вот вам.

– Дверцы резные, – восхитилась Вера, – ручки перламутровые.

– И с тех пор Аглай создает только добрых кукол, – подытожил Ершов. – По какой причине она растеряла кипящую в ней злобу, обрела душевное равновесие и поменяла цвет творчества с черного на белый?

– Не знаю, – растерялась я.

– Превращение случилось в тот год, когда умер Игорь, – повторил Михаил Юрьевич, – после кончины брата Аги на время перестает участвовать в конкурсах, но потом опять появляется и вновь всех укладывает на лопатки.

– Что с ней случилось?

– Да надоело ей монстров производить, – предположила Вера, – устала от злости, переключилась на принцесс.

– Голубой, розовый период Пикассо, кубизм, чем бы он ни увлекался, он всегда оставался Пабло Пикассо, его «я» вылезало из всех работ. С Дали, Ван Гогом, со всеми великими художниками, музыкантами, литераторами те же истории, – продолжал Михаил Юрьевич. – Иногда живописец может удивить, кажется, что полотно создал не он, а некто другой. Но это первое впечатление. При детальном рассмотрении становится понятно: автор-то прежний. Но в нашем случае поменялся не стиль, а психологический посыл. Раньше человек нес в мир злобу, гнев, ненависть. И вдруг стал транслировать добро, терпение, любовь. Вместо черных, синих, коричневых, бордовых тонов переключился на розовые, голубые, салатные, белые. Окружил кукол красивым интерьером. Год Аглай ничего не делала. Где она его провела? У нас есть какие-то сведения?

Коробков почесал щеку.

– В день смерти Игоря сестру увезли в больницу. Ее положили, естественно, в очень дорогой медцентр Генриха Огарева. Диагноз: инсульт, проблемы с речью.

– Наверное, близнецы, даже такие, как Аглай, тяжело переносят потерю своего двойника, – вздохнула я.

– Лечилась она три месяца, потом выписалась, – договорил Димон, – сведений о дальнейших госпитализациях нет.

– Инсульт – серьезное заболевание, – заметила Вера.

– Он разный бывает, – уточнил Ершов, – похоже, у старшей Гореловой был не самый тяжелый.

Димон оперся ладонями о стол.

– В клинику Огарева Аглаю уложили с соблюдением всех формальностей через приемный покой с заведением медкарты. Но в ней ничего особенного я не вижу. Простое лечение. Обычное.

– Что-то произошло, – настаивал Ершов, – и это перевернуло мир Аглай. Интересно, что?

– Понимаю ваше любопытство как психолога, – вмешалась я в дискуссию, – однако нас интересует не вдова. А Владимир. Да, Аглай прекратила производство монстров. И что? Для нас это ничего! Мы свернули с основной дороги и рисим по зарослям в ненужном направлении. Давайте вернемся к Сиракузову и Юлии. Что она делала после смерти Игоря?

– Сдала квартиру в Гольяновске, – отрапортовал Коробков, – соблюла

все формальности, составила договор долгосрочной аренды. Уехала в Москву. Сняла однушку в микрорайоне, где селятся в основном гастарбайтеры. Устроилась на работу в один салон, в другой, пятый... десятый. Потом перестала стричь-красить клиентов, наверное, у Юлии это плохо получалось. Решила работать администратором. Богатой вдовой ее никак не назовешь, после кончины Игоря Юле досталась скромная квартира. Ну-ка, что там у него еще было? Денег в банке нет. Актер кое-как сводил концы с концами. Сейчас еще тут посмотрю. О! У него была баба! В Москве!

– Что навело тебя на эту мысль? – поинтересовалась я.

– Так деньги, – ухмыльнулся Димон, – и фото в прессе Гольяновска.

– Местные папарацци поймали свою знаменитость в пикантной ситуации? – обрадовалась Вера. – Снимок напечатали, Юлия его увидела и решила отомстить!

Михаил Юрьевич кашлянул.

– Хорошая версия, жизненная. Если муж завел на стороне даму, законная супруга чаще всего приходит в ярость! И готова мстить! Охо-хо! Стоит вспомнить пьесу «Медея», чтобы понять, на что способна обиженная жена. Мда.

– Но Игорь не любил Юлю, – подал голос Миркин, который сегодня почему-то не отличался многословием, – она его на себе обманом женила. Еще ей мягкий мужик попался, другой мог бы по шее за лжебеременность накостылять и развод потребовать. Почему он с ней жил? Дурак совсем? Я уверен, если у него баба была, Юля точно о ней знала! Такие, как она, всегда за благоверным следят, в его телефоне роются, в соцсетях под чужим именем регистрируются. Одна моя знакомая, весьма ревнивая, стала с муженьком в интернете кокетничать, тот повелся, пригласил бабенку из сетей в ресторан. Сидит за столиком, весь одеколоном провонял... И тут! Е-мое! Жена приперлась! Чем все закончилось? Они развелись! Провокация ей боком вышла!

– Трагическая история, – остановила я Федора, – плакать после нее хочется, но давайте вернемся к работе.

– Так мы и не отвлекались, – сказала Вера, – Федя просто развил мою мысль: Юлия в процессе слежки за Игорем увидела его с другой, от ревности потеряла голову и...

– Вылила ведро удобрений на машину! – перебил Трофимову Миркин.

– Отлично, – усмехнулась я, – а теперь объясните, почему дермо досталось Владимиру, да еще сейчас? Игорь-то давно умер! Какое отношение Сиракузов имеет к любовной истории Парамонова?

– Ну... может, он покрывал артиста, – предположил Миркин, – помогал ему?

Я пошла к чайнику.

– Федя! Владимир женился на Ларисе уже после смерти Игоря.

– И что? – удивился Миркин. – Может, они раньше познакомились?

Я налила в чашку кипяток и бросила в него пакетик чая.

– Дима, почему ты решил, что у покойного была любовница?

– Судя по счетам, Игоря не назовешь богатым и даже обеспеченным человеком, – завел Коробков, – но он был очень аккуратным. Получал очередную зарплату и в тот же день платил за коммунальные услуги, мобильный телефон. Оставалось ему совсем немного. Но! Я нашел у него еще один счет в московском банке, там копились неплохие денежки. Возможно, он где-то еще работал, без оформления. Вечеринки вел, например. К этому счету у него была кредитка.

– То есть у него было две карты? – уточнила я.

– Ага, – подтвердил Коробков, глядя на экран ноутбука, – именно так. Одна к денежному водопроводу, из которого капало на продукты и бытовые мелочи. Игорь вовсе не шиковал, я вижу его покупки. Он питался однообразно: каши, творог, кефир, йогурты, сыр. Колбасу не ел. После женитьбы на Сазоновой у него добавилось расходов, он стал регулярно снимать разные суммы. Подчеркиваю: брать в банкомате. Что-то мне, женатому человеку, подсказывает: денежки падали в лапки супруги. Он ее точно не любил.

– Это ты узнал исходя из его расходов? – ухмыльнулась Вера.

– Да, – без тени улыбки ответил Димон, – у меня есть Лапуля. Она работает, получает зарплату, у нас общий бюджет, мы кладем деньги в тумбочку и берем оттуда. Я жене доверяю, хотя знаю, что она может пойти в супермаркет за кефиром для ребенка, увидеть по дороге симпатичную кружку с изображением кошек и купить ее. Дурацкие приобретения Лапули меня не злят, скорее веселят. Ну кто еще может притащить из лавки щетку для обуви, в ручку которой вделано зеркало? Зачем оно там? Чтобы любоваться на себя, когда штиблеты полируешь?

– Все бабы одинаковы, – обобщил Миркин, – обезьяны! Увидят розовое, блестящее, мимишное и тянут к нему руки.

– Феденька, вам на редкость повезло с дамами, – произнес Михаил Юрьевич, – розовое, блестящее, мимишное, как правило, не очень разорительно для кармана. Купите своей девушке зайца с бантом на шее, и она будет счастлива, и кошелек не плачет. Мне же в последние годы попадаются другие прелестницы, они любят небольшие бархатные

коробочки с чем-нибудь сверкающим внутри. Поверьте, Феденька, собачка из искусственного меха значительно менее разорительна для счета в банке. Поэтому радуйтесь, что ваши девочки в восторге от пустяков.

– Игорь не оформил Юлии кредитку к своему счету, – сказал Димон, – он ей отсчитывал деньги наличкой. Значит, не доверял жене, не хотел с ней доход делить. И давал ей жалкие тысячи. А вот со счетом, куда сливались левые заработки, другая картина. Там солидный доход и крупные расходы, в основном деньги оставались в ювелирных магазинах, приобретались серьги, браслеты, кольца. И ежемесячно по пятym числам со счета уходила одна и та же сумма. Думаю, он снимал квартиру в Москве.

– Почему в Москве? – спросила я. – Мог в Гольяновске норку найти. Город не такой уж маленький.

– Это так, – согласился Михаил Федорович, – но Игорь – местная звезда, он узнаваем. Если пойдет налево, весь город скоро в курсе будет. До столицы недалеко. И, возможно, его любовница – москвичка.

– Вспомнилась мне одна история, – забубнил Коробков, – но нужно время, чтобы проверить! Покопаться требуется.

Мой телефон звякнул, пришло сообщение. «Уважаемая Татьяна, напоминаем вам о посещении нутропсихоэкогенетикотерапевта. С радостью ждем вас через час». Я опешила. Не помню, чтобы собиралась к такому специалисту. Но делать нечего, придется ехать.

Глава 29

– Да, да, да, – затараторила тренер Алена, – вы записаны к Леониду Емельяновичу. А он всегда так занят! Я очень обрадовалась, что у него местечко освободилось! Побежали, отведу вас прямехонько в его кабинет.

– Мне никто не сказал о посещении доктора, – пожаловалась я, шагая за ней по коридору.

– Как? – всплеснула руками Алена. – Я вам сама говорила!

– Вы? – изумилась я. – Мне?

– Я! Вам. Еще спросила: «Вторая половина дня вам подойдет?» – не смутилась тренер. – Услышала в ответ: «Да мне без разницы. Я сама себе хозяйка».

Я опешила. Я это говорила? Сама себе хозяйка?

Тем временем моя спутница подошла к двери кабинета и нажала на кнопку, вмиг вспыхнуло табло «Свободен».

– Идите, – велела Алена, – Леонид Емельянович – супер!

Я вздохнула и вошла в комнату.

– Имя? – не поворачиваясь от компьютера и забыв поздороваться, заорал эскулап.

– Таня Сергеева, – представилась я.

– Вы по записи?

– Да.

– Вас там нет. До свидания.

В полной растерянности я вышла в коридор и позвонила Алене. Через секунду из-за поворота донесся ее нервный голос:

– Ненавижу компьютер! Вечно он глючит! Верните бумажный журнал!

Потом появилась тренер, вихрем пролетела мимо меня и без стука вбежала в кабинет врача. Дверь за собой она не захлопнула, створка осталась полуоткрытой. Я услышала диалог:

– Сергеева у вас сегодня по записи!

– Да.

– Почему вы ее не приняли?

– Сергееву?! Так она не заходила!

– Я с ума сейчас сойду!

– Психиатрические проблемы не мой конек. С ними обращайтесь к Нине Олеговне.

– О боже! Вы невыносимы!

– Что дурного я сказал? Если понимаешь, что психика травмирована, то лучше иди к Нине.

– М-м-м, – простонала Алена и выскочила в коридор. – Танюшенька, вы зря ждете, что вас вызовут. Надо просто войти.

– Так вы сами впустили меня в кабинет, – напомнила я.

Алена опешила.

– Ага. Значит...

Тренер исчезла, я опять стала слушать чужой разговор:

– Леонид! Очнитесь! Она к вам заходила!

– Сергеева?

– Да!

– Нет!

– Да!

– Нет!

– Я сама ее впустила!

– Куда?

– Сюда!

– Нет! Сергеевой не было!

Мне надоело зря терять время, поэтому я без приглашения вошла в кабинет со словами:

– Доктор, вы сказали, что меня нет в записи.

– Верно, – согласился Леонид.

Алена всплеснула руками:

– Так она здесь появлялась?

– Эта женщина? Да, – кивнул врач.

– Перед вами Татьяна Сергеева! – вконец разозлилась тренер.

– Нет, – возразил доктор.

– Леонид Емельянович, – сказала я, – вы еще спросили у меня имя.

– Не надо делать из меня маразматика, который потерял память, – разгневался доктор. – Я всегда знакомлюсь с пациентом, которого впервые вижу. И одновременно отсекаю тех, кто лезет без записи. Ко мне прет тьма народа!

– Сейчас в коридоре никого нет! – язвительно заметила я. – Дала четкий ответ на ваш вопрос: я Таня Сергеева.

– А у меня написано: Татьяна Сергеева. Тани Сергеевой нет! – заявил Леонид.

У меня пропал дар речи, у Алены, похоже, тоже, мы обе молча уставились на эскулапа, а тот вещал дальше.

– Я спросил имя! А она сказала: Таня Сергеева!

– Таня и Татьяна одно и то же имя, – отмерла Алена.

– Ах нет! – завопил доктор. – Таня – это Таня. Татьяна – это Татьяна!

Я попытилась к выходу, но Алена схватила меня за рукав.

– Доктор! Перед вами точно пациентка по записи! Начинайте прием.

– Лучше я домой пойду, – пробормотала я.

– Садитесь, – велел мне врач, – недоразумение прояснилось. Итак! В карте указан ваш возраст. Выглядите вы лет на десять старше. Из кокетства годы скосили?

– Не имею привычки поступать таким образом, – возразила я.

– Плохо выглядите, – заахал Леонид, – лишний вес вас старит. Не переживайте. Разберемся. Можете вы большим пальцем правой руки коснуться правого запястья?

Я попыталась выполнить этот трюк и потерпела неудачу.

– Угу, не получилось, – пропел Леонид, – а кончиком языка дотянется до носа?

– Не-а, – пропыхтела я, пытаясь выполнить поставленную задачу.

– Мда. А до уха?

– Языком? – опешила я.

– Пальцем правой руки, – хмыкнул врач.

– Легко, – обрадовалась я, – вот,смотрите.

– Эге, – кивнул Леонид и что-то написал на листе бумаги. – Вам было больно?

Я удивилась вопросу.

– Когда?

– В момент прохождения теста.

– Конечно, нет!

– Прекрасно. Следовательно, вы не будете бояться и нервничать, если я продолжу опрос, только оснащу вас макробиологическим шлемом.

– Ладно, – согласилась я.

Врач вынул из шкафа нечто похожее на головной убор танкиста, только от него в разные стороны торчали провода, и сунул его мне.

– Сажайте это на волосистую часть черепа.

Я выполнила приказ.

– Роскошно, – похвалил меня эскулап. – В путь. Кто лучше: собака или кошка?

– Обе хороши, – улыбнулась я.

– Нужно выбрать что-то одно.

– Собака.

– Почему?

– Ну... просто... я так сказала.

Леонид укоризненно цокнул языком.

– Татьяна, «просто» болтать нельзя, иначе получится неправильное нейропсихиатрическое обследование. Сейчас выясняю, из-за чего вы бесконтрольно жрете.

Я вздрогнула:

– Я ем не так уж много.

– Малоежка не достигнет ваших размеров.

– Я что, похожа на слона? – обиделась я.

– Нет. Но и бабочкой вас не назовешь, – отрезал доктор. – Давайте перестанем говорить о ерунде и займемся работой. Значит, собака?

– Да, – кивнула я.

– Московская сторожевая, пудель, мопс, чихуахуа, левретка? Какая из них ваша?

Я не очень-то разбираюсь в породах. Пудель – единственный, кого я хорошо себе представляю (кроме французских бульдогов), поэтому я и назвала его.

– Черный? Белый?

– Светлый, – решила я.

– Отвечайте точно. Черный или белый?

– Белый.

– Сука? Кобель?

– Девочка.

– Сука? Кобель?

– Сука.

– Ясно.

– На столе лежат нож и ложка. Что вы возьмете?

– Смотря какое блюдо подали.

– Не важно. Вам предстоит весь день питаться с помощью этого прибора. Нож или ложка?

Я задумалась. Весь день? Значит, я буду пить чай, вероятно, на завтрак будет творог, йогурт. С ножом неудобно.

– Ложка.

– М-м-м. Вы замужем?

– Да.

– Супруг мужского или женского пола?

Я хихикнула. Гениальный вопрос!

– Мужского.

– О-о-о!

- Что не так?
 - Серый, зеленый, голубой, розовый. Какой цвет вы предпочитаете?
 - Для чего?
 - Просто отвечайте.
 - Не могу.
 - Почему?
 - Если речь идет об одежде, то мне подходят серый и голубой. Если мы говорим об интерьере, то зеленый и розовый.
 - Цвет как цвет. Без того, чтобы думать о его прикладном значении. Чему глаз обрадуется?
 - Наверное, розовому.
 - Прекрасно.
- Врач ткнул пальцем в какой-то аппарат, из него выполз лист бумаги.

Глава 30

Леонид взял листок и откашлялся.

– Поскольку вы являетесь лесбиянкой-расисткой, нетерпимы к людям с темным цветом кожи, нам...

Я подпрыгнула.

– Что? Кто я?

Врач снисходительно улыбнулся.

– Здесь мы с вами вдвоем. Никто никогда не узнает о результатах обследования, вам не стоит стесняться. Надо принять собственные пристрастия, разобраться в них, и вес начнет падать. На данном этапе своей печальной жизни вы заедаете свой страх и стыд. Ну прямо демонстрируете картину из учебника, по которому учатся студенты первого курса психологического факультета. Результаты опроса никогда не лгут.

– Я счастлива замужем, – только и смогла возразить я.

– Неправда. Опрос свидетельствует, что вы мучаетесь и, чтобы избавиться от дурного настроения, едите все, что под руку попадет.

– Нет! – рассердилась я. – С чего вам в голову взбрело обозвать меня лесбиянкой! Да еще приписать мне ненависть к темнокожим людям?

Леонид вынула из ящика стола очки и посадила их на нос.

– Объясняю. Кошка, собака. Выбран пес. Вывод: тоска по дружбе, заботе, мечта жить в большой семье. Коты сами по себе, а псу необходима стая. Следовательно, вы страдаете от одиночества. Но у вас есть муж. Значит, брак неудачен. Из всех пород вы выбрали пуделя, светлого. Почему не черного?

– Не очень люблю этот цвет.

– Вот! Честный ответ. Вам не по вкусу все темное! Вопрос: можете ли вы выйти замуж за вождя африканского племени, которое ведет первобытный образ жизни? Только откровенно!

– Нет!

– Вот, пожалуйста, Татьяна, вы расистка.

– Дело не в цвете кожи, – начала отбиваться я, – племя явно живет в диких условиях, я просто не выживу в хижине без водопровода, ванной, газа...

– Не стесняйтесь себя, – остановил меня Леонид, – это ведет к ожирению. Из столовых приборов вы выбрали ложку, это символ женщины. А нож – мужчины.

– Как можно есть с помощью одного ножа? – возмутилась я. – Ложка же универсальный прибор, с ее помощью и кашу зачерпнешь, и котлетку разломаешь.

– Собаку предпочли, суку! Бежевого цвета. Почему не черного кобеля?
Я не нашла достойного ответа.

– Ну... просто так.

– Вот! Кругом бабы. И ни малейшего намека на черную кожу.

– У животных шерсть!

– Важен цвет! И пол. А уж любовь к розовому – отличительная черта лесбиянок.

– Сначала я говорила про голубой и серый цвета, – отбивалась я.

– В одежде! – напомнил доктор. – А когда просто так, то выбрали розовый. Любите сливы?

– Нет.

– Вот вам, пожалуйста! Они черные.

– Синие!

– Но не белые!

– С этим не поспоришь! Только этот фрукт я отвергаю не из-за цвета кожуры, – невесть почему стала оправдываться я, – от слив я получаю расстройство желудка. Понос!

– Как вы относитесь к абрикосам?

– Ем с большим удовольствием.

– Между прочим, они аналогично действуют на кишечник.
Расслабляют, как чернослив, – заявил Леонид.

Я опять растерялась.

– А у меня такой реакции нет.

Леонид постучал ладонью по столу.

– Вот-вот! Понимаете, что с вами творит психика? От слив у вас расстройство желудка! От абрикосов полный комфорт. Баклажаны употребляете?

– Нет, – сказала я помимо воли и прикусила язык.

Но слово, как известно, не муха, вылетит, не прихлопнешь.

– Отлично, – заликовал доктор, – прекрасный овош! А вы его отринули. Причина?

– Он горький, – пролепетала я, – кожа грубая.

– Кабачки? – прищурился Леонид.

– Сладкие, – пискнула я, – вкусные.

– У них шкурка дубовая, семечки здоровенные, жесткие, – промурлыкал хозяин кабинета.

– Кабачки легко чистятся, быстрее картошки, – возразила я, – семечки можно ложкой вынуть.

– Хлеб, полагаю, любите белый? – склонил голову набок доктор. Я молча кивнула.

– Черный хоть изредка употребляете?

– Нет, – прошептала я, – если он настоящий, ржаной, то кислый очень. Если он плохого качества, то и есть не стоит.

– Белый нынче часто смахивает на вату, но его вы лопаете! – несказанно обрадовался Леонид. – Почему вы сейчас в розовой рубашке?

Я пожала плечами.

– Такую надела. Хорошо смотрится с бежевой юбкой.

– А говорили: «В одежде предпочитаю серо-голубые тона», – не замедлил уколоть меня Леонид.

Я попыталась оправдать выбор сорочки:

– Небесный цвет не очень хорош в сочетании с песочным.

– Интересное наблюдение! – расцвел в улыбке собеседник. – У вас явно есть лишний вес, который скучковался в пьедестале фигуры. Дамы с такой проблемой стараются драпировать свой постамент во все черное.

– У меня есть и брюки черные, и юбка, – пробормотала я, – но они в чистке. И я совершенно не стесняюсь своей фигуры. Зачем мне ее прятать?

Леонид встал из-за стола, подошел ко мне и взял за руки.

– Татьяна, до тех пор, пока вы боитесь признать очевидное, вес будет прибывать. Скажите честно: «Я лесбиянка-расистка». И запустится программа похудения.

– Это неправда, – рассердилась я, – ваш опрос – чушь!

Врач вернулся на место.

– Классическая реакция: отрицание. Нежелание принять очевидное. Ладно. Начнем работу. Диета. Вы исключаете все светлое. Хлеб, макароны, печенье, абрикосы, капусту любую, бананы, картошку…

– У нее кожура коричневая, – возразила я.

– Дыню, яйца, творог, сахар, все молочные изделия, – монотонно перечислял врач. – Понятно? Ориентируетесь на внешний вид. Ясно?

– А что можно? – спросила я.

– Горький шоколад, свеклу, финики, сливы, черный хлеб, пасту с добавлением чернил каракатицы и так далее, – перечислил Леонид. – Носите одежду исключительно темных тонов. Все светлое под строгим запретом. Иначе я за результат не отвечаю. Он получится иным, чем вы хотите. Понятно?

Я решила не спорить и кивнула.

– Если будете дотошно соблюдать мои рекомендации, к Новому году перейдете в сорок четвертый размер, – пообещал хозяин кабинета.

В дверь постучали.

– Кто там еще? – рассердился врач.

Створка открылась, появилась бегемотоподобная дама, она стала громко возмущаться:

– Я пришла к назначенному времени. Жду, жду, жду, уже полчаса прошло. Сколько мне еще сидеть?

Я встала.

– Мы уже закончили.

Тетка немедленно села на мое место. Я вышла в коридор и потрясла головой. Нет, я никогда плохо не относилась к людям из-за цвета их кожи, волос или национальности. А уж о моей нетрадиционной сексуальной ориентации и говорить смешно... На секунду мне вдруг стало тревожно. Возникло ощущение, что я забыла нечто важное... Но мысли быстро переметнулись в другую область. Вероятно, я набираю вес, употребляя неправильные для себя продукты. Никто не полнеет от абрикосов, а меня от них разносит, моя еда – сливы. Просто лакомиться ими надо вечером дома, тогда я не буду искать в городе туалет! Надо внимательно изучить свой рацион, скорректировать его. Все-таки хорошо, что я посетила врача, хоть он и нес чушь. Но в любой груде чепухи можно найти микроскопический кусочек чего-то полезного.

– Наслушалась прохфессора? – раздался за спиной хриплый шепот.

Я обернулась и увидела женщину лет шестидесяти в синем халате. На груди у нее был бейджик «Любовь. Оператор уборочной машины». Мне стало смешно. Уборочная машина, наверное, тележка с ведром, шваброй, тряпками и прочей чепухой. Поломойка сейчас на нее опиралась.

– Наговорил ерунды? – продолжала Любовь. – Не обращай внимания, он с левой резьбой. На всю голову больной. Сказал мне: «Люба, вы мужчина в женском теле. Поэтому несчастливы в браке». Я чуть со смеху не упала. Двадцать пять лет со своим Сережей была несчастлива. Троих детей по несчастью сделали. Сейчас с несчастными внуками тетешкаюсь. Да только Леониду возражать, что в болото плевать. Толку ноль, он так уверен в своей правоте, что прямо завидно. Стоял, бубнил: «Меня вокруг пальца не обвисти. Всегда вижу, какая у человека секснаправленность. Вы мужчина, не стесняйтесь себя! Вижу, вы мучаетесь! Не подавляйте свои желания и тогда похудеете. А мне не надо вес терять, Серега любит меня, полненькую. К чему я тебе это говорю? Леонид спит с владелицей клиники, это она любовника к себе на работу взяла. Видишь на двери табличка

«Профессор»? Ха! Неправда это. Не верь дураку, ничего он не знает!

Люба огляделась по сторонам и понизила голос:

– Сюда ходит один мужик. Имени не скажу, права не имею, нормальный парень, полноватый немного, пожрать любит. Пришел вес терять. Вежливый, разговаривает хриплым басом. Аккуратный, только сильно одеколоном душится. Но по мне, лучше запах парфюмерии, чем пота, немытого тела и перегара. И тут! Алена, тренер, мне шепнула, что это женщина. Тран... сек...

Глава 31

– Транссексуал, – подсказала я.

– Точно! – обрадовалась уборщица. – Он баба. Операцию делать не хочет, просто одевается, стрижется, как мужик, за руками не ухаживает, лака на ногтях нет. Сама крупная, кость широкая. Все ее за парня держат, и Леонид, наш профессор, в их числе. Так и не понял ни разу, кто перед ним. Она Алене запретила кому-либо правду про себя сообщать.

– Женское лицо выглядит иначе, чем мужское, – ввязлась я в пустой разговор, – даже если у него грубые черты, все равно понятно, что перед тобой дама.

– Ты про гормоны не слышала? – удивилась Любовь. – Она их пьет, поэтому у нее бас и внешность мужицкая. Короче. Ты зачем к Леониду ходила? Худеть решила?

– Есть лишние килограммы, – призналась я, – но я пришла из-за мужа. Он в последнее время поправился, но отказывается этот факт признавать. И мы со свекровью придумали финт. Наплели супругу, что мне врач велел построить из-за здоровья, нашли клинику, а тут только семью принимают. Вот Иван и согласился сюда ходить. Не ради себя, ради меня.

– Отличный мужик, – одобрила Люба, – береги его.

– А когда меня тут на измерительный прибор поставили, я приуныла. Знала: есть у меня пара лишних килограммов, но не думала, что их так много, – вздохнула я.

– Здесь у них шахер-махер с весами, – ввела меня в курс дела Люба, – в первый день они новеньkim большую цифру показывают. А в последний – меньше, чем в реальности. Усекла?

Я кивнула. Любка вынула из кармана тюбик.

– Забудь про эту клинику. Обираловка. Только пойди у них на поводу, и тебе кранты. Ощиплют, как коза плетень. Тебе готовую еду возят?

– Да, – подтвердила я.

– Ее в соседнем доме две бабы бодяжат, – засмеялась Любка, – потом в коробки запихивают, а мужья их на мопедах отвозят. Вам что, денег девять некуда?

– Не могу похвастаться богатством, – откровенно ответила я, – денег на жизнь нам с супругом хватает, мы не нуждаемся, можем себе многое позволить, но к олигархам не принадлежим.

Уборщица повертела перед моим лицом тюбиком.

– Вот гель. Российское производство. Его еще в СССР выпускали. Он для больных мышц, разогревающий. Отличная штука. На ночь мажешь ту часть тела, которая самая жирная, и к утру, бац! На размер меньше станешь.

– Правда? – усомнилась я.

– Проверено на дочке и ее подругах, – подтвердила Люба. – Жили симпатичные девочки: попа, сисечки, ножки аппетитные. Так нет! Охота им лыжными палками стать! Сначала морили себя голодом, потом им этот крем посоветовали. Сейчас стали вешалками с ушами. Страшные! Но довольные.

Я с сомнением посмотрела на тюбик. Люба широко раскрыла глаза.

– Синяки у меня под зыркалками есть?

– Нет, – ответила я.

– А такие еще недавно чернели, – зачастила уборщица, – мне посоветовали крем от геморроя использовать^[4]. Я сначала, как ты, отреагировала. Геморрой! Он же в заднице. Но дочь мазаться заставила. И где темные круги?

– Нету, – повторила я.

– Прежде чем отказываться, просто попробуй, – посоветовала Люба. – В аптеке этого крема горы, стоит сто рублей. Тебе таких денег жалко?

– Нет, – улыбнулась я.

– Вот и рискни, – не отставала Люба. – Что ты теряешь? Только стольник. Это не смертельно. А вдруг поможет, как мне крем для задницы. Ну? Фото щелкнешь или убирай?

Я вытащила айфон, сделала несколько снимков, вышла на парковку, выехала в город и почти сразу увидела вывеску «Ваше здоровье – наша головная боль». Около аптеки было свободное место и стоял знак с буквой «Р». Не веря своему счастью, я притерлась между двумя иномарками и вошла в аптеку.

За прилавком скучала совсем юная девушка, она неимоверно обрадовалась, увидев потенциальную покупательницу.

– У вас есть такой товар? – поинтересовалась я, показывая ей снимок.

– Катя! – весело произнесла провизор.

– Это название? – предположила я.

– Нет-нет! Я Катя. Бейджик потеряла, – объяснила брюнетка. – Конечно, я им торгую. Мегасуперхит! Коробками берут. Жир топят.

– Помогает? – осведомилась я.

– Еще как! Прямо таешь, как мороженое на солнце, – заверила Катя. – Правда, он слегка жжется.

– Больно? – поежилась я.

– Фигня, – махнула рукой фармацевт, – дискомфорт чувствуешь всего минут пять, ну, десять. Потом спиши спокойно. Утром встала на весы... опана! Три кило исчезли. Только мажьтесь не частями. Вся. А то получится бубликовый эффект.

– Какой? – спросила я.

– Бубликовый, – повторила Катя, – жир на талии разогреется, потечет вниз, а там-то крема нет! Вот он снова и застынет, но в другом месте. Получится большая складка, типа бублик вокруг тела. И для лица он не подходит!

Катя легла грудью на прилавок.

– Видите, у меня треугольный овал? А была будка!!! Квадратная! Я покушать люблю!

– Все любят вкусно поесть, – грустно заметила я.

– Но жрачка у людей потом в разных местах устраивается, – возразила Катя, – вон у вас грудь красивая. А у меня? Не повезло мне по полной. Весь жир в морде откладывается.

– У вас худенькое лицо, – сказала я.

Катя заговорщицки подмигнула:

– Теперь да. А почему?

Она взяла с полки коробку.

– Вы каким кремом для лица пользуетесь?

– Разный пробую, – призналась я, – одну банку вымажу, следующую приобрету в другой фирме.

– Небось покупаете недешевую фигню?

– К сожалению, приходится раскошевливаться, – сказала я.

Катя показала на упаковку.

– Стоит смешные деньги. Работает прекрасно! У моей бабушки все морщины разгладились. А ей лет, как скелету динозавра из музея.

– Правда? – с недоверием осведомилась я.

– Бабульке девяносто восемь на днях стукнуло, – уточнила собеседница.

– Мой вопрос относился к крему, – уточнила я.

– Провалиться мне на этом месте, если я вру! – азартно воскликнула Катя, – какой смысл мне вас обманывать? Конечно, есть люди, которые покупателям дерзко всучивают, но тогда я должна вон тот крем расхваливать. Во!

Я проследила за пальцем девушки и увидела маленькую баночку. Рядом маячил ценник.

– Пять тысяч! – пробормотала я. – За крохотную упаковку! Мда. Производитель Франция? Швейцария?

– Россия!

– С ума сойти, – возмутилась я. – Что в нем содержится?

– Частички золота, – ухмыльнулась Катя, – так на упаковке написано, наивысшей пробы! Содержимое и правда желтое, блестит. Ни в коем случае его не берите. Не работает. В пару к крему скрабик с бриллиантовой крошкой прилагается. Цена такая же. А я вам сейчас показываю товар за двести рублей. Какой смысл мне вас обдуливать?

И тут у меня зазвонил телефон, меня искал Коробков. Со словами: «Простите, я сейчас вернусь» – я выбежала из аптеки.

– Эй, я помешал тебе? – спросил Димон. – Куда ты должна вернуться?

– Никуда, – ответила я, – передумала покупать то, что хотела.

– Тогда слушай, – зачастил компьютерный ас. – У отца Аглаи и Игоря была старшая сестра Капитолина. Замужняя. Бездетная. Она взяла из приюта девочку старше Ларисы. Ребенка в интернате звали Леной, ей на момент удочерения исполнилось три года. Малышке поменяли имя, она стала Анимаисой. Имя Елена новой матери, наверное, простецким показалось. Если учесть, что муж Капитолины был Пафнутием Сидоровичем Грековым, то вышло восхитительно. Анимаиса Пафнутьевна Грекова. Цирк! Ребенку и одного отчества могло хватить. Родные отец и мать девочки утонули. Поехали отдыхать на море, заплыли за буйки, и оба пошли ко дну.

– Странно, – удивилась я, – обычно тонет тот, кто один решил рекорд на дальность в заплыве от берега поставить.

– Необычно, – согласился Димон, – может, они выпили? Дело давно было, никаких документов я не нашел. А вот в архиве обнаружил личное дело сироты Елены Фокиной, там указана причина смерти ее родителей: утопление во время отдыха в Феодосии. Здоровые трехлетние дети из хорошей семьи в интернате редкость. Лена там и полгода не прожила, ее забрали Капитолина и Пафнутий. Пафнутий работал на хлебобулочном комбинате мастером, Капитолина воспитателем в детском саду. Когда малышке исполнилось десять лет, ее новые родители погибли. Оба. Сразу. Они пересекали дорогу на зеленый свет по пешеходному переходу. На них налетел грузовик, за рулем был пьяный шофер.

Я пошла к своей машине, продолжая разговор на ходу.

– Вот уж не повезло ребенку.

– Да, – согласился Коробков, – чем дальше в лес, тем толще партизаны. Анимаису удочерила семья Леоновых. Они забрали ее из приюта, повезли

домой. Новые мать и отец жили в Подмосковье. По дороге Леонов не справился с управлением...

– Только не говори, что Леоновы погибли! – воскликнула я.

– Оба! Вмиг. На девочке не осталось и царапинки, – отрапортовал Димон, – прямо мистика. Малышка так и не успела увидеть ни дом, ни сад, ни свою детскую комнату. Любопытный момент. У Капитолины с Пафнутием была маленькая дачка на шести сотках и квартира. Фазенда плюс квадратные метры достались Анимaisе. И понятно почему, она же их дочь по закону. У Леоновых тоже был дом в области в хорошем месте, четырехкомнатный, полностью выплаченный кооператив. Они богаче Грековых оказались. Несмотря на то что Анимaisа пробыла в статусе дочки Леоновых считаные дни, она все равно стала наследницей. Других претендентов на имущество не было. А от родных по крови мамы с папой малышка получила двушку. Сирота – богатая невеста, у нее две загородные дачи и несколько квартир. Это и сейчас не плохо, а в советское время было просто огромное богатство. Теперь, внимание! Спустя некоторое время после смерти Игоря Лариса позвонила в полицию и сообщила, что к ним в дом рвется пьяная Анимaisа Грекова, грозит убить членов семьи. Сотрудников в отделении не хватало, поэтому по вызову опера явились часа через полтора. Хулиганка уже ушла. Вот такая история. Анимaisа жива, много лет работает массажисткой в закрытом для простых смертных фитнес-центре, там бегают по дорожкам только богатые, знаменитые, высокопоставленные, прописана она в квартире Леоновых. Где на самом деле живет? Или по месту регистрации, или еще где-то. Имеет недорогую маленькую иномарку. Замуж не выходила, детей нет.

– Аглая сказала мне при встрече, что у нее нет ни родственников, ни задушевных подруг, – вспомнила я.

– Возможно, отношения с Анимaisой по какой-то причине у Аглаи прервались, – подытожил Коробков, – надо поговорить с Грековой.

– Хорошая идея, – согласилась я.

– Я отправил к ней Веру, – отрапортовал великий маг компьютеров.

– Так, – протянула я.

– Не посоветовался с тобой, – смущился Димон, – звонил, но ты не подошла. Анимaisа же согласилась на встречу, но только сегодня. Велела приехать к ней в двадцать один ноль-ноль в одежде красного цвета.

– Оригинально, – хихикнула я, – интересно, чем вызвано такое требование? Хотя ты, конечно, ей этот вопрос не задавал.

– Она сама пояснила, – сказал Коробков. – Сегодня в указанный час Марс встает в какую-то позу относительно другой планеты. Прости, точно

ее слова не помню. Красное платье...

– Все, все, спасибо, – остановила я Димона, – и отдельное мерси, что к Анимайсе поехала не я, а Вера. Мне уже один раз, когда мы занимались делом Бирюкова, чистили карму. Впечатлений хватило надолго.

– Вот ты какая, – засмеялся Димон, – не хочешь с планетой Марс подружиться.

Глава 32

Вечером, когда я уже умылась и уютно устроилась в кровати, в спальню заглянула Рина.

– Ваня звонил, он улетает в Екатеринбург.

– Знаю, – зевнула я, – муж вернется в четверг. Если, конечно, все пойдет как надо.

– Ничто никогда не идет как надо, – философски заметила Рина, – чаще всего события развиваются не так, как мы хотим. Это твое? Пакет в прихожей стоял.

– Нет, – ответила я, – наверное, он Надин.

– Сделай доброе дело, – попросила свекровь, – измерь утром ванну, надо новую занавеску купить, а я с цифрами не дружу. Только не забудь.

– Никогда! – пообещала я.

Но утром я начисто выбросила из головы просьбу свекрови, вспомнила о ней, только войдя в кабинет Димона, и воскликнула:

– Таня, ты коза!

– О чём ты? – удивился Коробков.

Я сказала:

– Все нормально. Кое-что из головы вылетело.

– Подожди, когда назад влетит, – с абсолютно серьезным лицом посоветовал Коробков. – Ты при разговоре с Ларисой спросила, где она встретилась с Сиракузовым? Получила ответ: в метро. Теперь мы знаем, что милая дама – врушка, только не ясно, зачем она лжет. Ни малейшего смысла в этом я не вижу. Ну какая разница, где она познакомилась с Владимиром? Кстати, почему ты ее об этом спросила?

– Просто для поддержания беседы, – ответила я, – в разговоре повисла пауза, я решила ее заполнить.

– Мы выяснили: они друг друга знали достаточно давно, – сказал Димон. – Вера вчера съездила к Анимaisе, и появились новые сведения. Знаешь, чем та занимается?

– Ты вчера говорил, что она массажистка в фитнес-клубе, – напомнила я.

Димон показал на стул.

– Устраивайся поудобнее, много интересного услышишь. Анимaisа работает неподалеку от непростой деревни Жуковка, которая находится на Рублево-Успенском шоссе.

– Ага, – пробормотала я, – край непуганых олигархов.

– Ну, насчет непуганых ты ошибаешься, – возразил Коробков, – там вечно кого-то арестовывают, сажают. Но я согласен, околоток не простой, отнюдь не бедный. Годовая цена в спортзале такая, что у меня уши похолодели, когда я цифру увидел, да еще не всех в члены принимают. Одной телеведущей, известной своим склонным характером, от ворот поворот дали, объяснили:

«У нас тут территория тишины и покоя, нам скандалы не нужны».

– Вона как, – усмехнулась я, – сурово.

– Фитнес работает давно, он чуть ли не первый в России открылся, – продолжал Коробков, – Анимайсу туда взяли из-за внешности.

– Красавица? – предположила я.

– Наоборот, – возразил Димон, – мужеподобная баба. Сейчас она здорово растолстела, но и раньше, когда в рамках держалась, ничего привлекательного в ней не было. Аглая смахивает на мужчину, и Анимайса ей под стать. Администрация клуба не берет в штат победительниц конкурсов «Мисс Прелесть». Кто-то из клиентов может соблазниться симпатяшкой, законная жена узнает и покажет управляющему и хозяевам спортклуба небо в алмазах. Поэтому отдел персонала устраивает кастиг под девизом «Чем страшнее, тем лучше». Анимайса легко его прошла. Но даже при наличии страхолюдской морды без протекции близко к месту отдыха таких людей никого не подпустят. Учи, она туда попала сразу после окончания медучилища. Кто замолвил за девушку словечко, а? Твои версии?

– Любовник? – предположила я. – Не все мужчины зациклены на красоте. Может, она очень сексуальная? Умная?

– Не знаю, – хмыкнул Димон, – но походатайствовал за массажистку не мужчина. А женщина. Гадалка. И одновременно психолог. Она в этот фитнес-клуб раз в две недели приезжала, клиентам карты раскидывала. Ее местные бабы обожали, в очередь к ведунье выстраивались.

Я опешила.

– Наталья Ивановна Сиракузова?

– Твоя догадливость поразительна, – похвалил меня Коробков, – именно она. Следующий вопрос: где Анимайса с предсказательницей познакомилась? Учи, во время окончания медучилища она была частым гостем в доме Аглаи и Николая. Жила, правда, в своей квартире, которую от покойных Леоновых по наследству получила, остальное жилье сдавала. Она долго Вере рассказывала про дом Гореловых, в котором ее детство и отрочество прошли, описывала свою комнату, игрушки, сад... И! Ей

нравился Володя, сын Натальи Ивановны.

– Ага, – протянула я, – интересно.

– Даже очень, – кивнул Димон, – оказывается, Аглай перед тем, как взять Анимайсу из детдома, куда ее опять отправили после смерти Леоновых...

– Слушай, – перебила я Коробкова, – а почему Аглай Борисовна не взяла девочку к себе после гибели Капитолины и Пафнутия? Отчего ее удочерили Леоновы, а не племянница Капы?

Коробков почесал бровь.

– Дай договорить.

– Извини, – смущилась я.

– На момент смерти Грековых Анимайсе было десять лет, она уже многое понимала. Покойная Капитолина приучила ее держать язык за зубами. Девочка ни с кем в интернате не откровенничала. Друзей у нее среди одногодков не было, а персонал относился к сироте настороженно. Анимайса была молчуныей, но уши у нее большие. Она слышала, как нянечка и воспитатели шепчутся между собой, говорят, что новенькая определенно проклята, раз ее приемные родители неожиданно погибли, причем обе семьи, лучше ее в другой приют перевести, вдруг начнут в детдоме сотрудники как мухи умирать.

– Вот дуры, – не выдержала я.

– Согласен, – кивнул Димон, – но десятилетка боится самой себя, у нее появляется уверенность, что она чудовище. После внезапной смерти Леоновых в приюте появляется Аглай Борисовна. Анимайса ее прекрасно знает, они с мамой часто ездили в гости к Гореловой, девочку там хорошо принимали. Дядя Коля всегда ласково встречал приемную дочь Капитолины, обнимал ее, целовал, как родную, дарил игрушки, одежду. Аглай вела себя сдержанно, но угождала малышку конфетами. Вот с Ларисой отношения не складывались. Капитолина очень хотела, чтобы девочки подружились. Анимайсе нравилась Лара, а та в присутствии взрослых улыбалась гостье, безропотно давала ей своих кукол, велосипед... Но стоило детям оставаться вдвоем, как Лариса вмиг менялась, принималась щипать Анимайсу, толкала ее так сильно, что девочка падала. А еще дочь Аглай шипела:

– Ты тут никто. Не родная. Тетя Капа не настоящая мама тебе. Не имеешь права в нашем доме жить. Фу, какая ты страшная. А если пожалуешься на меня, утоплю! В ванне.

Лара была младше Анимайсы, но последняя ее боялась до одури. Гостья в страхе убегала из детской в гостиную, а там разговаривали Аглай

и Капитолина. Хозяйка спрашивала у девочки:

- Милая, чего ты хочешь?
- С вами посидеть, – честно отвечала та.
- Иди к Ларисе, поиграй, – говорила мать.

И что было делать? Приходилось возвращаться к противной Ларе. А та день ото дня становилась только злее.

Один раз Лариса укусила Анимайсу за плечо, да так сильно, что та зарыдала. На звук плача прибежала Аглай, стала расспрашивать девочек. Лара соврала матери:

- Она упала. Ушиблась.

Аглай же увидела на кофточке Анимайсы кровь, всполошилась, вызвала врача, тот сразу обнаружил следы зубов. Взрослые устроили детям допрос, правда о поведении Ларисы выползла на свет. Аглай схватила ремень и выдрала свое чадо. После сурового наказания Лара стала вести себя с Анимайсой приветливо, извинилась перед ней. Но когда Леоновы погибли, так и не успев привезти девочку к себе домой, и Анимайса оказалась в приюте, она подумала: «Тетя Аглай меня никогда не возьмет. Она же меня не приютила после смерти мамы Капы!»

То-то она удивилась, когда увидела в окно игровой комнаты, как директриса и Аглай идут к беседке.

Стояло теплое лето, в саду интерната все цвело, Анимайса очень хотела послушать, о чем будут говорить женщины. Она понимала: основная тема беседы – она, сирота, дочь Капы и Пафнутия. Девочка тайком вышла во двор и спряталась в кустах за беседкой, голоса женщин прекрасно долетали до нее.

– Вы хотели поговорить в таком месте, где нет любопытных ушей. Слушаю вас, – сказала директриса.

– Муж велел взять Анимайсу в нашу семью, – сказала Аглай. – Признаюсь: мне этого не очень хочется, но деваться некуда.

- Девочка хорошая, просто ей не везет.

– У меня нет ни малейшего желания погибнуть в расцвете лет. Я слышала, что она проклята.

– Господи! Вот уж от вас не ожидала. Неужели вы верите в эти глупости?!

– У меня есть знакомая, она составила гороскоп ребенка, – чуть повысила голос Аглай, – и ей еще надо поговорить с Анимайсой.

- Зачем?

- Для создания правильного психоэмоционального портрета.

- Ваша знакомая – психолог?

- Да. Еще астролог и предсказательница будущего.
- А-а-а! Я не имею права пускать в интернат посторонних.
- Они могут поговорить во дворе.
- Нет!
- Без рекомендаций психолога я не возьму Анимайсу, из-за вашего решения она останется в детдоме. И ее точно никто не удочерит, репутация ангела смерти отпугнет любого.
- Ладно, – после паузы согласилась директриса.

Глава 33

На следующий день девочка познакомилась с Натальей Ивановной Сиракузовой. Та разговаривала ласково, задавала простые вопросы.

Через три дня сиротку увезли за город. За рулем машины сидел дядя Коля, тетя Аглай разместилась сзади. Ехали недолго, вкатились в какой-то двор, там их уже ждала Наталья Ивановна. Она отвела девочку в баню, пропарила там, побила вениками, потом посадила голую на стул и отстригла ей косу. Волосы ребенка гадалка бросила в печь, долго лила на голову девочке какую-то вонючую жидкость. Затем велела выпить чаю. Анимиса покорно выполнила приказ и сразу заснула. Когда ее глаза снова открылись, она лежала на заднем сиденье роскошной машины дяди Коли. Он за рулем, тетя Аги сидела рядом с мужем, они вели тихий разговор.

– Довольна? – язвительно спросил Николай. – Сняла порчу с малышки?

– Да, – коротко ответила Аглай.

– Идиотизм!

– Нет.

– Порчи не существует.

– Ошибаешься. Из-за этой девчонки погибли Капитолина, Пафнутий, ее родные родители и еще одна пара. Зря ты решил взять это исчадие ада в наш дом.

– Я никогда с тобой не спорю.

– И правильно.

– Но оставить сироту в детдоме нельзя.

– Почему?

– Что люди скажут? И ребенка жалко. Небось Капитолина на том свете все глаза выплакала.

– Плевать мне на всех! – зашипела Аглай. – Я выполнила твою просьбу, теперь ты мою должен исполнить.

– Похоже, Наталья Ивановна и впрямь ведьма, она тебя околдовала.

– Не неси чушь. Просто я хочу сделать ей бесплатную квартиру. От тебя чепуха требуется – шепнуть Георгию, чтобы он помог. Во всех операциях.

– Вернемся к этому разговору позднее, – отрезал Николай, – не сейчас! Да и сын ее еще учится на медбрата. Не прокатит ваш план. Надо подождать.

— Ему до окончания училища осталось всего ничего, меньше года, — пробормотала Аглай, — но ты прав. Надо отложить все до его восемнадцатилетия. Иначе мой план не прокатит...

Димон посмотрел на меня.

— Ну как?

— Вот кто помогал Сиракузовой провернуть аферу с квартирами и всем остальным, — догадалась я, — Аглай Борисовна. Однако у нее богатая фантазия.

Коробков цокнул языком.

— Похоже, что многоходовую аферу придумала мать Ларисы, но твердой уверенности в этом нет. Нам не важно, кто разработал способ обмана государства. Другое интересно. По словам Анимайсы, Наталья Ивановна часто приезжала в гости к Аглае, причем всегда в отсутствие Николая, тот пропадал в своем офисе, двигал бизнес. Иногда Сиракузова привозила своего сына. Володя очень нравился Анимайсе — тихий молчаливый юноша. Лариса называла его «Дурачок с гармошкой». У паренька была губная гармоника, он учился на ней играть, извлекал из инструмента душераздирающие звуки. От девочек Вова предпочитал держаться подальше. Он любил читать, мог сидеть в саду целый день над очередной книгой. Лариса не обращала на Володю внимания. Анимайса пыталась с ним подружиться, она была старше Лары и младше Сиракузова, но он ею не интересовался.

У Натальи Ивановны и Аглай Борисовны были схожие характеры. Обе руководили своими детьми, обе мигом начинали орать, если что-то шло не так, как они хотели, обе могли надавать детям пощечин, наказать их. Странное дело, но к Анимайсе Аглай не привязывалась, зато Ларисе доставалось по полной программе. Приемная девочка не любила родную dochь Гореловых, но всякий раз, когда тетя Аглай принималась визжать, Анимайса жалела Лару. А та только с младшими вела себя по-хамски, матери dochь боялась до потери пульса.

Как-то после очередного скандала Анимайса вышла в сад и услышала тихий голос:

— Ненавижу! Пусть она сдохнет! Сдохнет! Сдохнет!

Звук доносился из-за пышных кустов жимолости. Садовник их подстригал, чтобы растения не тянулись ввысь, а раздались вширь, и достиг желаемого. Анимайса подошла к кустам, осторожно отодвинула ветки и увидела Ларису. Та сидела на земле, била по ней кулаком и твердила:

— Пусть она сдохнет! Сдохнет!

Сирота часто недоумевала: почему тетя Аглая, которая может рассвирепеть, если Лара кашлянет, чихнет, не туда посмотрит, не так сядет, не докапывается до нее, Анимаисы? Ответ она узнала, когда ей исполнилось восемнадцать. В день ее совершеннолетия мать Ларисы протянула Анимаисе связку ключей:

– Все. Можешь уезжать в любую из своих квартир. Не задерживаю тебя. Все апартаменты твои. Но на мое имущество не рассчитывай. Я тебя официально не удочеряла, оформила временную опеку, сегодня ей конец. Ты не имеешь права ни на что в моем доме. Николай Сергеевич к тебе очень хорошо относится. Ему не надо сообщать о нашей беседе. Сматывайся из нашего дома с улыбкой, скажи дяде Коле: «Я стала взрослой, хочу жить одна». Из-за мужа я тебя, чужую девчонку, терпела. Жаловаться на меня ты права не имеешь. Поили тебя, кормили, одевали, учили. Наталья Ивановна говорит, что тебе лучше работать руками. Иди, как Володя, учиться массажу. Двери дома для тебя я не закрываю. Приезжай в выходные. Я счастья при виде тебя не испытываю. Но Николай Сергеевич будет рад. А вот и он.

В комнату вошел Горелов. Тут надо упомянуть, что девочка из-за стресса после смерти приемных родителей стала плохо учиться, осталась один раз на второй год. Аттестат она получила в восемнадцать лет, и в нем были только тройки. О том, чтобы попасть в институт, ей и думать не стоило. Николай, войдя в спальню жены, сразу сказал:

– Давай устрою тебя в любой вуз, куда ты хочешь?

– Не говори чушь, – оборвала мужа Аглая, – ну протащишь безумную девицу через вступительные экзамены... Слово «безумную» не надо считать прилагательным. Без – это предлог. Без умную! Без ума! Как она учиться будет? Выгонят ее на первой же сессии.

– Тетя Аги права, – прошептала Анимаиса, – мне лучше пойти в медучилище, я на массажистку выучусь, это хорошая профессия.

Так и сделали. Грекова получила специальность, а Наталья Сиракузова пристроила ее на выгодное место.

Глава 34

– Значит, не в метро Лариса с будущим мужем знакомство свела, – подвела я черту под рассказом Димона. – И зачем она врала?

– Не знаю. Но это не одна странность, – заметил Димон, – Аглай Борисовна вовсе не молода. Любимое занятие людей ее возраста – походы по докторам. Но я не нашел ни в одной платной клинике медкарты Аглаи. Ранее она посещала медцентр Огарева. Именно туда Аглаю привезли после кончины Игоря, там ее лечили. Кроме сердечно-сосудистых проблем, у нее был большой желчный пузырь. Камни.

– Это неудивительно, – заметила я, – медики с древних времен говорят о влиянии характера на здоровье. Гневливые, злые люди часто испытывают проблемы именно с желчным пузырем.

– И почему Аглай не бегает по врачам? – повторил вопрос Коробков. – Это необычно для отнюдь не юной дамы!

– Естественно, она находится под наблюдением, – отмахнулась я, – просто ты не нашел нужный медцентр.

Димон отъехал от стола с компьютерами.

– Не нашел? Не нашел кто? Я не нашел?

Я замела хвостом.

– Не обижайся. Многие люди старательно скрывают сведения о своей личной жизни, у них нет аккаунтов в соцсетях, они пользуются закрытыми больницами, где лечатся только свои, эти клиники себя не рекламируют.

Коробков пошел к принтеру, из которого медленно выползал лист бумаги.

– Спорить не стану. Верно. Люди многое скрывают. Вопрос: кто этим занимается? Знаменитости. Они не желают, чтобы вся страна совала нос в их койку, ванную и аптечку. Сотрудники ФСБ, полиции. Те, кто прячется от закона. Вот они не направятся в огромный медцентр, не покажут там паспорт, найдут возможность лечиться тайно. Но зачем Аглае себя так вести? Обычная тетка, только богатая. Ей дорога не в районное заведение, а в поликлинику с высоким ценником. Но знаешь, защита пациентов и в дешевом, и в дорогом, и в бесплатном центре везде плохая. Администрация особо не заморачивается безопасностью историй болезни клиентов. Владимира Сиракузова я легко нашел. У него, несмотря на вполне еще молодой возраст, масса проблем, он частый гость у кардиолога, весь в бляшках, уже со стентами. Кроме того, он боролся с паническими

атаками, аэрофобией, язвой желудка, про зубы я молчу, они у всех плохие. Трудно назвать его здоровым. Лариса посещает ту же клинику. Пара приобрела семейный абонемент. У жены особых проблем со здоровьем нет, она посещает психотерапевта. Душевед ничего в истории болезни не записывает. Отмечает там только визит. Лариса у психолога раз в неделю бывает обязательно.

– Зачем ей психотерапевт? – удивилась я. – Богатая, симпатичная, удачно замужем. Что ей еще надо? Хотя у нее нет детей.

– Она их не хочет, – тут же ответил Димон, – категорически.

Глава 35

– Почему ты так решил? – удивилась я.

– Лариса раз в году проходит плановое обследование, – пустился в объяснения Коробков, – непременно посещает гинеколога, тот стандартно пишет, что она по его части здорова. Но раз в пять лет появляется отметка о том, что ей меняли спираль. Причем ставить это средство контрацепции она стала давно. Впервые обзавелась им не в той платной клинике, куда ее прикрепили еще малым ребенком к педиатру. Есть только запись о том, что там ей меняли спираль. Они бывают разные, модификаций много. У Лары самая дорогая. Ее рекомендуют менять раз в пять лет. Произведя простые расчеты, я установил, что предохраняться она начала, еще не будучи замужем.

– Значит, у Ларисы был любовник, – подвела я итог, – ничего особенного.

Димон опять сел к компьютеру.

– Только сейчас у меня идея родилась. Лариса взяла академический отпуск и работала несколько лет в Гольяновске, в издательстве у Валентины Сергеевны Неписайкиной.

– Складывается впечатление, что у Ларисы тогда случилась страстная, но безответная любовь! – воскликнула я, – она впала в минор, бросила занятия, уехала в родной город бабушки. Пыталась таким образом справиться с чувством. В Гольяновске у нее жил дядя. Наверное, он за племянницей присматривал. Лара на самом деле работала в редакции! Потом взяла себя в руки и вернулась в Москву.

– Хорошая версия, но никуда не годная, – поморщился Димон. – Если мужик не ответил ей взаимностью, зачем нужна спираль?

Я усмехнулась.

– Много женатых парней не откажутся от яблочка, если оно само в руки падает. Наивная Лариса поверила мужчине, тот клялся в любви, обещал развестись с супругой, наговорил много красивых слов и уложил ее в постель. Некоторое время страсть кипела, потом у любовника она остыла. Небось Лара надоедала ему, звонила, плакала в трубку, и он ей прямо сказал: «Отстань. Моя жена беременна, ради будущего ребенка я разводиться не стану. Прощай».

– Не новый сценарий, – хмыкнул Димон, стуча по клавиатуре, – странно, что некоторые девушки попадаются в старый, как буфет моей

бабушки, капкан.

– Лариса с горя взяла академический, укатила в Гольяновск, – вдохновенно фантазировала я.

– Нет, – буркнул Димон, – зряшная надежда. Никаких драк!

Я осеклась.

– Ты о чем?

– Идейка одна прилетела, – объяснил Коробков, – ситуация с любовником обычная, как веник! Непорядочный мужик лет сорока и наивная девушка. Классика жанра. Обещал развестись, сыграть свадьбу с юной красавицей, но...

– Супруга очень больна, – перебила его я, – умирает прямо. Он с ней давно не спит, фактически они друг другу посторонние люди. Но как можно бросить погибающую от тяжелого недуга, пусть и нелюбимую, жену? Надо подождать некоторое время. Да только стоящая одной ногой в могиле супруга никак в яму вторую ногу не опустит. Время идет, а она все живет и живет. Вдруг! Ба! Законная половина беременна. У любовницы от этого известия, конечно, шок.

– Точно, – согласился Коробков, – в спектакле, который играют уже много лет любители бегать налево, у каждого своя роль. Ты описала стандартное поведение мужика. А как ведут себя бабы, когда понимают, что от законной супруги никак не избавиться? Сопли, вопли и очень часто визит к сопернице с заявлением: «Мы с Колей (Мишой, Сашей, Сережей) любим друг друга, отпустите мужа. Вас он терпеть не может». И возникает драка. Женщины, как правило, в момент выяснения отношений на кулаках, визжат, кусаются, царапаются. Шум, гам, оп! Соседи бросаются вызывать полицию. Я подумал: вдруг найду привод Ларисы в отделение. Но на ее имя ничего нет. И к Гореловым в дом ребята в форме никогда не прикапывали.

– Ну, это неудивительно, – заметила я, – мои родители и бабушка постоянно скандалили, орали по любому поводу, швырялись предметами, но все это происходило за закрытыми дверями квартиры. Стражи порядка нас никогда не навещали. Сами бы родные звонить не стали, а соседи ничего не слышали. Мы с мужем не ругаемся, но я знаю, как можно убедить полицию обратить внимание на семейный скандал.

Димон поднял голову.

– Ну, если ты швырнешь в Ивана табуретку, устроишь ему сотрясение мозга, то навряд ли он или Ирина Леонидовна кинутся к телефону, чтобы сообщить об этом в отделение. Приедет кто-то из наших сотрудников, зашьет Ване лоб, и все будет шито-крыто. А вот как поступит обычная

семья, если вдруг один из ее членов неожиданно умрет?

– Ответ ясен, зачем спрашиваешь? – вздохнула я. – Позвонит в «Скорую». Всегда сначала к врачам обращаются, те приезжают и вызывают полицию.

– Игорь умер в доме Гореловых, – заявил Димон, – внезапно.

– Да, – согласилась я, – по случайности беда с актером произошла в тот момент, когда Игорь звонил Марфе, владелице дома престарелых. Он находился у Гореловых, Аглай отобрала у брата трубку домашнего телефона, начала ругаться с Неписайкиной. Потом мать Ларисы накинулась на дочь, трубку она куда-то швырнула или выронила, не выключив. Марфа стала свидетельницей скандала, услышала крики: «Игорек!», «Нет, нет, Игорь!». Как-то так, точно не помню. Потом раздался хруст, кто-то из присутствующих, похоже, наступил на телефон.

– Хм, – протянул Димон, – секундос, битте.

И тут в комнату влетел Федя.

– Я нашел книгу!

– Любимый роман Милады Смоляковой? – осведомился Коробков. – Ты его зачитал и потерял?

– Не люблю художественную литературу, – отмахнулся Миркин.

– Честный человек, – восхитился Коробков, – а то у нас все, кто ни одной книги после школы в руки не брал, говорят: «Обожаю Пушкина, каждый день изучаю «Евгения Онегина».

– Я не читаю повести-стихи, – уточнил Федор, – мне это не интересно. Я говорю про издание, из которого листок для договора вырвали. Оно из библиотеки очень известного спирита Гермогена Георгиевича Варлайкина. Он жил в Москве еще до Великой Отечественной войны, собирая у себя дома людей, которые вызывали духов, общались с ними. Мрак и бред.

– Ну в те годы не было телевидения, – пробормотал Димон, – поэтому колдуны, знахари, ведьмы, экстрасенсы не вешали с экранов, а бродили по домам, им же очень кушать хотелось!

– Гермоген Георгиевич Варлайкин! – воскликнула я. – А ректора института, который взял на работу отца Володи Сиракузова, звали Варлайкин Георгий Гермогенович. Навряд ли это простое совпадение.

– Нет, – обрадовался Федя, – Леха его не помнит, но много раз от отца эти имена слышал.

– Кто у нас Леха? – протянул Коробков, не отрываясь от компьютера.

– Алексей Пинкин, мы с ним в одной группе в институте учились, – ответил Миркин, – до сих пор созваниваемся. Отец его был директором крупного архива, для души занимался реставрацией книг. Лешка по его

стопам пошел, он один из лучших специалистов по старым изданиям. Я подумал, может, Пинкин сообразит, откуда страницу вырвали? Друг мне рассказывал, что библиотеки, в особенности провинциальные или мелкие, куда народ вообще не ходит, часто страдают от воров и вандалов.

– Что можно украсть в хранилище, куда записаны три человека? – изумилась я.

Федя поспешил к кофемашине.

– Ха! Есть удивительные места. Знаешь, в каком книгохранилище Москвы есть уникальные издания, потрясающие, редкие, за ознакомление с ними кое-кто из ученых готов передний зуб отдать. Но человеку для того, чтобы книжку в руки взять, надо совершить преступление. Украдь, например, кошелек. Убить кого-нибудь.

Тут даже Коробков забыл про компьютер.

– Федя! Ну и чушь ты несешь!

– А-а-а! – обрадовался Миркин. – Вы не в курсе. А мне Леха все объяснил. Когда построили Бутырку?

– Следственный изолятор номер два, ошибочно именуемый народом Бутырской тюрьмой, – уточнил Димон. – Во времена Екатерины Второй сей острогозвели. Там в тысяча семьсот семьдесят пятом году в башне сидел Емельян Пугачев. С тех пор ее называют Пугачевской.

– Во! – потер руки Федор. – В Бутырке есть библиотека. Ее начали собирать в тысяча семьсот каком-то году. В девятнадцатом веке писатели туда отдавали свои книги, жалели заключенных. В начале двадцатого века, когда большевики монастыри закрывали, грабили, иконы топорами рубили, церковную литературу жгли, среди коммунистов попадались любители книг. Они спасали редкие издания, а куда их деть? Некоторые музеи тайком брали книги, находились архивы, которые их прятали. И в крупных городах, и в провинциальных хранилищах есть редкости, в особенности там, где в советские годы разгромили монастыри и одновременно были зоны. Здания храмов отдавали под склады, всякие производства, превращали в скотобойни, а книги, что бережно монахи собирали, сжигали или просто бросали. И находились люди, которые книги отдавали в библиотеки, открытые за колючей проволокой.

Я решила остановить излишне говорливого Миркина.

– Федя! Вернись к пергаменту, на котором написан договор с дьяволом.

– Вернемся в девятнадцатый век, – еще громче заговорил Миркин, – чтобы сберечь свои ценные издания, книголюбы прошлых лет шлепали на них свои печати. Или что-то писали на...

– «Не шарь по полкам жадным взглядом. Книгу ты не получишь на дом. Если ж она у тебя окажется, значит, спереть ее ты отважился», – перебил его Димон. – Этот стишок я видел на первой странице в какой-то старой энциклопедии.

– Гермоген же заказал к книгам, которые собирал, вкладки, – вещал Федор, – он их вклеивал перед титульным листом. Пергамент. С особыми водяными знаками. Если на свет посмотреть, в углах видны буквы, вверху Г.Г. – по-русски, внизу G.G. – по-латыни. И на договоре они есть! А теперь подумаем. Ректор оформил водителя как профессора. Отец Георгия – собиратель литературы, спирит. Старший Сиракузов – астролог и тоже духов вызывает. Возможно, руководитель института с шофером дружил и мог ему кое-что подарить.

Я схватила телефон.

– Лариса Николаевна, это Татьяна, скажите, ваш муж собирал библиотеку? Каталог есть? Можете посмотреть, все ли букинистические издания на месте?

Глава 36

– Жена Сиракузова пошла проверять книги, – вздохнула я, вешая трубку.

– Вернемся к нашему разговору, который Федя прервал, – сказал Димон. – Гореловы не вызвали «Скорую» или полицию, когда умер Игорь.

– Удивительно! Обычно сразу кидаются звонить врачам. И как тело без разрешения перевезли в морг? – спросила я. – Где машину взяли?

– Возможно, обратились к какому-то знакомому, – предположил Федя, – или сами справились.

– Посадили труп на сиденье и поехали? – фыркнула я. – Скорей всего в архивах просто не сохранились сведения.

– И к Аглае карету не вызвали, – продолжал Коробков. – Если помните, ей стало плохо, ее отправили в клинику Огарева. Но в этом случае можно объяснить отсутствие вызова «Скорой» из медцентра. На их сайте написано, что вип-клиентам при любых проблемах надо обращаться по мобильному телефону к своему менеджеру, он работает как волшебная палочка-выручалочка, небось ему и звякнули. После возвращения домой Аглай больше по докторам не ходит. Ранее бегала раз в полгода на обследование. А тут как отрубило. А еще ваш покорный слуга нашел историю, связанную с Гореловыми. «Желтуха» в год смерти актера написала статейку: «Олигархи не плачут». Зачитываю. «Как поступит обычный человек, если у него сломается на дороге машина? Кто победнее, вызовет приятеля с тросом и отбуксирует колымагу в гараж. Кто побогаче, наймет эвакуатор. А вот владелец торгового центра Ракитин просто пересел в джип охраны и уехал. Когда ему через пару дней позвонили и спросили, почему «Мерседес», который ему принадлежит, брошен на проспекте, Ракитин воскликнул: «Елки! Совсем забыл про тачку!» Круто, Борис Львович! Мы бы с нашей зарплатой никогда не то что «мерс», «Жигули» бы из головы не выбросили, руками в родной двор толкали бы.

Олигарх Горелов нас весьма удивил. В отличие от Ракитина, он скупердяй, каких мало. Когда у парня, чье состояние мы и не сосчитаем, испачкался любимый ковер, думаете, он вызвал на дом химчистку? Ха! Николая поймали рано утром на берегу реки рыбаки. Владелец огромного особняка сам стирал ковер. Любители раннего лова справедливо возмутились, олигарх загадил водную артерию, налил в нее разной химии. Горелова скрутили и отвели в отделение. Один из рыбаков рассказал нам,

что на вопрос участкового: «Почему вы не отвезли ковер в химчистку?» – последовал ответ: «Они очень дорого берут». Ржем, держась за животы. Наверное, жадному богатею пришлось отслонять немалый штраф. Да еще, пока он объяснялся в полиции, кто-то спер ковер, брошенный на берегу. Горелов! В следующий раз, когда отправишься затевать постирушку в речушке, где люди окуней добывают, вспомни поговорку: «Скупой платит дважды»!

Коробков посмотрел на меня.

– А теперь посмотри на число, когда Николай, пожалев денег на химчистку, разговаривал с участковым. И сравни его вот с этой датой!

Я уставилась в ноутбук.

Дверь открылась, в кабинет вошел Аверьянов.

– У Кристины Конкиной было прекрасное здоровье, – с места в карьер начал эксперт, – ей можно только позавидовать.

– Если учесть, что ее тело лежит в морге, то не стоит испытывать это разрушительное чувство, – вздохнула я. – И от чего она умерла?

– Инсульт, – коротко ответил Илья.

– На фоне, как ты сказал, «прекрасного здоровья»? – уточнила я.

– Вот это мне и показалось странным, – кивнул Аверьянов, – не стану грузить вас подробностями экспертизы. Сообщу сразу результат: инсульт подтвердился. Но чем он вызван?

– Говори быстрей, – попросила я.

Аверьянов сел к столу.

– Люди добрые, если к лекарству приложена инструкция, вы уж ее прочитайте, а потом глотайте пилюли. Не зря производитель препарата время на нее потратил. Непременно изучите способ хранения лекарства. Есть средства, которые в холодильнике теряют свою силу. Другие медикаменты, наоборот, надо только в холода держать. Место пилюлям на дверце! Не на полках.

– Какая разница? – не выдержала я.

– Большая, температура на полках и на дверце разная, – пояснил Илья, – обрати внимание, когда лекарство принимать: до еды или после. Все имеет значение. Если вы хранили лекарства на подоконнике, то они быстро испортятся, превратятся в пустышки. И это лучший вариант. Потому что ряд медикаментов превращается в яд. Далее. Если вы сами себе назначили таблетки, став жертвой тупой рекламы, то непременно проверьте, сочетаются ли они с тем, что вам врач прописал. А то получится как с «Брумофабилом», который принимала Кристина Конкина. Не изучила она инструкцию. Не усвоила, что «Брумофабил» в сочетании

с «Фисороколом» – гремучая смесь. Вскоре после ее приема человек готов горы свернуть. У него резко подскакивает давление, адреналин фонтаном бьет из ушей и носа. Хочется бревна руками ломать. Одновременно с приливом физической силы накатывает волна обиды на всех, потом цунами гнева. Что происходит с человеком, когда он злится? Я имею в виду состояние его здоровья?

– Повышается давление, – ответила я.

– О! – воскликнул Илья. – В точку. Но оно уже и так добралось до высоких цифр, и тут нате, еще скачок. Было двести на сто двадцать. Стало двести сорок на сто шестьдесят! И! Бумс! Инсульт. Не хочу утверждать, что это всегда случается, но бывает, и нередко. Производитель предупредил в инструкции: пейте только указанную врачом дозу «Брумофабила», ни в коем случае не принимайте его в сочетании с «Фисороколом». Если вдруг вы ощущали упадок сил, сонливость, озноб, никогда не пытайтесь снять их лишним приемом «Брумофабила». А у нас люди как поступают? Ох, с начальником поругался! Ах, давление подскочило! Ну ничего! Где упаковка с пиллюлями, которые мне кардиолог выписал? Правда, он велел их пить строго раз в день утром. Но у меня ж давление зашкаливает. Ам! И слопал. В результате – покойник! Почему? Давление не померил, решил: раз голова болит, оно повысилось. А наоборот вышло, показатели упали ниже плинтуса. При низком давлении тоже башка на части разваливается. И пульс с утра пятьдесят два, потому что доктор дураку один раз в день бетаблокатор прописал. А наш красавчик его дважды сожрал. Мотор вообще биться перестал. Кирдык котенку!

Аверьянов замолчал.

– Все сказал? – усмехнулась я. – Теперь коротко объясни, что случилось с Кристиной. Она поругалась и подралась с горничной Варварой, которая разбила куклу Розанну. Кулаками Конкина махала, как очень даже здоровая. Сильно понервничала. Лариса пшикнула ей в рот гомеопатический спрей. Управляющая ушла. Она не выглядела больной. Злая донельзя, расстроенная, это да.

– Она приняла три таблетки «Брумофабила» и столько же «Фисорокола», – мрачно пояснил Илья, – пиллюли крохотные, меньше спичечной головки. Больные иногда доктору говорят: «Может, лучше пару сразу выпить? Уж очень маленькие». Нет, не лучше. Хуже! Сердечные лекарства не такого размера, как растворимый аспирин. Ну и конец.

У меня зазвонил телефон, я взяла трубку.

– Слушаю, Лариса Николаевна. Вы уверены? Большое спасибо.

– Что она сказала? – тут же спросил Димон.

– В библиотеке Владимира, которую он привез в дом Гореловых после женитьбы на их дочери, не хватает букинистического издания «Доброведье», – сообщила я.

– Ну и название, – покачал головой Федор, – язык заплетается.

– Лариса уточнила, что муж очень бережет библиотеку, она ему досталась от отца. Владимир составил каталог с указанием полки и места, где находится тот или иной том. Он никому никогда ничего из коллекции не дает. Собрание занимает отдельную комнату, туда никто, кроме Сиракузова, обычно не заходит. Да и зачем? В доме нет тех, кто интересуется эзотерикой. Лариса отправилась туда, сразу увидела свободную нишу в одном шкафу, проверила по каталогу и выяснила, что именно отсутствует.

– Тань, похоже, договор с дьяволом составил кто-то из членов семьи, – предположил Димон.

– Или прислуга, которая тоже могла войти в библиотеку, – добавила я. – Надо всех тщательно проверить. Интересно, кто помещение убирает?

Глава 37

Через неделю после нашего совещания Аглай Борисовна и Лариса приехали в офис и сидели в переговорной.

– У вас уютно, – сказала Лара.

Ее мать решила не соблюдать правил светской беседы и сразу перешла к делу.

– Зачем нас вызвали?

– Владимир Петрович еще не пришел в себя? – поинтересовалась я.

– Нет, – сказала Лариса, – у него стабильно тяжелое состояние.

– У нас появилась информация для господина Сиракузова, – продолжал Михаил Юрьевич, – но поскольку клиент не может ее воспринять, мы решили доложить о результатах нашей работы его семье.

Я сидела в напряжении. Надеюсь, ни Аглай, ни ее дочь не воскликнут: «Нет, спасибо. Скажете Владимиру, когда он очнется. Разве вы имеете право сообщать другим людям конфиденциальные сведения?» Но обе женщины промолчали, и я начала:

– Лариса, вы сказали, что познакомились с Владимиром в метро, но это неправда.

Дочь олигарха рассмеялась:

– Плохо жить без чувства юмора. Где я и где подземка? По пальцам можно пересчитать, когда я спускалась под землю. Меня с детства возили на машине. Я просто пошутила.

– Понятно, – кивнула я. – Мы, как правило, серьезно относимся к любой информации, всегда проверяем ее и выяснили: вы и Володя общались со временем школы. Наталья Ивановна, мать вашего мужа, была подругой Аглаи Борисовны.

Пожилая дама прищурилась.

– Когда платишь человеку деньги за услуги, надо проявлять к нему элементарное внимание. Сиракузова подолгу сидела у меня, ей в нашем доме очень нравилось. Она этого не скрывала, признавалась: «У вас положительная энергетика, я прямо купаюсь в ней». Наталья – гадалка, но она не просто карты раскидывала, говорила: «Вижу несколько вариантов развития событий. Если купите это шелковое платье, то можете пострадать, пойдете в нем в гости, сядете у балкона, вас продует, вы заболеете. Если его не купите, то останетесь здоровой, но тогда не пойдете в гости к подруге, обновки нет, не познакомитесь с одной женщиной, которая в дальнейшем

окажет вам услугу. Вот решение проблемы: покупайте красивый, но не шелковый наряд. Приобретаете легкое платье, но садитесь подальше от окна...» Она рассматривала все варианты вашего поведения. Сначала мы состояли в отношениях клиент – заказчица. Потом перешли на уровень приятельства. Не дружбы. Понимаете разницу?

– Вы помогли Сиракузовой провернуть аферу с получением квартиры, – сказал Коробков, – и, несмотря на то что у матери с сыном были отдельные апартаменты, все получилось.

Аглай усмехнулась:

– Молодой человек! Жилье Сиракузовых – это отдельная песня. Вроде несколько изолированных комнат, метраж неплохой, но планировка! Входишь внутрь, ни холла, ни даже маленького пятака нет, попадаешь сразу в длинный-предлений коридор. Слева кухня четыре с половиной метра. В такой даже кошке тесно. Потом комнаты, они большие. И опять «но». Прямоугольные пеналы с одним окном. Ширина такая, что можно только боком стоять. А длина, как дорога до Петербурга. Все. Ни кладовки, ни гардеробной, санузел совмещенный. Муж Наташи фанатично собирал книги, полки повсюду висели. Он ими весь коридор забил, туалет. Места для житья просто не было. Запах пыли. Теснота! Беда! Петр денег в дом не приносил, весь заработок у букинистов оставлял. Наташа была оформлена почтальоншей, оклад – копейки. Да она и его не получала, работала за Сиракузову другая баба. На почте только ее трудовая книжка лежала. Семья на заработок гадалки жила. Где ей клиентов принимать? На дом она выезжала только за большую плату. У Сиракузовых была избенка в деревне, правда близко от Москвы, недалеко от Красногорска. С Рижского вокзала ехать десять минут. Вот там она и сделала офис.

Аглай Борисовна нахмурилась:

– Я к Наталье прекрасно относилась, не возражала, когда она с сыном приезжала. Знала о ее проблемах. Один раз предложила ей: давайте дам вам в долг, вы в кооператив вступите, потихоньку потом мне деньги отадите.

Сиракузова ответила:

– Огромное спасибо. Давайте у карт спросим.

Посмотрела на расклад и пояснила:

– Много сложностей нас ожидает. Первая: наша нора хоть и неудобная для жизни, но метраж большой. На очередь нас не поставят. Если я возьму у вас деньги, отдать не смогу. Мне болезнь в дальнейшей жизни выпадает. Делать нечего, придется жить нам в узких пеналах.

Через неделю она мне позвонила и спросила:

– Если я объясню, как смогу получить от государства бесплатно еще

одно жилье, поможете? Деньги не нужны, только связи.

Аглай замолчала.

– Наталья Ивановна придумала оригинальное решение проблемы? – восхитился Димон.

– Думаю, ей его кто-то подсказал, – ответила Аглай, – клиентов у Сиракузовой толпа была, нашелся среди них ушлый человек. Коля подключил свои связи, организовал процесс. Я его упрашивала несколько лет, муж далеко не сразу согласился. В результате все как по маслу прошло. Если вы все это зачем-то раскопали, то знаете, как мы поступили. У Наташи была замечательная мачеха Анна Савина. Хотя язык не поворачивается ее мачехой назвать. Она падчерицу обожала, все ради нее была сделать готова. Еще у нее была сводная сестра Анастасия, намного младше гадалки. Анна сразу согласилась на фиктивный обмен, обрадовалась:

«Хочу Натулечке помочь, у них с мужем не комнаты, а щели. Кажется, что в квартире одни коридоры, только некоторые из них с диванами».

Настю Лейкину в Москву мы привезли. Володя сначала заартачился: «Не хочу жениться!» Муж с ним беседу провел, объяснил: брака как такового не будет, Лейкина поселится отдельно, просто штамп им в паспорта поставят. Все ради большой квартиры, которая ему же и достанется. Насте Коля потом дал денег на малогабаритную однушку и на небольшой бизнес. Но она быстро жилье продала, магазин свой утопила, пить начала и куда-то пропала.

– Понятно, – пробормотала я, – значит, Володя и Лариса любили друг друга с детства. Анимаиса рассказала нам, что ей очень нравился Сиракузов. Но он на нее внимания не обращал. Что неудивительно, Владимир был юношей, Анимаиса малышкой.

– Анимаиса! – поморщилась Аглай. – Ну она и фрукт! У моего отца была сестра Капитолина, бездетная. Когда она решила ребенка из интерната взять, я Наташу попросила будущее семью посмотреть. Сиракузова изучила девочку и очень деликатно объяснила: не надо ее в дом брать, от этого ребенка добра не жди, она проклята. Лучше взять другую крошку. Я Капе осторожно намекнула: найди другую девочку. Та уперлась: нет, мне эта нравится. Ну вы знаете, что из этого получилось. Мне пришлось в конце концов Анимаису в свою семью взять. Намучилась я с ней! Ходит тихо, глазки в пол, ушки на макушке. Всем своим видом демонстрирует: я смиренная сиротка. На Ларису постоянно ябедничала, но по-хитрому. «Тетя Аги, дайте, пожалуйста, Ларочеке аспирин». – «Зачем? Она здорова» – «Ей дядя Игорь мороженое купил! Самую большую

порцию, она на улице пломбир съела! Вдруг заболеет? Я волнуюсь за нее. Ой, получается, я выдала Ларочку и дядю Гарика? Ой! Не хотела! Ох, я просто испугалась за ее здоровье!»

– Отвратительная девчонка! – воскликнула Лариса. – С малых лет была интриганкой! О том, что ей тоже два рожка вафельных достались, промолчит, а обо мне обязательно «позаботится».

– Вы ее поэтому выгнали в день восемнадцатилетия? – бесцеремонно спросил Федор.

Глаза Аглай потемнели.

– Выгнали? Это Анимаиса вам напела?

– Она мне безудержно завидовала! – воскликнула Лара, – хотела получить то, что родители мне покупали.

– С деньгами у нас проблем тогда уже не было, – подхватила Аглай, – мы одинаковые платья покупали девочкам.

– Так и ходили мы, как клоны, – сердито сказала Лара. – Хорошо, в институт она за мной не поперлась. Ее в медучилище пристроили.

– Почему вы взяли академический отпуск? – спросила я.

Лариса вздохнула.

– Просто поняла, что вуз, куда родители меня пристроили, никакого образования не дает. Конечно, я сама виновата, в школе плохо училась, в МГУ такую не возьмут, там требования высокие. Но работу хотелось получить интересную, а для этого нужны знания. Я решила заниматься журналистикой. Вот и поехала в Гольяновск к подруге мамы, она владелица газеты.

– Одного не пойму, – остановила дочь Аглай, – какое отношение наши семейные дела имеют к тому, что Володя с ума сошел и к вам приехал с просьбой дьявола найти?

Михаил Юрьевич кашлянул.

– Владимир Петрович обратился в бригаду по другому поводу. Он давно понял, что в юности на фоне температуры он просто бредил. Тогда сатана ему, юноше, который вырос, прямо скажем, не в самой обычной семье, почудился. Живи мальчик в среде фанатов Дракулы, он мог бы с графом-вампиrom во время жара встретиться. Ну и афера матери с квартирой, женитьба на Лейкиной не добавили Володе положительных эмоций, он стал нервным.

– Настя, старая дура, к нему приставала, – вдруг рассмеялась Лариса.

– Дорогая, не неси ерунду, – велела Аглай.

– Он мне рассказал, – зачастила дочь. – После регистрации брака молодые приехали к Сиракузову. Володя Анастасии сказал: «Я пошел

спать, а ты езжай на квартиру, которую тебе сняли. Зачем вообще за мной увязалась?» Она заныла:

– Уже поздно, я устала, можно лягу в другой комнате?

Вова разрешил. Ночью его разбудил чей-то шепот. Он глаза открыл, а Лейкина рядом, целует его.

– Милый, я давно без мужика, очень тебя хочу!

Он с ней чуть не подрался, еле из койки ее выпихнул, в санузле заперся, на унитазе сидел, не выходил. Настя в дверь колотила, потом поняла: облом. И рано утром смылась.

– Я не знала! – ахнула Аглая.

– Володя никому этого не рассказывал, – пояснила Лариса, – только мне, когда...

Она замолчала.

Ершов внимательно на нее посмотрел.

– Когда?

Лариса молчала.

– В какой момент ваш муж рассказал историю, о которой большинство парней промолчало бы? – не отставал психолог. – Мужчины, как правило, любят говорить только о своих сексуальных подвигах. И многие, кстати, не откажутся переспать с той, кто сама пристает. Пусть Анастасия не молода, не хороша собой, но...

– Свет не обязательно зажигать, – влез со своим замечанием Федор, – ночью все кошки черные, а бабушка с опытом подчас предпочтительнее молодой. Она не от тебя всего требует, сама старается угодить, ну прямо как в последний раз в жизни выступает!

Я пнула Миркина под столом носком туфли.

Лариса упорно молчала. Михаил Федорович продолжил:

– Думаю, сия беседа произошла, когда вы недолго уехали в свадебное путешествие и остались одни в номере отеля. Может, Сиракузов к вам приставать стал. А вы ему напомнили, что брак ваш фиктивный, он заключен для того, чтобы люди не судачили, будто дочь Горелова больна или лесбиянка. У вас был договор, Владимир получил за женитьбу собственный бизнес. Но вы ему не принадлежали, вы другого мужчину без памяти любили. Так сильно, что для того, чтобы никто не узнал о вашей связи, согласилась на замужество с Сиракузовым. Если он еще раз попытается к вам грязные лапы протянуть, вы пожалуетесь своему настоящему Ромео. И конец котенку!

В комнате стало тихо, пауза затянулась, потом Аглая возмутилась:

– Ну и дрянь некоторым в голову приходит! Дочь обожает Володю. Он

ее первый и единственный мужчина. Я воспитала девочку в строгости. Она девственность потеряла после свадьбы в первую брачную ночь. А массажными салонами зять владел до того, как у них с Ларой чувство друг к другу возникло.

– Если Лариса надела фату, являясь невинной девушкой, то зачем ей спираль от беременности? – поинтересовалась я. – Она ее поставила до бракосочетания и с тех пор регулярно меняла.

Аглай приоткрыла рот, по щекам ее дочери поползли красные пятна, она прошипела:

– Влезли в мои медицинские документы? По какому праву?

– Искали ответы на многочисленные вопросы, – призналась я. – Почему вы, Лариса, вдруг бросили учебу? По какой причине решили перебраться в Гольяновск? С каким мужчиной на самом деле живете вы? Почему, когда Игорь внезапно умер, в дом Гореловых не приехали ни «Скорая», ни полиция? В случае смерти еще не пожилого мужчины, никогда не жаловавшегося на проблемы с сердцем, врачи обязаны оповестить служителей закона.

Глава 38

– Конечно, мы всем позвонили! – сорвала Аглая.

– Нет, – отрезал Коробков, – есть архив, где содержатся сведения обо всех вызовах. Из вашего дома никто не звонил.

– Это не все вопросы, – сказала я, – людям кажется, что они надежно спрятали концы в воду, но след всегда остается. Да, первый массажный салон Владимир открыл до свадьбы. Вопрос: где он, бедный в прямом смысле слова парень, взял деньги? Что-то продал? Сумма, которую Сиракузов вложил в дело, для обычного человека была гигантской. Да, многие начинали бизнес, выставив на торги свою квартиру, дачу... Но это не про Владимира. У него все осталось на месте. Лариса мне сообщала великую тайну про «потерянное» колье. Якобы она украшение продала, и на выручку любимый Володя открыл салон. Влюбленная девушка сделала это ради того, чтобы отец дал добро на свадьбу. Бесштанный жених Горелова не устраивал, а мелкий бизнесмен вполне подойдет.

Лариса нахмурилась:

– Я с вами откровенничала, некрасиво чужие тайны прилюдно обсуждать.

Димон улыбнулся:

– Лариса Николаевна, вы сочинили про ожерелье красивую историю. В реальности все было иначе. Ваш жених заключил договор об оказании медицинских услуг с фирмой «МонтоксМаркт». Он подрядился делать массаж сотрудникам. Ему выплатили разом всю сумму. Владимир честно заплатил немалый налог и открыл первый салон. Юридически придраться было не к чему. Все честь по чести. Но вообще-то странно. Сиракузову за массаж выдали авансом уйму денег. Я выяснил, что такое «МонтоксМаркт». Фирма ранее входила в холдинг... Николая Горелова, она занималась оказанием юридических услуг, потом закрылась. Во время подписания договора с Сиракузовым контора существовала только на бумаге. Фактически не работала. Платеж Владимиру был первым и последним в том году. Спустя шесть месяцев после отправки транша Сиракузову предприятие ликвидировалось. Думаю, деньги на бизнес жениху Ларисы дал будущий тестя. Возможно, она потеряла колье. Возможно, продала его. Но это уже другая история. Далее. Вы мне говорили, что в вашем доме нет ковров. Так?

Лариса вскинула брови.

– И что? У мамы аллергия на пыль.

– Когда Лариса показывала мне Королевство Шоколадного Пугала, она обронила фразу: «Только в этом помещении у нас толстые ковры. Мамочка не переносит пыли. Но она боится, что какая-нибудь кукла упадет, разобьется...» – напомнила я.

– И что? – теперь уже гневно вопросила Лариса.

– Есть интересная статейка в прессе про то, как Николай Горелов стирал сам в реке ковер и на олигарха пожаловались местные рыбаки. Очень мужики разозлились, что богач их рыбу распугал, – объяснил Димон.

– Вранье! – разозлилась Аглая. – Еще скажите, что его арестовали и менты папараazzi сведения продали.

– Да нет, – возразил Коробков, – документов о приводе не найдено. Но наш сотрудник Миркин не поленился поехать в деревню, рядом с которой ваш особняк находится. Живы-здоровы люди, которые Николая скрутили и потащили в местное отделение. Мокрый ковер они бросили на берегу, и он куда-то делся. Но в селе ничего не скроешь, Федору шепнули: шикарный половик уволокла к себе Катя Глазова, он у нее до сих пор избу украшает. Екатерина и сейчас в своем доме живет. Она Федору рассказала, что пошла купаться после первой дойки коровы около шести утра, нашла чудо-ковер, мокрый, но очень дорогой, жаль, что с большим бордовым пятном. Глазова решила, что он из коттеджа олигарха, гости пролили красное вино, а хозяева просто выкинули испорченный коврик. Чего им с их миллиардами? Враз новый купят вместе с магазином в придачу. Забрала Катя находку себе, с трудом, но привела ее в порядок, до сих пор радуется, на красоту глядючи. Потом рыбаки всем рассказали, что Горелова в околоток отвели. С ментами можно договориться привод не оформлять. А как сельских заткнуть? Олигарх понятия не имел, что народ языками чешет. Каким образом до прессы история дошла? Не знаю. Может, кто-то из корреспондентов в деревне жил? Избу снимал? Но не это интересно. Есть другой занимательный вопрос: почему Николай решил ковер в реке стирать? Он определенно лежал в Королевстве Шоколадного Пугала. Более нигде паласов в доме нет. Кто там вино пил? Или не вино пролилось? Почему Аглая Борисовна ранее делала монстров, а после смерти Игоря стала ваять милых куколок? По какой причине Лариса и Володя живут вместе с женщиной, которая, мягко говоря, не отличается кротким нравом? Почему договор с дьяволом написан на чистой пергаментной странице, которую кто-то выдрал из старинной книги? Она принадлежала отцу Владимира, а теперь находится в библиотеке вашего мужа. После свадьбы

Сиракузов привез все свои книги в дом жены.

Коробков встал, открыл сейф и вынул оттуда пакет.

– Мы изъяли один том.

– Что? – подпрыгнула Аглая. – Кто разрешил? И как вы прошли в особняк? Все. Хватит. Мы уходим. Лариса, вперед!

Дочь молча смотрела на мать.

– Вставай, – скомандовала Аглая, – шагай! Они не имеют никакого права нас задерживать. Прощайте, господа!

Обе женщины направились к двери. Аглая Борисовна первой переступила через порог. Лариса замешкалась на мгновение, потом обернулась. В ее глазах метались страх, тоска и усталость.

– Вам надо только позвонить нам, – тихо сказала я.

Лариса молча исчезла в коридоре.

– И что теперь? – буркнул Коробков.

– Она непременно позвонит, – ответила я, – думаю, что уже завтра.

Глава 39

На следующий день мы приехали в дом Аглай Борисовны и Ларисы.

Когда Горелова узнала, какие гости к ней заявились, она вмиг велела:

– Уходите! Я вас не приглашала!

Лариса, которая стояла у окна, повернулась к матери.

– Нет. Пусть останутся. Это я им позвонила.

– Зачем? – возмутилась Аглай. – С ума сошла?

– У нас остались вопросы, – спокойно пояснила я, – ваша дочь любезно согласилась на них ответить.

Честно говоря, я ожидала, что вдова закричит на меня что есть сил. Но она почему-то молча села в кресло.

Коробков вынул из портфеля коричневый бумажный пакет и похлопал по нему рукой.

– Начнем с того момента, где остановились вчера. Здесь книга из библиотеки Сиракузова. Вчера вами были заданы вопросы: кто разрешил ее взять, как наш человек проник в особняк. Ну это уже не интересно. Главное, письмо дьяволу написано на листе из тома, который тут лежит. Вывод: послание состряпал кто-то из домочадцев. И опять вопрос! Аглай Борисовна, дама не самого юного возраста, ни разу после кончины брата не обратилась к врачам, отчего она перестала следить за здоровьем? И почему Лариса не сидит в клинике у постели мужа? Она ни разу не приехала к супругу. И вот вам самый лакомый кусочек. Екатерина, та, что утащила ковер, хорошо его помыла, сверху ворс чистый. Но когда наш эксперт полез специальным прибором внутрь, там осталось немного красной субстанции. Провести анализ не составило труда...

Лариса прижала руки к груди.

– Хватит! Это я!

Аглай схватила дочь за плечо.

– Лара! Уймись. Молчи. Они врут. Книгу не могли изъять. Крови на ковре нет. А если и есть, то она уже непригодна для исследования. Нас берут на испуг!

– Кто вам сказал про кровь? – встрепенулась я. – Вчера речь шла о вине.

Дочь вывернулась из рук матери.

– Пусть так! Пусть они соврали! В лабораторию ничего не отнесут. Но они все знают. Играют с нами сейчас, как кот с мышью. Хватит, я больше

не могу. Устала. Я убийца! Только я! Одна я! Остальные меня спасали. Владимир мне не муж. Он был для прикрытия. Вот!

Лариса посмотрела на мать.

– Ты можешь уйти в свою комнату. Я останусь. Прости, я очень люблю тебя, но жить так более не могу.

Аглай Борисовна прикрыла глаза рукой.

– «Но если в ваших обвинениях есть и правда, то к слабостям ее не будьте вы строги»^[5].

Лариса вскинула подбородок и начала рассказ.

Аглай Борисовна отличалась на редкость стервозным характером. Сколько Лариса себя помнит, столько в их доме стоял крик. Орала всегда Аглай. Лариса с малого возраста усвоила: если возразить маме или ослушаться ее, случится взрыв похуже атомного. И дело не ограничится руганью, мать может надавать ей затрецин. Госпожа Горелова никогда не отличалась стройностью, она была крепкая, ширококостная, с тяжелой рукой. Когда маленькая Лара получала смачный подзатыльник или затрецину, у нее потом долго гудела и кружилась голова, начиналась тошнота. Девочка приходила в ужас от воплей родительницы. Чтобы не слышать ее истерического визга, малышка никогда не вступала с ней в дискуссию.

Аглай в разговоре со всеми членами семьи употребляла только глаголы в повелительном наклонении: «принеси, замолчи, сделай, убери, прекрати...» Слов «пожалуйста», «спасибо» она никогда не произносила. Маленькую Лару мать не хвалила, не обнимала, не целовала. «Уйди», «Не мешай», «Не лезь» – самые частые фразы, которые дочь слышала в детстве от матушки. Отец молчал. Если жена начинала кружить на метле и пикировать на голову мужа, тот никогда не огрызался, в самый разгар побоища мог сказать: «Мамочка, у тебя в ушках старые сережки. Поехали купим новые!» Аглай переставала орать и бежала одеваться. Лет в двенадцать после очередной взбучки от матери Лариса пришла к отцу в кабинет и заплакала:

– Почему ты все маме позволяешь? Угодить ей невозможно. Сижу на стуле – плохо. Стою – отвратительно. Лежу – я лентяйка. Жаль, я не умею в воздухе висеть, но и это ей не по вкусу придется.

– Она твоя мать, – сказал отец, – родителей не выбирают, их просто надо любить.

– Детей тоже надо любить, – возразила девочка, – а вы меня терпеть не можете. Мать орет, а ты ей за скандалы подарки даришь. Тебе фиолетово, что меня бьют.

— Я тебе тоже презенты приношу, — напомнил Николай, — вся комната в игрушках, в шкафу одежда красивая.

Лариса рассмеялась:

— Да только я могу надеть лишь то, что мать позволит, а играть надо в то, что она разрешит. Маман меня полностью контролирует, а ты своего ребенка не защищаешь, потому что трус, опасаешься взбучку получить.

Николай показал на кресло.

— Сядь. Когда мы с твоей мамой стали встречаться, я был мастером цеха, где производили эксклюзивные торты. Делал фигуры из шоколада, о большем не мечтал. А у Аглай было не женское, а мужское честолюбие, желание разбогатеть, добиться успеха. Она меня заставила в самом начале перестройки открыть кафе-кондитерскую. Я заартачился, денег нет, где их взять? Аглай ответила: «Продаем квартиру, снимаем однушку». Вот с этого весь мой бизнес и начался. Я благодарен жене, хотя признаю, часто она бывает невыносимой. Но Аглай твоя мать. И этим все сказано.

Лариса поняла, что отец не примет ее сторону, и более к нему с разговорами не подходила. Поддержку она нашла там, где совсем не ожидала.

К Аглае иногда приезжал ее брат Игорь. Сестра тут же налетала на близнеца с гневными упреками. Темы для скандалов были стандартными. Аглай требовала от брата переехать в Москву, жить вместе с Гореловыми, работать в столичном театре.

— Гниешь в провинции, — орала она, — слизень, лентяй! Играешь в убогой дыре! Гамлет на задворках. Одет, как урод! И живешь в деревне!

Неконфликтный Игорь молча слушал ее вопли. Его смирение только сильнее заводило Аглаю, чтобы дать выход гневу, она накидывалась на других членов семьи. Но супруга часто не оказывалась дома, поэтому весь удар обрушился на Ларису. Та начинала тихо плакать, дрожать, один раз ее стошило прямо в комнате.

И вот тогда Игорь вскочил и гневно закричал:

— А ну заткнись! Не трогай девочку!

Дальше пошли непечатные выражения. Поведение брата было таким неожиданным, что Аглай замерла с открытым ртом. Он схватил племянницу за руку и повел к двери. Игорь, у которого не было своих детей, не знал, чем интересуются подростки. Он поехал с племянницей в парк, купил ей мороженое, предложил покататься на карусели. Лара посмотрела на лошадок-слонов, на которых сидели детсадовцы, и расхохоталась.

— Подо мной конь развалится. Лучше пойдем на американские горки.

Дядя, мне семнадцать лет исполнится через месяц.

– Правда, – ахнул Игорь, – вот время бежит.

С того дня Игорь и Лариса стали дружить. Девочка врала матери, что готовится к урокам в библиотеке, а сама ехала в Гольяновск. Дома никто о ее визитах не знал, Игорь встречал ее на вокзале и вез куда-нибудь гулять. У племянницы и дяди сложились доверительные отношения, они оба чувствовали себя никому не нужными. Игорь, которого Сазонова женила на себе обманом, не пытался избавиться от супруги лишь по одной причине: благодаря присутствию в его жизни Юлии местные фанатки перестали вешаться на него. А в обоих театрах, где он успешно работал, прекратили шептаться о том, что «наш синтетический гений великолепно исполняет женские роли, потому что сам гей. Обратите внимание, он ни с кем интрижку ни разу не завел».

Через год первого августа, это число Лариса запомнила на всю жизнь, у Аглай Борисовны случился приступ желчекаменной болезни, ее спешно госпитализировали. Врачи заговорили об операции. Николай не хотел отдавать жену в руки российских врачей, он улетел с ней в Германию. Лариса осталась в Москве, потому что второго числа ей предстояло писать сочинение.

После экзамена Лара позвонила Игорю и сообщила:

– Тема легкая, я получу хорошую отметку. Приезжай скорей, погуляем по Москве. Я одна дома. Папа отпустил прислугу на неделю в отпуск, осталась только охрана, но она сидит в своем домике, в особняк не сунется. Посидим, поболтаем!

Игорь прикатил в кратчайший срок. Дядя с племянницей погуляли по округе, вышли на шоссе, увидели придорожную гостиницу, пошли в тамошний ресторан, выпили вина за удачно написанное сочинение, долго болтали и...

Утром они проснулись в номере в одной постели. Если вы думаете, что Игорь пришел в ужас от того, что вступил в интимную связь с юной племянницей, а Лариса решила покончить жизнь самоубийством после ночи с братом матери, то ошибаетесь.

Любовники обнялись, Игорь сказал Ларе, что она самая прекрасная девушка на свете, а она призналась, как давно и страстно его любит.

Игорь пообещал в ближайшее время оформить развод. Но и он, и Лариса прекрасно понимали, что, живя в Москве и вообще в России, они никогда не поженятся. Наверное, не стоит объяснять почему. Хоть на секунду представьте себе реакцию Аглай на сообщение о свадьбе. Пара обсудила планы на будущее и решила: когда Ларисе исполнится двадцать

пять, они улетят на постоянное жительство в другую страну и там поженятся. Почему надо так долго ждать? Потому что за связь с несовершеннолетней в России предусмотрено уголовное наказание? Но восемнадцать Ларе уже исполнилось! Дело в том, что Николай положил на имя дочери в зарубежный банк большую сумму денег. На нее набежали немалые проценты. Когда Ларе исполнилось шестнадцать лет, отец показал ей финансовые документы и объяснил:

– Справишь четверть века, станешь богатой, сможешь уехать в любую страну мира и жить там припеваючи. Вклад оформлен на двадцать пять лет под рекордно большие проценты. Их уже много набежало. Будешь вести жизнь рантье. Но матери об этом рассказывать не надо. Просто потерпи несколько лет и обретешь свободу. Завидую тебе, у меня в этом возрасте только драные носки имелись.

Справив девятнадцатилетие, Лариса поняла, что мать довела мужа почти до ручки. У отца, похоже, иссякли его любовь и благодарность к жене, а терпение дало трещину. Она оказалась права. Николай стал огрызаться, говорил Аглае не очень приятные слова.

Чтобы родители ничего не заподозрили, Лариса и Игорь встречались тайком в Москве. Артист снял маленькую квартиру на окраине столицы. Он перестал отказываться от предложений проводить разные мероприятия, не гнушался работать на свадьбах, днях рождения. Гонорары он копил, потом покупал Ларочке драгоценности. Она пошла в какую-то клинику, не туда, где наблюдалась вся семья, и поставила спираль. Ромео и Джульетта жили надеждой на будущее счастье. Ночами они разговаривали по скайпу, у них не было тайн друг от друга. Лариса рассказывала, что дома обстановка становится все невыносимее, Аглай окончательно озверела, отец кричит на нее, скандалы гремят постоянно, однасска плавно перетекает в другую. В пылу выяснения отношений родители говорят то, что нельзя никому слышать. Лара вскоре поняла, почему отец не ушел от жены даже тогда, когда она превратилась в сумасшедшую фурию. У Аглай были какие-то документы, они могли скомпрометировать мужа. Ранее она о них помалкивала, но однажды в пылу скандала завопила:

– Если не заткнешься и не поступишь, как я велю, то кое-что вылезет на свет. Все у меня собрано и припрятано.

И Николай замолчал.

А еще, оказывается, на супругу была оформлена большая часть бизнеса.

Прошло несколько лет. Жить в доме стало невыносимо. Аглай становилась все агрессивнее. Как-то раз за завтраком мать велела Ларе:

– Налей мне кофе.

Взяв чашку, госпожа Горелова разъярилась.

– Капучино холодный.

– Я его только что сварила, – сказала Лара.

В ту же секунду чашка полетела в девушку. Лариса не ожидала ничего подобного, не успела увернуться, и фарфоровый бокал угодил ей прямо в лицо. Обжигающий кофе потек по щекам, носу, попал в глаза. Лариса выбежала из комнаты и в чем была укатила в Гольяновск на автобусе, забыв про свою машину.

Игорь встретил ее на остановке. Лариса очень удивилась, увидев его, а он объяснил, что ему позвонил Николай. Тот рассказал ему, что случилось, и предупредил:

– Лара унеслась в тапочках и домашнем костюме, автомобиль ее в гараже остался. Куртку она не надела. Подруг у нее нет. Думаю, она покатила к тебе в Гольяновск. Иди на станцию да прихвати теплую одежду, потом сопроводи ее к Марфе, я позвоню ей.

Игорь отвел любимую к Неписайкиной, рассказал ей об ужасе, который творится в доме Гореловых. Вечером в Гольяновск примчался Николай, он сказал дочери:

– Я оформил тебе академический отпуск. Останешься временно здесь. Я все решу.

Утром отец снял дочке дом в самом престижном поселке, Валентина Неписайкина взяла Горелову к себе внештатным корреспондентом, Марфа выписала ей таблетки. Но Ларисе стало совсем плохо, сначала она плакала сутки напролет, потом спала, не помнит сколько. Затем опять рыдала. В конце концов Игорь взломал дверь, нашел Ларису, у которой остались одни глаза, и спросил:

– Когда ты ела в последний раз?

– В Москве, – всхлипнула Лариса, – утром не позавтракала, Аглай в меня чашкой швырнула.

Парамонов схватился за голову:

– Несколько суток прошло! Я уезжал в столицу! Коля попросил его с Аглай до самолета проводить.

Оказалось, что у скандалистки случился нервный припадок, она дооралась до потери сознания.

Горелов увез жену в Швейцарию, где поместил ее в клинику. Ларису реабилитировала Марфа. Через несколько месяцев Аглай вернулась в Москву тихой, скандалов она не устраивала, пила таблетки, занималась фитнесом, шила кукол. Каждый день к ней приходил делать массаж

Володя, сын Натальи Сиракузовой. Николаю казалось, что швейцарские врачи сумели обуздать нрав Аглаи. Но когда перед ее днем рождения домой приехала Лара, мать словно очнулась от сна. Вид дочери вызвал у нее взрыв недовольства. Спустя пару дней Аглай стала прежней, начала орать по каждому поводу. Лариса молчала, потом почти перестала есть, плакала в своей комнате. Но вскоре взяла себя в руки и сказала отцу:

– Я буду жить в Гольяновске и работать там.

Николай не протестовал, Лариса опять отправилась на службу к Неписайкиной. В институте ее не восстановили, но она и не переживала.

Следующий год был ужасен. Гольяновск небольшой город. Игорю с Ларой там негде было спрятаться. О том, чтобы остаться на ночь у любимого, и речи не было. Игорь опять снял квартиру в столице, они стали встречаться там. У Лары была своя машина, Игорь тоже на колесах, но мотаться туда-сюда они устали. В конце концов девушка решила вернуться домой. Ей в Гольяновске стало неуютно. Да, там нет Аглаи, зато есть местные кумушки, сплетники и Марфа, которая каждый день по десять раз звонила Ларе с вопросом:

– Как дела?

Лариса перебралась в столицу. Отец предложил ей пойти в другой вуз, она отказалась. Ларе не требовалось образования, она понимала: им с Игорем надо дождаться дня, когда ей исполнится двадцать пять лет. Не так уж и долго ждать осталось, можно потерпеть. А потом они улетят куданибудь подальше от этого мрака. У Игоря тоже было непростое время, ему трепала нервы Юля, которая категорически не желала давать супругу развод, отказывалась уезжать из его квартиры. А еще она один раз сказала мужу:

– Ты настаиваешь на разводе? Хорошо. Ты его получишь. Но одновременно на свет выплывает правда, которая тебя убьет. Из любимца местных баб ты станешь объектом их ненависти. У меня есть глаза и уши. Я кое-что знаю, но молчу, потому что жена должна помогать мужу. Но как только ты оформишь развод, мой язык развязется. А вот теперь думай, что мне известно, и соображай: выгодно ли тебе законную супругу из квартиры гнать? Идиот! Эсэмэски по ночам строчишь.

Игорь понял, что жена читает его переписку с Ларой. Парамонов сам никогда не взял бы ее телефон, читать чужие сообщения для него было немыслимо. Вот ему и не пришло в голову, что Юля суёт свой любопытный нос повсюду. Игорь беспечно оставлял трубку дома где попало и поплатился за свою наивность. В придачу ко всем его неприятностям активировалась Аглая, сестра стала исполнять старую песню о переезде

брата в Москву и переводе в столичный театр.

Время шло, Игорь и Лариса устали невероятно. А потом настал день, когда Аги звякнула брату и отрезала:

– Николай договорился с главным режиссером. Тебя берут в театр. Жду тебя через два часа. Не приедешь? Пеняй на себя.

Глава 40

Не стоит описывать скандал, который разгорелся в доме Гореловых, когда Игорь объяснил:

– В столичном театре полно своих звезд, мне главных ролей в ближайшие годы не дадут, я буду просто получать зарплату. Уеду домой. В Гольяновске я звезда, на меня публика идет, я держу весь репертуар. Хочу играть, а не ждать, когда разрешат произнести: «Карета подана!» Москва – это престижно. Но я не собираюсь годами одну реплику выпрашивать.

В ответ на его тираду Аглай заорала так, что Лариса выскочила из гостиной и кинулась в свою комнату, по дороге ей стало дурно, она вбежала в зал, где располагалось Королевство Шоколадного Пугала, потому что там был санузел.

Ларису стошило, она выползла из туалета и рухнула в кресло около стола Аглаи. Мать мастерила очередную куклу, на рабочей поверхности лежали разные инструменты, лоскуты ткани, искусственные волосы. Младшая Горелова попыталась успокоиться, и тут дверь открылась, появился Игорь и живо спросил:

– Ты как?

Любовница не успела ответить, с воплем:

– Нет, ты сделаешь по-моему! – в комнату влетела Аглай.

Сестра напала на Игоря с кулаками, ударила его в лицо, из носа у него потекла кровь. У Ларисы потемнело в глазах, она схватила со стола первое, что ей попалось под руку, вскочила, побежала к матери и...

Лариса прервала рассказ и посмотрела на Аглаю.

– Дорогая, не надо, – тихо сказала та, – остановись. Я люблю тебя.

– Но я люблю тебя сильнее, – заявила Лариса, – поэтому скажу правду.

Я воткнула прямо в глаз Аглае отвертку. Она упала! Инструмент был невелик, размером чуть длиннее моего среднего пальца, крохотная рукоятка, все остальное – лезвие. Или как там называется железная часть отвертки?

Стало тихо, потом Коробков пробормотал:

– Стержень, он заканчивается лопаткой.

– Аглай упала на спину, – продолжала Лариса, – ударились головой о железную... не знаю, как правильно сказать...

– Подставку, – подала голос мать, – на ней лежала всякая ерунда. Такая не очень высокая штука, типа штыря, на него тарелки нанизаны. Вверху он

заострен, как пика! Ковер оросился кровью.

Лариса закрыла лицо руками и прошептала:

– Она умерла. То ли из-за отвертки, которая ей в глаз почти вся вонзилась, то ли из-за падения на эту штуку... с тарелками. Не знаю. Я не хотела ее смерти. Я просто ее ударила.

– Аглай скончалась? – уточнил Ершов и показал на пожилую даму в кресле. – А кто тогда тут сидит?

– Игорь, – ответила я. – Или я ошибаюсь?

– Нет, – ответила «Аглай».

– Я тоже это понял, – протянул Михаил Юрьевич, – просто уточнил. Могу лишь посоветовать никогда не цитировать пьес Шекспира, в которых вы играли. Некоторое время назад вы сказали фразу лорда Стенли из «Ричарда Третьего».

Лариса положила руки на стол и уткнулась в них лицом.

– Мы с Ларой замерли, – продолжал Игорь, – не знали что делать. Просто стояли. Потом появился Сиракузов.

– Владимир? – уточнил Димон.

– Да, – простонала Лариса, не поднимая головы, – он каждый день к матери приезжал, массаж ей делал.

– Опытный специалист, – уточнил Игорь, – тихий парень. Один раз он от Аглаи уходил, посмотрел на меня и сказал: «У вас, наверное, под лопаткой болит?» Я удивился: «Это заметно?» Он улыбнулся: «Мне – да. Хотите покажу простое упражнение? Старая, добрая советская ЛФК. Сейчас она не в почете, а зря».

Парамонов сложил руки на груди.

– Владимир вошел в Королевство Шоколадного Пугала, начал: «Я ищу Аглаю Борисовну, она сказала, как приеду, сразу сюда идти, она делает новую...» – и осекся. А я кинулся к сестре, выдернул из ее глаза инструмент. В тот же миг появился Николай. Вы, наверное, уже поняли, что произошло дальше?

– Горелов потратил много денег и справился с проблемой, – произнесла я, – Аглаю Борисовну похоронили под вашим именем. Вы стали играть роль своей сестры. Наверное, трудно с утра до ночи ломать комедию?

– Нет, – ответил любовник Ларисы, – я профессионал. Аглай внешне напоминала мужчину, крупная, широкая в кости, черты лица топорные. Если сестру коротко постричь, получился бы парень. Но она гордилась копной своих кудряшек. Даже с возрастом не сделала стрижки, только закрашивала седину.

Игорь дернул одну из своих прядей.

– И у меня то же самое на голове. Когда я стригся под бокс, волосы казались прямыми, а чуть отрастали, сразу вились.

– Это не наша идея, – прошептала Лариса, – папина. Он один в тот день голову не потерял, вошел в Королевство Шоколадного Пугала, вмиг все понял и скомандовал: «Игорь, ступайте с Ларой в ее спальню. Володя, иди в комнату Аглаи. Не выходите без моего разрешения».

Мы долго вдвоем с Ларисой сидели, только слышали шаги, шорохи...

– Папа в конце концов к нам пришел, – зашептала Лариса, – свой план изложил.

– Сначала он сказал, – перебил Лару Игорь: – «Знаю, что вы любовники. Откуда? Мне на днях Юля звонила, грозила правду о вас всем рассказать, если я денег ей не дам на переезд в Москву и покупку квартиры. Я ответил: увижу свидетельство о разводе, и ты все получишь. Вас я не осуждаю, сам когда-то без ума в Аги влюбился, но потом она из меня все светлое чувство по капле выдавила. Мы с ней легко поженились, а вам жить вместе нельзя. Вопросы люди задавать начнут: почему дядя с племянницей всегда рядом? Есть только один выход, когда ваша близость никого не смущит, изображать мать и дочь. Поэтому я похороню Аглаю под именем Игоря. Ясно?»

– И вы согласились, – подвел черту Коробков.

– Оцените наше состояние, я вообще голову потерял, – пробормотал артист. – Николай все устроил. Меня положили в клинику, якобы Аглая от стресса заболела. Люди театра умеют гримироваться, тон наложить, ресницы наклеить, я это легко проделываю. Первое время я носил парик, потом свои лохмы отросли. Покрасить их нетрудно, самправляюсь, сейчас для женщин есть все в продаже. Владимиру Коля денег дал на открытие массажного салона. А с прислугой нам повезло, старую Горелов уволил, нанял новых. Как настоящая Аглая выглядела, никто из дворни не знал.

Лариса вдруг улыбнулась:

– Я тоже оказалась хорошей актрисой, так с Марфой поговорила, что она поверила в смерть Игоря, потом обиделась и более «Аглае» не звонила. Все проблемы мы утрясли, кроме одной – Владимир. Он стал из папы деньги тянуть, шантажировал его. В результате несколько салонов открыл. И вдруг отец умер, он никогда не жаловался на здоровье и... раз. Жил человек, и нет его! Имущество разделили по закону. Большую часть, как вдова, получила Аглая, то есть Игорь. Мне досталось меньше, но деньги меня не волновали. Мы жили тихо, я была безмерно счастлива.

Игорь сказал:

– А я увлекся куклами. Раньше мастерил макеты городов, а теперь стал делать сказочных героев, принцесс, волшебниц.

Я молча слушала Игоря. Вот и найдены ответы на вопросы: почему Аглай перестала ваять монстров, по какой причине Лариса и Володя живут с вредной бабой и где на самом деле Сиракузов нашел деньги на свой первый салон. Но...

Я посмотрела на актера:

– По какой причине Лариса стала женой Владимира?

– Он мерзавец, – устало ответил Игорь, – шантажист, гад! Николай – умнейший человек. Но Сиракузов – его фатальная ошибка. Владимир хитрее змеи, он раньше вел себя тихо, молчал в основном. В доме у нас редко появлялся. Потом Николай сказал:

– Надо нам что-то решить. Журналисты меня спрашивают: «Почему ваша дочь не замужем?» Кое-кто из приятелей тоже интересуется. А я хочу в депутаты попасть, шепот по углам мне не нужен. Сыграем свадьбу. Жених есть. Володя Сиракузов. Мы же не можем постороннего мужика в дом привести. А он все знает, нас не выдал. Хороший парень, с детства бывает в нашем доме. Мать у него умом тронулась, она у Марфы в доме престарелых живет. Сиракузов со всех сторон подходит. Лара получит статус замужней дамы. Болтовня утихнет.

– Нам папина идея показалась правильной, – вмешалась Лариса, – и сначала все шло отлично. Володя у нас в доме поселился, но мы его и не видели. Приехал тихо, уехал незаметно. Дом большой, мы с ним не встречались, он на третьем этаже жил, мы с Игорем и отцом на втором. Когда папа умер, деньги и бизнес он нам оставил. А свои знакомства и связи нет. Даже телефонную книжку его не нашли. В мобильном хранились только номера членов семьи... Где находились остальные контакты, мы понятия не имеем. Не успели папу похоронить, Владимир появился и говорит: «Я перееду жить на второй этаж. Лариса мне как женщина не нужна. Но ей надо с официальным мужем на мероприятия выходить. Мне необходим имидж богатого человека со связями. Хочу свой бизнес развивать.

– Мы ему денег предложили, – пояснил Игорь, – но он на своем настаивал, шантажировал нас, пообещал все прессе рассказать. В одной пьесе, где я полицейского играл, мой герой говорил: «Парень! С вымогателем договориться, все равно что воду в песок лить. Сколько ни выплесни, все втянет. Шантажиста можно только убить». Я понимал, что Владимир только начал нас трясти, он не угомонится, но мы с Ларой не

киллеры.

– Если вспомнить судьбу Аглай, то с этим можно поспорить, – возразил Федя.

– Состояние аффекта! – воскликнул Игорь. – Всего один удар! Никто не виноват, что отвертка в глаз угодила и сестра упала на подставку. Это случайность. Рок. Трагедия. Следы не мы заметали – это сделал Николай. Мы с Ларой, если смотреть в корень, тоже жертвы.

Игорь стиснул зубы, на его щеках вздулись желваки, он продолжил:

– Я Сиракузову сказал: «Если рот откроешь, расскажешь про смерть Аги, нам, конечно, понервничать придется. Но и тебе тряпендец. Ты с нами был!

Он рассмеялся:

– Нет, братец. Я вошел, когда Ларка уже мать убила. У меня в кармане всегда диктофон лежит, так, на всякий случай. Я все разговоры записал в тот день. Лариса – убийца, ты мошенник, прикидываешься Аглаей. А я что? Просто свидетель. Да, не донес про смерть Аги. Но это все мое преступление. А теперь ваши вспомните?

Глава 41

– Мать виновата! – воскликнула Лариса. – Из-за ее мерзкого характера все беды.

– И вы стали бывать везде с Сиракузовым? – Димон вернул беседу в прежнее русло.

– А что делать? – крикнула Лариса. – Он стал наглеть, припер сюда свою библиотеку. Слава богу, мать его, гадалка-мошеница, умерла. А то бы и ее привез. С виду он тихий, цветочка не растопчет, а в реальности... гад! Денег тратил сколько хотел, да еще издевался надо мной, звонил с работы при посторонних, сюсюкал: «Ларонька, давай вечером в ресторан сходим!» Имидж мужа богатой женщины создавал.

Игорь стиснул зубы.

– Когда мерзавец впервые велел Ларе с ним на тусовку двинуть, я ему пообещал: «Выгоню тебя вон!» Он не испугался: «Давай. Если, конечно, вам свобода не дорога. Между прочим, если вас посадят, все моим станет. Чего молчите? Языки прикусили? Мне нужно, чтобы люди знали, что у нас с женой любовь и все такое, моя супруга – дочь покойного олигарха.

– Мы поняли, – дрожащим голосом протянула Лариса, – что свято место пусто не бывает. Избавились от ужаса по имени Аглай, теперь вместо нее появился Владимир. Опять в аду живем. Внешне семья на зависть многим: мать, дочь, зять, дружные, богатые, интеллигентные.

– Шелуха все это, – махнул рукой Игорь, – сорви ее, черви внутри окажутся. Беды повалили сначала мелкие: машины новые постоянно ломались, котел отопления зимой полетел.

– Сумку у меня украли, – добавила Лариса, – я во дворе упала, ногу вывихнула. Ерунда вроде, да постоянно неудачи преследуют.

– Потом Владимир с работы приехал и нас в кабинет позвал, – вздохнул Игорь.

– Он себе забрал папину часть дома, – по-детски наябедничала Лариса, – расположился там ну прямо как эмир бухарский! Только мы вошли, он заявил: «Привет тебе, Игорь, от Юлии».

– Я о бывшей жене думать забыл, даже не понял, о ком идет речь, – объяснил Игорь, – а Владимир продолжил: «... она мне позвонила, сказала, надо встретиться. Я ей предложил тихое кафе, она пришла и давай тряндеть: «В тот день, когда Ларка Аглаю убила, я на улице была, в окно подглядывала, Игоря ревновала страшно, чуяла, что у него баба есть, и

решила его высledить». В общем, Юлия видела не все, только момент, когда Аглай уже лежала на ковре, а мы все стояли вокруг нее. И кровища кругом. Она с меня денег за молчание потребовала! Заявила: «Вы официальный муж Ларки, бабло точно у вас есть. Не получу денег, всех сдам!»

Лариса рассмеялась:

– Я ему тогда сказала: «Ага, вор у вора дубинку украл. Теперь ты сам стал объектом шантажа».

Владимир рот скривил:

– Я ей пояснил: bla-bla не сработает, у сучонки ничего нет! Никаких доказательств. Одни слова, она может их себе в задницу засунуть. И ушел, оставил дуру в кафе. Так эта идиотка через пару дней приперлась с ведром деръма. Вылила его мне на машину. Юлю охрана скрутила, в кабинет начальника доставила, а она там умерла. Пальцем ее не трогали, баба просто упала, и капец.

– Я испугался, – признался Игорь, – спросил: «Теперь полиция нас допрашивать будет?» Владимир удивился:

– Зачем? Среди моих вип-клиентов есть очень высокопоставленный человек. Он всякий раз, лежа на массаже, говорит: «Вова, у тебя волшебные руки, если в деръмо влипнешь, звони, не задерживаясь, я помогу». Я его номерок набрал: «Здрассти, Сиракузов беспокоит, я влип в деръмо в прямом смысле слова». Он приехал, и нет Юлии. Вот вы меня оба терпеть не можете, а теперь представьте, что сумасшедшая Парамонова в полицию поперла бы. Скажите мне спасибо! Я весь удар на себя принял. Лара, давай деньги на новый салон. Прямо завтра.

– Договор-то от лица сатаны кто из вас написал? – поинтересовался сидевший молча Ершов. – Чья идея, исполнение? И главное, зачем этот спектакль?

Игорь отвернулся к стене.

– Это я, – призналась Лариса, – знала, что Владимир верит в эту чушь. Как я это выяснила? Когда Наталья Ивановна умерла, Сиракузов напился и захрапел в столовой на диване. Я ушла в спальню. Где-то часа через два я уловила запах дыма, а в доме никто не курит. Сразу подумала: в столовой камин не затушили, что-то случилось: дверца открылась, угли высыпались. Такой казус невероятен, но я очень нервничала. Побежала взглянуть. Ба! Камин пылает, стекло открыто, рядом Сиракузов в топку еще одно полено сунуть пытается. А оно не лезет, на пол сыплются головешки. Я крикнула: «Перестань!» Он обернулся, попятился, глаза мутные.

– Ваня! Дьявол! Ты пришел.

На колени упал, руки протянул.

– Ваня! Я помню наш договор! Я получаю богатство! А ты мою душу через тридцать лет забираешь. Умоляю, дай еще немного пожить! Когда ты ко мне впервые пришел и мы бумагу подписали, надо было тогда век жизни у тебя требовать.

И давай рассказывать, болтал без умолку, все выложил. Он вообще-то совсем не пьет, но из-за смерти матери за бутылку схватился. Спиртное ему язык развязало, он меня долго не отпускал, все умолял его в живых оставить. Потом захрапел. Я стою, не знаю, то ли плакать, то ли смеяться. На мне была пижама черная, под курткой белая футболка. С нетрезвых глаз за мужской костюм сойдет. Он меня за сатану принял!

Я пошла к Игорю, рассказала ему, мы поржали, что я нечисть. И все. А потом, когда Сиракузов стал совсем нагло себя вести, чуть ли не хозяином дома себя считать, я подумала: что, если его напугать?! Подмешать вечером в чай какое-нибудь лекарство, которое мозг туманит, нарядиться дьяволом, сказать: «Решил тебя через год забрать», и отдать ему договор. Затем подождать пару деньков, опять прийти. Напугать его, а потом сказать: «Я, дьявол, только к этому дому привязан, в другие войти не могу», он точно из нашего особняка тогда удерет! Доведу его до того, что он умчится прочь. Но как договор-то выглядит? Полезла в интернет, а там вся информация на сайте про дьяволов есть. А на другом адресе рассказ, как мошенники народ дурят, якобы автографы знаменитостей прошлых веков продают, они из старых книг страницы берут... Я полезла в библиотеку Сиракузова, просмотрела книги и все сделала! Печать дьявольскую заказала. Лист из одного тома вырвала, чернила купила...

– Кровь где взяли? – поинтересовался Димон.

Лариса улыбнулась. Я вздрогнула. Отлично помню, как пришла в дом Гореловых, а она с радостной улыбкой сказала: «Муж в тяжелом состоянии». «Аглая» мигом поняла, что «доченька» совершила грубую ошибку. Нельзя жене радоваться, когда ее супруг при смерти находится. «Мамочка» тогда произнесла целую речь о том, как ее «доченька» с детства нервно хохочет при любой беде.

– Я дала Сиракузову тарелку с ужином, – пояснила Лариса, – а у нее край отбила и так ее повернула, что гаденыш схватился за ост्रое место и порезал руку. Дальше объяснять?

– Не надо, – остановила я Ларису, – думаю, вы промокнули кровью ватными или марлевыми тампонами, а потом один из них прижали к листу.

– Вот такая я хитрая, – похвалила себя Лариса.

– Игорь Борисович, вы знали о том, что задумала Лариса? – спросил

Михаил Федорович.

– Нет, – вместо любовника быстро ответила Сиракузова, – я ему ни слова не сказала. Хотела нас от пакостника избавить, потом все объяснить. Зачем любимого заранее нервировать?

Глава 42

– Марина Комиссарова, помощница Владимира, – начал Димон, – она...

В глазах Ларисы вспыхнул огонь.

– Иногда таких по телевизору показывают в юмористических программах: победительница конкурса красоты – нереальная кретинка. Я полагала, что этот типаж существует исключительно на экране. Ну нельзя быть такой идиоткой! Их придумали! Но, оказывается, такие экземпляры в действительности есть! Владимир шантажист, отвратительный человек! Но он абсолютно одинокий, мне порой его жалко было. Странные, конечно, у нас с ним отношения. Мда. Назвать Сиракузова бабником нельзя, женщин он сторонился. Порой я заезжала к э... э... э... так сказать, к мужу на службу. Он говорил: «Появишься у меня точно в полдень, войдешь в кабинет со словами: «Милый, я ехала мимо, решила тебя обнять. Ох, не знала, что здесь есть люди». Ему требовалось кому-то из посетителей продемонстрировать наши крепкие семейные отношения. Да, одно время я видела в приемной карикатурную секретаршу. Ну прямо мрак! Что внешний вид, что речь, что поведение. А при чем тут эта девица? Надеюсь, вы не думаете, что я дружила с ней?

– Я беседовала с Мариной, – ответила я, – после моего ухода она позвонила по номеру, который зарегистрирован на имя Константина Павловича Федотова. Поговорив, Комиссарова через некоторое время куда-то отправилась, ее путь проходил по небольшой улице, там промзона. И камеры отсутствуют. Куда торопилась Марина, не известно, но она упала в открытый люк теплотрассы и погибла.

– Можно подумать, что рабочие ремонтировали трубы и забыли вернуть на место крышку, – добавил Коробков, – но в тот день на этой магистрали никаких работ не производилось. Эксперт сообщил, что Марину не толкали. Не стоит грузить вас подробностями, просто поверьте, опытный специалист всегда видит: человек свалился сам или его спихнули. В случае с Комиссаровой дело обстояло так. На улочке стояла машина. «БМВ», джип новой модели. Только-только поступил в продажу. Их в Москве пока по пальцам можно пересчитать. Марку определили по следам шин, и из них же явствует, что водитель рванул с места в карьер. На руках Марины нет синяков, которые свидетельствовали бы, что ее схватили и потащили помимо воли. Большинство убийц понятия не имеет, что

кровоподтеки образуются и после смерти и могут изобличить преступника. Комиссарова свалилась сама.

– А я тут при чем? – спросила Лариса. – Свяжитесь с этим... э... Константином! Не мне Комиссарова звонила!

– Проблема возникла, – вздохнула я, – Федотов давно покойник. Интересный штрих – свой век он доживал в доме престарелых, который принадлежит Марфе Неписайкиной. Постояльцы там в основном пожилые люди, с памятью у них беда. Бросят где-то вещь, забудут, куда положили. Поэтому в интернате есть правило: все потерянное персонал кладет в определенное место. Там ничего не пропадает. Похоже, в данном случае кто-то просто приватизировал трубку Константина Павловича. Марфа ваша знакомая, вы одно время лечились у нее. Ваше появление в коридорах интерната не удивит ни врачей, ни медсестер.

Лариса широко распахнула глаза.

– Намекаете на то, что я украла телефон старика, а потом использовала его? Господи! У меня нет проблем с деньгами. Легко могу купить любую трубку. Зачем мне воровать?

– Богатые тоже плачут, – без тени улыбки произнес Ершов, – а еще они врут, воруют, убивают. Не стоит думать, что жирный счет в банке делает человека ангелом. Зачем вам воровать? Ответы возможны разные. Ну, например, чтобы получить номер, который оформлен на чужое имя. Зачем вы Кристине Конкиной препараты дали?

Глава 43

На лице Ларисы появилось выражение крайнего изумления.

– Какие?

– «Брумофобил» и «Фисорокол», – пояснил Михаил Юрьевич, – смертельное сочетание.

– Э... э... – пробормотала Лариса, – ну... этого... я не делала. Конкина вообще ни при чем, она не так давно у нас работает. Ни о чем понятия не имела.

– Управляющая постоянно что-то принимала, – заметил Игорь, – витамины, иммуномодуляторы. Что по телевизору рекламировали или соседи ей советовали, все без разбора глотала.

– Еще она очень шоколад любила, – вспомнила Лариса, – вот от торта отказывалась. Кристина мне нравилась. Когда она к нам на работу пришла, в доме сразу порядок навела! Зачем мне Конкину лекарствами кормить? От нее только польза была.

– Польза в доме – это хорошо, – согласилась я. – Лариса Николаевна, я стала свидетелем того, как вы уволили горничную Варвару.

– И что? – сердито спросила Лара. – Она разбила Розанну, над которой Игорь долго трудился, хотел куклу на выставке представить! Ей запретили кукол трогать...

– Помню эту ситуацию, – остановила я Ларису: – Варвара клялась, что Рози уже была разбита, когда она вошла в Королевство Шоколадного Пугала.

– Да ей запретили туда входить! – взвилась Лара. – Велели просто дверные ручки чистить!

– А незадолго до несчастья с Розанной погиб Поль, – напомнила я.

– Да, – кивнула Лариса, – Игорь его нашел, но... не очень расстроился. Поля делала Аглая Борисовна. Игорь в него частичку своего сердца не вложил. А вот Розанна!

– Вы любите конфеты? – неожиданно спросил Димон.

Лариса удивилась:

– Странный интерес. Да. Но только одной фирмы. Шоколад определенного вида.

– Где его можно купить? – не отставал Коробков.

Лара вскинула брови:

– Не в России. Только в Доминикане.

Я опять вмешалась в разговор:

– Когда разразился скандал с Варварой и произошла ее драка с Кристиной, вы предложили Конкиной пойти в вашу спальню и угоститься конфетой из коробки, которая спрятана в шкафу. Так?

– Да, – подтвердила Лариса, – повторяю, мне нравилась Кристина, претензий к ее работе не было. Конкина большая сладкоежка. Я видела, что ее трясет от негодования. Мне захотелось ее поощрить. Дело не в том, что я предложила ей лакомство. Могла купить для Кристины грузовик всего. Нет! Дело в том, что это моя радость, которой я ни с кем не делюсь. Понимаете? Эта шоколадка ценна не тем, кто и где ее сделал. А тем, что она моя! Я ею только Кристину угостила.

– Вы очень хорошо объяснили, – похвалил Михаил Юрьевич Лару, – в прежние времена цари поощряли слуг вином или пряником со своего стола. Получить такой подарок очень почетно. А откуда у вас эта коробка?

– Игорь, как всегда, подарил, – улыбнулась Лариса, – он очень внимательный, заботливый, лучший на свете!

– Давно вам любовник преподнес презент? – поинтересовался Димон.

– Ну... дней десять назад, – ответила Лара, – может, неделю.

– Вы уже попробовали конфеты?

– Пока нет.

– Чего так? – удивился Коробков. – Вот Татьяна бы не удержалась. Да?

– Точно, – кивнула я, – сразу могу съесть всю коробку. У вас железная сила воли.

– Ох нет, – возразила Лариса, – я тоже могу истребить полкоробки в один миг. Дело в другом. У меня небольшие проблемы со здоровьем, врач назначил курс препарата, пить его надо два месяца. Доктор предупредил, что оно несовместимо с грейпфрутовым свежевыжатым соком, молочными продуктами, шоколадом. Поэтому я воздерживаюсь.

Я повернулась к фальшивой Аглае:

– Игорь Борисович, вы знаете о недомогании Ларисы Николаевны?

Актер не успел открыть рот, вместо него ответила любовница:

– Конечно, нет! Умная жена не сообщает супругу о каких-то неполадках в своем организме, тем более в самом деликатном месте. Конечно, если, не дай бог, операция... Тогда уж не скроешь. А у меня простая ситуация, она купируется лекарствами. Мужчинам не нравятся больные женщины в кровати.

– Правильно, – согласился Ершов, – давным-давно существует поговорка: «муж любит жену здоровую, а брат сестру богатую». А если здоровая супруга имеет толстый кошелек – еще лучше. Правда, Игорь

Борисович?

– Главное, чтобы жена была любимая, – сказал тот.

– Да, – с жаром подхватила Лариса, – главное в жизни – любовь! Только она важна! Остальное все ерунда. Можно лишиться красоты, денег, власти. Но любовь у человека отнять невозможно!

– А если тот, кого вы страстно любите, вас бросит, уйдет к другой? – спросила я.

– Ну и что? – с горящими глазами воскликнула Лариса. – Он заберет свою любовь. Но моя при мне останется! Буду думать: ему хорошо теперь с той женщиной. Конечно, я буду страдать от разлуки. Но главное, ЕМУ хорошо! Если ваша любовь зависит от того, любит вас муж или нет, то вы его не любите. Путано объясняю.

– Наоборот, очень понятно, – мягко сказал Михаил Юрьевич, – только чувство, о котором вы говорите, редко кому дается, это дар Божий. И есть опасность спутать любовь с психологической зависимостью. Этакий наркоман от чувств получится, разум терять нельзя.

– Зная об уникальности шоколада, все равно попрошу вас принести сюда коробку, – сказала я.

Лариса пришла в недоумение:

– Зачем?

– Мы знаем, что Конкина умерла от инсульта, который был вызван приемом лекарственных препаратов, – объяснил Миркин, – Кристина очень внимательно относилась к своему здоровью, она раз в году проходила диспансеризацию. Последнюю прошла за пару недель до смерти. Никаких болезней обследование у нее не выявило. Ей ничего не выписывали. Сомнительно, что ваша служащая даже слышала название того, что приняла в день кончины. В ее желудке не было еды. Только следы шоколада. Лекарства, о которых мы говорим, существуют как в таблетках, так и в инъекциях. Но следов от уколов на теле нет. Есть предположение, что шоколад, который съела Конкина, был с «начинкой» из медикаментов.

– Глупости, – рассердилась Лариса, – коробку по просьбе Игоря сюда прямо с завода доставили!

– Известны случаи, когда обиженные на хозяина предприятия рабочие отравляли производимые продукты, чтобы таким образом отомстить владельцу за низкую зарплату или унижения, – пояснил Коробков, – в ваших же интересах, чтобы мы проверили: есть ли в конфетах смертельная начинка.

Лариса вскочила:

– Да, вы правы!

Игорь встал:

– Сиди, милая, я сам принесу.

– Открой правую дверцу, – начала Лара, – там...

– Солнышко, я прекрасно знаю, где ты конфеты прячешь, – остановил ее Игорь, – видел же, как ты коробку достаешь!

Он ушел.

– Игорь такой замечательный! – воскликнула Лариса. – Заботливый. Видели? Сам пошел!

– Надеюсь, вы никому не рассказали о нашей маленькой просьбе, – встрепенулся Димон.

– Молчала как рыба, – кивнула Лариса.

– Вы умница, – похвалил ее Коробков.

Глава 44

– О! Конкина честно взяла одну конфетку, – заметил Димон, открывая коробку, которую принес Игорь, – но, судя по пустому месту, самую маленькую. Илья, можешь сделать тест?

Аверьянов, который на протяжении всего разговора не издал ни звука, ответил:

– На наличие лекарственного препарата без точного установления наименования, да!

– Мы просто узнаем, есть ли в шоколадках лекарства, – уточнил Димон, – а вот какие именно, ты выяснишь в лаборатории.

– Да, – подтвердил Илья.

– Начинай, – скомандовала я.

Аверьянов поставил на стол железный чемоданчик и открыл его.

– Пока Илья работает, – заговорил Коробков, – я хочу задать вопрос Игорю Борисовичу. Вы приходили к Сиракузову в офис?

– Да, – подтвердил тот.

– Зачем? – тут же поинтересовалась я.

– Ларочка уже ответила, – пояснил актер, – он нас использовал. Два или три раза вынудил меня якобы случайно заглянуть в его кабинет. Демонстрировал каким-то посетителям свою любимую тещу, вдову олигарха Горелова.

– Комиссарова сидела в приемной недолго, ее уволили, – продолжал Коробков, – жила красавица в убогой квартире. Но у нее на вешалке висела новая шуба.

– И на пальце у нее сверкало колечко, – добавила я. – Похоже, с фианитом, не помолвочное, не роскошное, но все же... Очевидно, у девушки был любовник. Он делал ей не самые дорогие подарки, но и не плюшевые игрушки приносил.

– Теперь давайте вспомним про Юлию Парамонову, вашу первую жену, – сменил тему Димон. – Когда вы уехали в Москву, чтобы поговорить с Аглаей и не вернулись, Марфа Неписайкина раз волновалась, стала звонить вам, но вы выключили мобильный. Марфа связалась с Юлией, та огрызнулась в ответ на звонок, сказала, что она дома. В самом начале их беседы Марфа услышала странный звук! Сейчас включу запись моего разговора с госпожой Неписайкиной, вчера я с ней беседовал.

Коробков подвигал мышкой, раздался женский голос:

– Нет-нет, по-другому гудело, знакомо очень, но не могу вспомнить, где раньше слышала этот звук: у-у... у-у.

Через секунду раздался гудок, который издает электричка, проезжая без остановки станцию.

– Да! – обрадовалась дама. – Именно такой.

Димон продолжил:

– Я дал послушать владелице «Сада здоровья» разные звуки. Она выбрала поезд. Похоже, Юлия находилась не в своей кровати, когда с ней связалась Марфа, а была на станции. Точно утверждать этого нельзя, но можно предположить, что жена проследила за Игорем, которого, несмотря на неудачный брак, обожала и ревновала. Она как-то проникла на участок Гореловых и увидела то, что ей не следовало.

– Когда все случилось, зайти на территорию труда бы не составило, – прошептала Лариса, – мать уличила начальника охраны в преступлении. Он знал, что повариха, управляющий, горничные и вообще вся прислуга ворует у хозяев, и никого не наказывал за процент от украденного. Аглай заподозрила неладное, поговорила с одной служанкой, пообещала ей большую премию, и та всех сдала. Мать разом всю дворню выперла, включая и информаторшу. Мы более тридцати дней жили без прислуги. Матери не нравился никто из тех, кого ей предлагали агентства. За домработницу пахала я. Охраны вообще не было.

– Не очень приятно самой постели застилать, – заметила я, – когда погибла Аглай Борисовна, в особняке не было посторонних. Только члены семьи. Это сильно облегчило задачу Николаю, который заметал следы.

– Юлия могла просто перелезть через забор, – сказала Лариса.

– Наверное, она так и поступила, – вздохнул Димон. – Спустя несколько дней к вам приехала Марфа, но в доме шел ремонт, рабочие ей сообщили, что хозяева уехали.

– Верно, – вздохнула Лариса, – мы все временно покинули дом. Сняли особняк в соседнем поселке. На первом этаже стены перекрасили... обновили санузлы, полы, ну... так нам захотелось!

– Аглую Борисовну убили отверткой? – уточнила я.

Лариса кивнула.

– Где она? – не удовлетворилась я ответом.

Стало тихо, потом Сиракузова сказала:

– Куда-то подевалась!

– Куда? – не отставала я. – Только не говорите, что ее выбросили!

– Игорь ее из Аглай выдернул и отбросил. А папа, когда пришел, поднял ее и унес, – прошепестела Лариса.

– Куда? – повторила я.

Она молчала.

– По моему личному опыту я знаю: человек, который хочет спасти того, кто впервые совершил преступление, обычно прячет орудие убийства. Скорей всего оно в Королевстве Шоколадного Пугала, – предположил Михаил Юрьевич. – Его засунули в куклу?

Лара всхлипнула.

– Не знаю. Он не сказал.

– Хотите, я угадаю, в какую? – предложил психолог. – В само Шоколадное Пугало. Почему я так думаю? Ваш отец находился в стрессе, но понимал, что выкинуть орудие убийства опасно, вдруг его кто-то найдет. Ужас непрофессионального преступника, который впервые лишил жизни человека, описан в разных работах. И там же рассказано, как поступает близкий ему человек. Жена. Сестра. «Мама, я убил Ваню, он меня довел!» – кричит сын и валится на диван. А что делает обожающая его мать? У нее в один момент возникает желание тщательно замести следы. Начинается паника. Поднимается давление, трясутся руки. Голова перестает четко работать. Человек совершает глупости. Так поступают все непрофессиональные, даже очень умные люди. И ваш отец не исключение. Николай помчался на реку стирать ковер. В нормальном состоянии он запихнул бы его в багажник, а утром увез бы куда подальше. Ковер можно разрезать и рассовать по разным помойкам, но бизнесмен потерял голову. И он решил спрятать отвертку там, где ее никто не найдет. В Шоколадном Пугале. Почему я так думаю? Обычную куклу надо разрезать, потом аккуратно зашить. Да и лишний шов останется. С шоколадом еще сложнее обычному человеку. Но давайте вспомним, кем работал Николай до того времени, как Аглай стала лепить из него олигарха? Он создавал фигуры из какао-массы. Николай просто нагрел какую-то часть Пугала, она стала мягкой, и засунул внутрь улику. Если разрешите, я пофантазирую. Итак, я Николай. Аглай лежит на ковре. То, что она мертва, понятно сразу. Дочь в прострации. Игорь в состоянии, близком к истерике. Да еще, трамтарарам, Сиракузов приперся! Нужны мне свидетели? Давление прет вверх. Ум почти парализован. Почти. Но не до конца. Включаю остатки разума, понимаю: всех надо изолировать. Но сначала отвертка. На ней могут остаться отпечатки. Бегу в свою комнату, сую ее в ящик ночного столика. Дочь с Игорем отправляю в спальню, Владимира в гостевую. Звоню другу, владельцу медцентра, тот быстро сам приезжает на «Скорой». Мы с ним грузим тело, Аглую увозят. Я возвращаюсь в дом, вижу ковер в крови, бегу его стирать. Я почти обезумел. Да, я поднял бизнес. Да, в моей жизни

всякое было. Да, я видел покойников. Да, влипал в разные ситуации. И никогда не терял самообладания. Но сегодня особый день. Убили мою жену. Пусть я Аглаю давно не любил, но мы вместе были много лет. Ужас, мысли о том, что в последнее время я хотел ее смерти, страх за дочь, которая, е-мое, спит с дядей – все мысли слиплись в один тяжелый ком. Он распирает череп. Когда все вроде уложено, я падаю в кровать, просыпаюсь рано. Сначала думаю: кошмар мне приснился. Но нет! Это правда. Встаю, бегу в туалет, и тут! Как удар копья! Отвертка! Но я уже взял себя в руки, сегодня я не такой, как вчера. Возвращается способность мыслить здраво. Выбросить отвертку стремно, вдруг кто-нибудь найдет. Надо спрятать. Где? Шоколадное Пугало! Даже если дома проведут обыск, вспорют подушки, кукол, фигуру из шоколада не тронут. Почему? Да опера подумают: «Ну как туда можно что-нибудь засунуть? Шоколад-то крошится, это не одеяло, не матрас, внутрь ничего не положишь». Ха! Я-то знаю, как в Пугало отвертку засунуть. Я-то мастер!

Ершов перевел дух.

– Полагаю, Николай как-то так рассуждал. Но вам он не сказал, где отвертка. Горелова жизнь приучила никому не доверять. Игорь Борисович, почему вы стали искать орудие убийства? Действовали аккуратно. Разбили Поля. Почему именно его? И по какой причине уничтожили Розанну? В ней-то точно отвертки не было. Сами же ее сделали недавно.

– Перестаньте, – рассердилась Лариса, – ненесите чушь! Поль рассыпался от старости. А Розанна… Игорь не мог ее уничтожить. Рози – особая кукла! Я так Игорю и сказала, Рози – это я! У тебя я получилась. У нее мое лицо! Ясно?

– Лариса, – сказал Ершов, – в Королевстве Шоколадного Пугала повсюду лежат ковры. Постелены они настоящей Аглаей Борисовной, чтобы какая-нибудь кукла, случайно упав, не разбилась. Почему же Розанна погибла? Горничная, которую выгнали, не врала, она не виновата. Думаю, Игорь Борисович схватил свое произведение, которое вы считали своим портретом, и шмякнул куклу об стол, а потом ушел, оставив осколки.

Лариса опешила.

– Не собираюсь более слушать эту чушь! – вспыхнул артист. – Сей бред не имеет ко мне ни малейшего отношения!

– Ладно, тогда посмотрим кино, где вы исполняете главную роль, – неконфликтно предложил Димон. – Илья, как у тебя дело с анализом конфеты?

– Шоколад экстракласса, – сообщил Аверьянов, – качество восхитительное. Чисто. Ни малейшего следа никакого лекарства!

– А вы чего ждали? – рассмеялась Лариса. – Найти цианистый калий?

Димон повернул свой ноутбук так, что его экран стал хорошо виден не только Ларисе, Игорю, но и мне. Появилось изображение.

– Это что? – пролепетала через пару секунд Лариса.

– Ваш любимый Игорь достает из вашего шкафа коробку шоколада, – начал комментировать Коробков, – кладет ее в пакет. Оттуда вытаскивает другую коробку, точь-в-точь такую же, открывает, вытаскивает самую маленькую бонбоншку и уходит.

– Милый, у тебя было две коробки? – изумилась Лара.

– Раскрылся мой секрет, – рассмеялся Игорь, – я хотел тебя порадовать, когда ты конфеты из первой съешь.

– Принесите нам ту, что взяли из гардероба, – попросил Федор, – ее тоже проверим на медикаменты.

Игорь поморщился:

– Господа, не пора ли вам уйти?

– Лариса призналась в убийстве матери, – напомнил Коробков, – мы обязаны сообщить о преступлении. Она попадет под следствие.

Игорь молчал.

– СИЗО, суд, зона, – тяжелые испытания даже для тех, кто привык жить в бараке, в нищете, – произнес Ершов, – а для изнеженной дочери Горелова это стресс, он может привести к необратимым последствиям, к смерти Лары.

Игорь встал.

– Что вы хотите? Наказать меня за присвоение чужой личности? Так я не обманывал Лару, не мошенничал. Я спасал любимую женщину, поэтому и прикинулся Аглаей, изображал немолодую бабу!

– И устали, – подвел черту Михаил Юрьевич. – Я понимаю вас. Вы совершили роковую ошибку, меняя коробки, не открыли ту, что лежала в гардеробе, не проверили, какую конфету взяла Кристина. Решили, что горничная постеснялась взять центральную, поэтому съела маленькую. Ах нет! Кристина слопала самую большую шоколадку. Мы-то сделали фото открытой коробки.

Лицо Игоря покрылось красными пятнами.

Дверь открылась, появилась Вера с коробкой.

– Вот! Он ее засунул под свой матрац. Глупо очень!

– А ну верни на место! – заорал Игорь. – Дрянь! ...! ...!

– Милый, – ахнула Лариса, – что ты говоришь?

– Себя спроси! – потерял всякий человеческий облик любовник. – Дура! Кретинка! Идиотка! Ненавижу! Надоела! Кто им разрешил камеру в

своей спальне установить?

– Я, – пролепетала Лариса. – Они попросили... сказали... что кто-то из прислуги хотел меня отравить, а конфету съела Конкина... вот и... ну... вот... попросили никого не предупреждать, даже тебя, потому что ты можешь случайно проговориться... но... но...

Димон поднял руку:

– Игорь Борисович! Мы объяснили Ларисе Николаевне, что с большой долей вероятности шоколад отравлен. Конкина – случайная жертва. Убойное, в прямом смысле этого слова, сочетание лекарств предназначалось ей, хозяйке дома. Кто-то из слуг ее ненавидит. Она и подумать не могла, что лишить жизни ее решили вы. Жизнь Ларисы спасло то, что она послушалась врача, и, чтобы вылечиться, принимала предписанный препарат и не ела конфеты, которые могли свести на нет эффект таблеток. А вам не повезло. Лара про недомогание вам не сообщила. Наверное, вы удивлялись, почему она никак не свалится с инсультом, не оставит «маму» со всеми деньгами. Вы действовали хитро, лекарства заказали по интернету, курьера вызвали в вестибюль одного банка. Но, представляете, мы нашли девушку-студентку, которая принесла вам пакет с ампулами. Как нам это удалось? Ответ прост: я гений.

– ...! ...! – выматерился Игорь. – Всю жизнь мне испоганила! Почему не сказала про камеру, дрянь... ...! ...!

В комнату вошло несколько парней, они увели Парамонова.

– Почему я ничего не сказала Игорьку? Господи! – прошептала Лариса. – Я вам не верю. Какой яд? Бред! Игорь в последнее время стал очень нервным. У него постоянно голова болела. Зачем его волновать сообщением про отраву? Вот. Я всегда берегу Игорька, он старше меня. Люблю его. Вот. Почему он коробку подменил? Не знаю! Но я уверена: нет там ничего, кроме моих любимых конфет. Отравы нет! Глупости вы говорите.

Илья поднял пробирку, в которой плескалась красная жидкость.

– В коробке, которую притащил сам Игорь Борисович только шоколад. А в той, что принесла Вера, в конфетах много какого-то препарата.

– Эх, Лариса Николаевна, – с жалостью сказал Димон, – полюбили вы принца, а он оказался змеей подколодной.

– Бойся любовника, шоколад приносящего, – мрачно перефразировал крылатое выражение Ершов.

Эпилог

– Значит, Аглаю Борисовну убил Игорь? – спросила Рина, щедро посыпая макароны на своей тарелке сыром.

– Именно так, – подтвердила я, – вопль «Игорек!», который слышала Марфа, – это не реакция на смерть актера. Это оторопь и ужас от того, что он совершил. Николай опомнился первым, он бросился к Ларисе, по дороге наступил на телефон, который ранее отшвырнула Аглай, говорившая с Марфой, и раздавил его. Что происходило далее, Лара сказать не может, не помнит ничего. Как отец справился со всем, Лариса не знает. Она очнулась около любовника в спальне. Сколько времени прошло, она понятия не имеет. Потом Николай посадил их в машину, увез Игоря в медцентр, а Ларису в другой поселок. На следующий день отец объяснил дочери, что Игорь будет жить под видом Аглаи. Артист «умер». Лара прошептала:

– Зачем ему мамой прикидываться?

Олигарх на нее накричал, напугал, что Игоря посадят.

– Странно и глупо, – поморщилась Ирина Леонидовна, – Николай же смог купить врача, который выдал справку о смерти Игоря по естественной причине. И одновременно он организовал похороны жены, как ее брата. Небось хорошо заплатил в морге. Зачем маскарад с переодеванием? Намного проще было осыпать доктора милыми его сердцу купюрами, тот написал бы бумагу о кончине Аглаи от инсульта, и живите спокойно! И уж совсем непонятно, по какой причине олигарх вывел из-под удара Игоря. На минуточку, тот лишил жизни его жену! Это же он ударил сестру отверткой в глаз.

– Вот так проходит любовь, – вздохнул Иван. – Николай много лет нежно относился к супруге, которая буквально вынудила его заняться бизнесом. В их паре доминировала Аглай, она же оформила на себя почти всю семейную недвижимость, фирмы и прочее. Николай долго не претендовал на роль лидера. Но с течением времени он оперился, встал на ноги, начал зарабатывать ого-го какие деньги и уже не нуждался в помощи супруги. Горелов стал самостоятельным, успешным человеком, ощущал уважение и страх окружающих. У него резко повысилась самооценка. А жена по-прежнему держала его за, как она говорила, «ленивого недоумка». Никогда не хвалила, только ругала, требовала работать еще больше, во всем ее слушаться. Любовь Николая к супруге дала трещину, затем стала

рушиться, а потом и вовсе рассыпалась.

На смену обожанию пришло раздражение на истеричную бабу, затем злость. Развестись с Аглай он не мог. Ей принадлежала львиная доля всего имущества. Она сварлива, бесцеремонна, хамовата, но вот дурой ее назвать нельзя, Аглай понимала: у кого деньги, тот дома главный. Когда ее убили, Николай запаниковал. От неожиданности произошедшего он на время забыл, что является всемогущим олигархом, превратился в Колю, мастера шоколадного цеха. Помчался на рассвете сам стирать ковер! Это поведение бедного парня, для которого ковер – дорогая вещь! Подсознание порой творит с человеком дивные вещи. Но потом Горелов пришел в себя, снова стал самим собой и разрулил ситуацию. Почему он не похоронил жену? Справедливый вопрос, но еще интереснее другой: по какой причине отец не пришел в негодование, когда узнал, что его дочь спит с родным дядей? По идеи он должен был схватить табурет, вмазать Игорю по темечку, немедленно вызвать стражей закона и сдать родственника-убийцу, сладострастника, полиции. В чем причина толерантности Николая? Вернемся пока к Аглае. Мама, ты сама догадаешься или мне объяснить причину, по которой она должна была остаться живой?

– Деньги? – предположила Рина.

– В точку, – кивнул мой муж, – всегда они! Какие аргументы ни находит убийца, какие песни он ни поет о любви, унижении, желании отомстить... Если разбираться тщательно, то непременно докопаешься до сундука с надписью «Бабло»!

Я покосилась на Ивана. Ох, похоже, он не на шутку зол. Супруг никогда не употреблял жаргонные словечки.

– Аглай всегда была психологически сильнее мужа. Он ее побаивался, – продолжал Иван, – но Николай умер, с ним уже поговорить нельзя. Как Ершов, который составил психологический профиль Горелова, узнал о его страхе перед женой? И вообще, как он влез в голову покойного олигарха? Михаил – отличный специалист. Он побеседовал со многими людьми, в частности, с помощниками Николая, секретарями, референтами. Психолог изучил снимки супружеского парта, прочитал все интервью, которые давал олигарх, по крупицам собрал информацию. О многом рассказал бизнес Николая. Холдинг Горелова состоит из мелких фирм, большинством из них владела Аглай, олигарх же исполнял роль генерального директора. Давайте вспомним, что именно жена вынудила Колю заняться бизнесом. Думаю, она опасалась, что супруг устанет или наделает глупостей, вот и подстраховалась. Если Аглай умрет, Николай лишится многого. Как уже говорилось, дом, участок, московские квартиры, все было оформлено на

жену.

– Так Николай – наследник, – хмыкнула Рина, – он получил бы все по завещанию.

– Нет, – возразил Иван, – отнюдь не все. Есть дочь Лариса. И внимание, Игорь, родной брат Аглаи. Им положены немалые части имущества. Начнется дележка наследства, возможен суд. У партнеров Николая возникнет удивление: как, он не хозяин? Все принадлежало жене?

– Бизнесмены часто оформляют часть своих владений на родных, мать, супругу, – заметила я.

– Согласен, – кивнул Иван, – но это всегда риск. Вспомни недавний скандал с владельцем объединения «Мега профкор»^[6]. В ДТП погибла его сестра, на которую была записана большая часть бизнеса. И поднялся галдеж, лай! Муж покойной, дети, брат, мать, отец, все хотели откусить шматок наследства. Откуда-то появилась ее дочь от первого брака, она тоже заявила свои права. По телепрограммам зашумели шоу, вся страна обсуждала жизнь бизнесмена, на свет вылезла масса того, что он не собирался никому открывать. Аглае надо было некоторое время оставаться живой, чтобы Николай мог решить все проблемы с бизнесом. А вот Игорю, наоборот, хорошо бы умереть. Покойничкам денег не дают. Игорь рассказал, что Николай сказал им с Ларисой:

– Пожениться вы не можете, если кто-нибудь узнает, что дядя живет с племянницей, у вашего дома, где бы он ни находился, раскинут палатки представители желтой прессы. Я вас не осуждаю, будьте счастливы, только детей не заводите, они рождаются больными. Игорек, есть смысл тебе гнить в провинции? Терпеть Юлию? Смерть избавит тебя от жены, с которой ты по глупости связался.

Лариса, без памяти влюбленная в артиста, сразу согласилась. Игорь, прямо скажем, не самый умный представитель рода человеческого, тоже. Учтите, в то время он испытывает к Ларисе сильное чувство. И все сложилось. Пара стала жить в свое удовольствие, первое время им было хорошо вместе. Любовники наслаждались обществом друг друга. А Николай тем временем стал осторожно, неторопливо, чтобы не привлекать внимания к своим действиям, переводить на себя бизнес. Игорь сказал следователю, что подписал для олигарха какие-то доверенности. У близнецов, как правило, почерк похож. Присутствия «жены» для оформления документов Горелову почти никогда не требовалось. Мы не знаем, платил олигарх Сиракузову за молчание или нет. Но можно предположить, что да. А вот когда Николай умер и Владимир перестал получать от него деньги, владелец массажных салонов стал Ларису

шантажировать. Лариса с течением времени все сильнее и сильнее любила Игоря, чувство у нее превратилось в зависимость. Дяде же обожание племянницы надоело, он устал жить на пике эмоций, Лара ему как сексуальный объект приелась, захотелось новых ощущений. Любовь Игоря к ней оказалась обычной страстью, которая подогревалась редкостью встреч, необходимостью прятаться от всех. От совместного проживания настоящая любовь становится крепче, а вот страсть гаснет. Игорь стал врать Ларисе, что у него собрание любителей кукол, уезжал из дома, переодевался в машине в мужскую одежду, знакомился с девушками. Несколько раз он затевал короткие романы. И вот тут его выручал старый телефон, который когда-то давно Игорю дал одинокий мужик, постоялец дома престарелых. Марфа иногда просила друга детства приехать к ее подопечным, выступить перед ними, почитать стихи. Игорь ей не отказывал. Во время одной такой встречи он познакомился с Константином Павловичем Федотовым, подружился со стариком, стал его навещать. Один раз во время совместной прогулки по саду Константин сказал:

– Небось ты устал от звонков. Тебя сейчас за десять минут пятеро дернуло.

– Это утомляет, – согласился Игорь, – то жена с вопросом, то сестра, то фанаты. А если я отключу трубку, только хуже будет, родня с упреками налетит: почему не отвечал. У меня сейчас небольшой роман с одной дамой. Она постоянно эсэмэски пишет. Приходится все время сотовый при себе держать. А еще один номер завести смысла нет. Его все мигом узнают!

Константин протянул Игорю свою трубку.

– Возьми мою. Не нужна мне совсем. Друзей, родни не осталось. Заодно избавишь меня от оплаты. Номер оформлен на меня. Совет: пользуйся мобильным только для общения с любовницами, не носи его домой, спрячь в машине. У меня было когда-то две трубки. Одна дома открыто валялась, другую я в багажнике в запаске заныкал.

Игорь взял его сотовый. Когда у них с Ларой вспыхнула любовь, Парамонов разорвал отношения с бывшей поклонницей и отключил телефон Федотова. Лариса писала на другой номер. А когда Лара ему наскучила, артист опять стал пользоваться трубкой Константина. Придя как-то к Сиракузову в офис, Игорь обратил внимание на Марину. Но он был в образе Аглаи, поэтому не заговорил с секретаршой. На следующий день, уже в образе мужчины, Игорь поймал девушку на улице, предложил пойти выпить... Отношения затянулись. Марина надоела Игорю, он стал подумывать, как ее тихо отправить подальше. Более всего его раздражала манера Комиссаровой болтать часами по телефону, сообщать ему все

новости. Парамонов старался пропускать их мимо ушей, но недавно Комиссарова позвонила ему и стала хвастаться, что к ней приходила главный редактор журнала Татьяна Сергеева, хорошо заплатила за интервью, интересовалась семьей Сиракузова.

– О! Уж я ей все рассказала, – таращела Марина, – и про Вовку! И про Ларку! И про сучонку Аглаю!

Игорь занервничал, предложил Комиссаровой пообедать. Убивать ее он не собирался. Он понял, что это начальница особой бригады встречалась с Мариной, хотел выяснить, о чем шел разговор. Игорь ждал Марину в машине, она побежала к нему, не заметила открытого люка и упала в него. Парамонов испугался и уехал.

– Благородный поступок, – хмыкнула Рина, – может, он сам крышку-то поднял?

Я разверла руками:

– Этого мы никогда не узнаем. Там камер нет.

– Лариса во время нашей беседы стала выгораживать Игоря, – продолжал Иван, – врать, что это она вонзила отвертку в Аглаю и написала договор с дьяволом.

– Мы-то сразу поняли, что не она все это затеяла, – сказала я.

– Почему? – поинтересовалась Рина.

– Дочь Аглаи пошла по моей просьбе посмотреть в библиотеке книги, – сказала я. – Составь Лариса договор, она бы соврала, что такого издания нет. И, знай она, что «сатана» – это Игорь, никогда бы том не взяла. Актер знал про тот давний бред Сиракузова.

– Откуда? – спросила Рина.

– Так ему Лариса рассказала, – усмехнулся Иван, – женщины любят своему мужчине все выкладывать. Лара выложила историю с камином, посмеялась над Владимиром, который ее черную пижаму с белой футболкой принял за мужской костюм. У Игоря был план: он доведет Сиракузова до нервного срыва, а потом угостит его таблетками. И упс. Инсульт. Для Ларисы возлюбленный заготовил две коробки обожаемого ею шоколада. Одну с «начинкой» из лекарств и другую чистую. Игорь знал, что Лариса никого своим шоколадом не угощает. Когда племянницу увезут в больницу, он отправленную коробку выбросит, и концы в воду. Сиракузова нет, Лариса на кладбище. Безутешная «Аглая» станет наследницей, продаст недвижимость и уедет подальше. Там «она» снова станет мужчиной и заживет припеваючи. Игорь переведет все свои деньги на мужское имя, которое будет значиться в новом паспорте... Вот так он себе будущее представлял. Но не срослось. Владимир пришел к нам. Лариса не стала

сразу есть конфеты, угостила Кристину...

– И она еще хотела вместо Игоря оказаться на зоне! – возмутилась Рина. – Решила, что про таких женщин Лесков в «Леди Макбет Мценского уезда» писал. Так, у меня еще есть вопросы.

– Задавай, – кивнул Иван.

– Анастасия Лейкина, первая фиктивная жена Владимира Сиракузова, что с ней? – поинтересовалась Ирина.

– Точно неизвестно, – призналась я, – о ней нет никаких сведений, кроме того, что ее несколько раз задерживали за дебоши с соседями в пьяном виде. Лейкина стала алкоголичкой. Сведений о ее смерти нет, но, думаю, она умерла или ее убили собутыльники, бросили труп в каком-то укромном месте.

– Сиракузов вроде говорил, что начал бизнес на деньги, которые ему, медбррату, в благодарность за доброе сердце оставил некий старик, – продолжала Рина. – Это...

– Чистейший воды ложь, – остановила я свекровь, – этот рассказ размещен на сайте его фирмы, Владимир эту версию всегда озвучивал журналистам. Красивая история, которая объясняла, откуда у небогатого человека нашлись деньги, и представляла массажиста в выгодном свете. Она не совпадает с действительностью по датам, но на такую ерунду никто внимания не обращал. На самом деле, как ты уже знаешь, что деньги ему дал Николай.

– Что с Владимиром, вы так и не рассказали, – сказала Рина.

– Он на днях скончался, – вздохнул Иван, – очень тяжелый инсульт был у него.

– Значит, Ершов был прав, когда говорил, что Лариса, повторяя: «Я хорошая девочка», просто пыталась саму себя в этом убедить, – протянула Рина, – она прекрасно понимала, что спать с родным дядей скверно. Да уж, наломала она дров. Что теперь с ней будет?

Иван пожал плечами:

– У нее прекрасный адвокат. И в чем Ларису можно обвинить? Аглаю убил Игорь. Договор от лица дьявола тоже составил актер, и он же пугал Владимира. Лариса про договор узнала от Тани, когда та к ней приехала для беседы. Но она не знала, что все сделал ее любовник. А когда она в процессе разговора с нами поняла правду, то просто попыталась выгородить любовника. Любой ценой, даже ценой своей свободы. Взяла на себя все! Игорь же хотел отравить Ларису, он виновник смерти Кристины. Хотя ее кончина им не планировалась.

– Читайте Лескова! – воскликнула Рина. – «Леди Макбет Мценского

уезда»! Хотя я об этом уже говорила! Поняла, зачем Горелову нужна была живая Аглай. Деньги! Но вы не ответили, по какой причине он не убил Игоря, когда узнал о его связи с юной Ларисой. Николай-то правду давно выяснил!

Я посмотрела на мужа, тот отодвинул пустую тарелку.

– Есть вопросы, на которые дать ответ мог лишь сам Николай. Но он умер. Возможно, бизнесмен подумал: «Аглай издевается над дочкой, у той нет ни друзей, ни кавалера, познакомиться ей с парнями негде». Вспомни скандал, во время которого убили Аглаю. Дочь просилась погулять, говорила, что хочет выйти замуж, а где жениха встретить? Мать ее на коротком поводке держала. Вероятно, эта сцена сподвигла отца подумать: «Ну пусть хоть с дядей она секс узнает. А то так и умрет старой девой». Хотя это лишь мои предположения.

– Ну как можно любить такого мужика? – возмутилась Рина.

Иван развел руками и встал.

– Да. Вот так. Любовь зла. Сама же говорила о «Леди Макбет Мценского уезда». Спасибо за ужин.

– Не я готовила, – отмахнулась свекровь, – из коробки достала.

– Ты намного вкуснее готовишь, – улыбнулся Иван, – пойду в душ.

Ирина Леонидовна огляделась по сторонам и зашептала:

– Танечка, тебе не кажется странным, что Ване для потери веса надо постоянно есть мучное, сладкое, буженину, жареную картошку, пить кофе со сливками? А тебе, которая его просто на лечение от большого живота заманила, сегодня прислали два плевочки тертого свежего огурца без соли?

Я не успела ответить, потому что зазвонил телефон, меня разыскивал доктор Воинов.

– Дорогая Татьяна, – завел он, – произошел казус. Сейчас все объясню. Врач стал велеречиво вещать.

– Ага, да-да, понятно, – бормотала я, а когда эскулап умолк, поинтересовалась: – Надеюсь, вы вернете деньги, которые вам заплатили за весь курс? Мы более в центр не приедем.

– Что случилось? – спросила свекровь.

– Пришел ответ на твой вопрос про питание в коробках, – объяснила я, – нас перепутали.

– Кого с кем? – удивилась Рина.

– Татьяна Сергеева и Иван Тарасов – это мы, – начала я объяснять, – простые имена, незамысловатые фамилии, в семье основная проблема с весом у мужа. Одновременно с нами в тот же день в широко разрекламированную клинику обратилась еще одна пара: Иван Сергеев

и Татьяна Тарасова. Те же имена и те же фамилии. Но у них другая проблема: супруга весит сто сорок с чем-то кило, а муж восемьдесят. Худеть надо ей. Ну все, как у нас, только наоборот. Муж по фамилии Сергеев. А толстуха супруга – Тарасова.

– Вас перепутали! – рассмеялась Рина.

– В точку, – согласилась я, – мы-то с Иваном не протестовали, он спокойно наедался, а я, наплевав на зеленую воду, питалась как обычно. Конечно, диета супруга и его занятия странным спортом – храп под тихую музыку – меня изумлял. Но из-за того, что навалилось много работы, я не успела поговорить с Воиновым. А вот вторая пара возмутилась, потребовала ответа на вопрос: почему толстой жене дают котлету с макаронами, а стройному мужу пустой чай на обед! И открылась правда! Извини, Рина, но мы более ни ногой к этим докторам.

– И правильно, – отрезала свекровь, – главное, не нервничай! Главное, это спокойствие.

Из коридора раздались грохот, звон, потом вопль домработницы:

– Роки! Мози!

– Опять братья-разбойники что-то натворили! – подпрыгнула свекровь и помчалась смотреть, что произошло.

Я осталась в комнате одна. Люблю своего мужа, он замечательный человек, пусть не романтичный, но надежный, прекрасный друг. И с Риной мне повезло по полной программе. Хотя, как вы понимаете, мать мужа могла оказаться другой. Как угадать, сложатся ли у тебя хорошие отношения со свекровью? Это невозможно. Но можно подстраховаться. Каким образом? Выбирайте себе жениха, у которого много младших братьев. Станете старшей невесткой, и вам достанется только малая толика общения со свекровью.

notes

Примечания

1

«Тангалашка» – так называл сатану старец Паисий Святогорец (1924–1994).

2

Земля Ханаан. В библейские времена страна, простирающаяся на запад от излучины реки Евфрат и от Иордана до берега Средиземного моря. Сейчас Ханаан поделен между Сирией, Ливаном, Израилем, Иорданом. Ханаан еще известен как Земля обетованная.

3

Доктор правильно назвал тех, кто жил в библейские времена в земле Ханаан. А вот с верблюдоидами ошибка. Похоже, Воинов их сам придумал.

4

Автор категорически НЕ РЕКОМЕНДУЕТ читателям применять на практике советы Любы.

5

Цитата из пьесы Шекспира «Ричард Третий». Эти слова говорит лорд Стенли.

6

Название придумано автором. Любые совпадения случайны.